АКАДЕМИЯ НАУК СССР

И. М. ДЬЯКОНОВ

УРАРТСКИЕ ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

И. М. ДЬЯКОНОВ

УРАРТСКИЕ ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

Вступительная статья
Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1963

Ответственный редактор

В. В. СТРУВЕ

Б. Б. Пиотровский

УРАРТСКИЕ НАДПИСИ ИЗ РАСКОПОК КАРМИР-БЛУРА

(Вместо предисловия)

Сто лет назад, в 1862 г., была опубликована первая урартская надпись, обнаруженная в Закавказье.[1] Это короткая пятистрочная клинообразная надпись, высеченная на скале у сел. Ганлиджа, в ущелье р. Ахурян.

С тех пор внимание исследователей клинописи было обращено к урартским эпиграфическим памятникам Закавказья, но систематические раскопки одновременных им крепостей начались лишь в 1939 г. Местом стационарных работ был выбран холм Кармир-блур на юго-западной окраине Еревана, на котором за три года до того геолог А. П. Демехин нашел обломок тесаного камня с остатками клинописного текста, сохранившего имя царя Русы, сына Аргишти.

До находки А. П. Демехина на территории Закавказья было известно 25 урартских надписей, высеченных на скалах или же на крупных камнях из древних разрушенных построек. Двенадцать из них принадлежали Аргишти, сыну Минуа (Менуа), девять — Сардури, сыну Аргишти, две — Русе, сыну Сардури, одна — Русе, сыну Аргишти, и одна — Русе, сыну Эримены.[2] Как видно, к первому периоду урартского владычества в Закавказье — к VIII в. до н. э. — относились 23 надписи, а ко второму — к VII в. до н. э. — лишь две. Примерно такое же соотношение надписей двух периодов наблюдается и в центре Урарту. Поэтому находка надписи Русы, сына Аргишти, на Кармир-блуре позволяла надеяться, что раскопки на холме откроют картину культуры наименее изученного периода истории Урарту. Дальнейшие исследования эти надежды оправдали.

В первый же день раскопок К. Г. Кафадарян в юго-восточной части холма нашел второй небольшой обломок камня с отдельными клинообразными знаками, относящийся, по всей вероятности, к тому же камню, от которого был отбит и обломок, доставленный в Исторический музей Армении А. П. Демехиным.

Только в 1961 г. систематические раскопки цитадели Кармир-блура дошли до места, где были подняты оба фрагмента надписи, и открыли там целый камень (73 × 43 см) с одиннадцатью рядами клинописи, содержавшими лишь концы строк. Начало строк было высечено на другом, отсутствующем камне. Нам известны примеры размещения урартских надписей на нескольких камнях кладки. Так, из района Армавирского

---

[1] M. Brosset et A. Kunik. Notice sur deux inscriptions cunéiformes, découvertes par M. Kästner dans l'Armenie russe. Bulletin de l'Académie des Sciences de St. Petersburg, V, 1862, стр. 428.

[2] УКН 131—134, 136, 137, 139—143 (надписи Аргишти I), 160, 161, 165, 166, 169—172 (надписи Сардури II), 265, 266 (надписи Русы I), 281 (надпись Русы, сына Аргишти), 288 (надпись Русы, сына Эримены).

холма происходят камни с клинописью Аргишти I и Сардури II (УКН 142, 172), где строки текста пересекали три камня, причем текст Сардури II занимал не менее шести камней (два ряда по три камня).

В надписи, насколько можно судить по сохранившейся части и аналогичному тексту из Адильджеваза, рассказывается о строительных работах царя Русы,[3] а в шестой строке упоминается оружие, связанное с „воротами бога Халди". Вероятно, камень, найденный при раскопках 1961 г., ранее найденные обломки и развал тесаных базальтовых блоков, обнаруженный около клинописи, принадлежали крупному памятнику — „воротам бога Халди", имевшему вид стены с нишей, аналогичной нишам, высеченным в скалах („Мхери-дур", „Ашрут-дарга"). Эта монументальная постройка, возведенная на платформе, сложенной из крупных сырцовых кирпичей, прекрасно вырисовывалась на фоне второго этажа цитадели. В 1962 году было обнаружено девять камней фундамента постройки с одиннадцатью строками клинописи на каждом. Камни устанавливались в два ряда. В надписи урартский царь рассказывает о постройке храма *суси* и „ворот бога Халди" в городе Тейшебаини страны 'Аза, о постройке еще других трех храмов и о приношении жертвы богам. Обнаружен также камень с частью формулы проклятия, к которому приставился и обломок, найденный А. П. Демехиным, составив связный текст.

Урартские архитектурные памятники VII в. до н. э. имеют значительно меньше строительных надписей, чем сооружения VIII в. до н. э.

Так, на Арин-берде, холме, находящемся на противоположной Кармир-блуру окраине Еревана, где раскапываются остатки древней крепости Эребуни, было обнаружено 8 клинообразных надписей, рассказывающих о постройке крепости, дворца, храма и закромов ('ari), причем иногда на одном здании помещались по две надписи, повторяющие один и тот же текст. На Кармир-блуре, несмотря на то, что вся цитадель по контуру уже расчищена, строительные надписи на камнях кладки стен не обнаружены.

Древнее имя крепости стало известно по короткой надписи на части бронзового запора, имевшей форму накидной петли. На массивном кольце был вычеканен следующий текст: ^{m}Ru-sa-a-i ^{m}Ar-giš-ti-ḫi-ni-i É ú-ri-iš-ḫu-si-ni $^{uru.d}$Te-i-še-ba-i-ni URU 'Русы, сына Аргишти, дом оружия[4] города Тейшебаини' (УКН 283). Таким образом, крепость на Кармир-блуре в урартское время называлась городом бога Тейшебы, также как и более ранняя крепость, построенная царем Русой I на южном берегу озера Севан (УКН 266).

Раскопки Кармир-блура дали громадное количество предметов урартского вооружения: бронзовые щиты, шлемы, колчаны, пластинки панцирей, наконечники стрел, железные мечи, кинжалы, наконечники копий и др. Многие из щитов, шлемов и колчанов были богато украшены изображениями священных деревьев со стоящими около них божествами, боевых колесниц, всадников, львов и быков и имели краткие клинообразные надписи, сообщающие о том, что это оружие подносилось богу Халди. Поэтому невольно возникает предположение о том, что именно это парадное вооружение упоминается в тексте надписи 1961 г. в связи с „воротами бога Халди". Но громадное большинство предметов (за исключением лишь одного щита, о котором речь будет ниже) имеет надписи урартских царей не VII в. до н. э., как следовало ожидать, а царей первого периода истории Урарту, правивших в VIII в. до н. э.

---

[3] Надпись готовится к публикации сотрудником Кармир-блурской экспедиции Н. В. Арутюняном.

[4] Об этом термине см.: J. Friedrich. Urartäisch ^{É}urišḫi- und $^{(É)}$urišḫusi. Archiv für Orientforschung, XVII, 1956, стр. 367.

Так, шесть бронзовых щитов несут на бортах надписи Аргишти I, четыре — Сардури II и один — Русы I. Вместе с тем четыре надписи Аргишти I объясняют присутствие этих предметов вооружения в Тейшебаини. Они передают следующий текст: ^{d}Ḫal-di-e e-ú-ri-e i-ni a-še ^{m}Ar-gi-iš-ti-še ^{m}Me-nu-a-ḫi-ni-še ^{URU}Er-bu-ni-e-di uš-tú-ni LUGÁL al-su-i-ni LUGÁL ^{KUR}Bi-a-na-u-e a-lu-si ^{URU}Ṭu-uš-pa-URU 'Богу Халди, владыке, в город Эребуни этот щит Аргишти, сын Минуа, подарил. Аргишти, царь могущественный, царь великий, царь страны Биайни(ли), правитель города Тушпы' (УКН 147).[5] Надписи определенно указывают, что щиты были изготовлены для города Эребуни. Там они и хранились до той поры, когда Эребуни потерял значение урартского административного центра. В VII в. до н. э., после постройки Тейшебаини и возведения в нем „ворот бога Халди", оружие, посвященное царями VIII в. до н. э. богу Халди, было перенесено из Эребуни в новый урартский центр — крепость Тейшебаини.

Кроме щитов, в храмовых кладовых хранились и бронзовые шлемы, украшенные изображениями богов у священных деревьев, а также колесниц и всадников или же крупным символическим знаком. На трех шлемах по нижнему их краю была вычеканена надпись Аргишти I, а на пяти — Сардури II: ^{d}Ḫal-di-e e-ú-ri-e i-ni ku-bu-še-e ^{m}Ar-gi-iš-ti-še ^{m}Me-nu-a-ḫi-ni-še uš-tu-ú-ni 'Богу Халди, владыке, этот шлем Аргишти, сын Минуа, подарил' (УКН 148) или ^{d}Ḫal-di-e EN ŠÚ i-ni ku-bu-še ^{m}SAR$_5$-du-ri-še ^{m}Ar-giš-ti-ḫi-ni-še NÍG.BA 'Богу Халди, своему владыке, этот шлем Сардури, сын Аргишти, подарил' (УКН, дополн. № 78).

При раскопках цитадели на Кармир-блуре найдено много бронзовых колчанов, заполненных бронзовыми или железными стрелами, причем в последних случаях колчаны были сильно разрушены окисью, уничтожившей и клинописи, помещенные у верхнего края. На колчанах сохранились три надписи Аргишти I и четыре надписи Сардури II: ^{d}Ḫal-di-e EN ŠÚ ^{m}Ar-gi-iš-ti-še uš-tú-ni или ^{d}Hal-di-e EN ŠÚ ^{m}SAR$_5$-du-ri-še NÍG. BA 'Богу Халди, своему владыке, Аргишти (или Сардури) подарил' (УКН 149, 175).

В одном случае на обломке колчана Сардури II, найденном в 1961 г., имеется как будто фонетическое написание урартского слова „колчан", а именно gur-bi-ni (?).

На четырех бронзовых стрелах, вынутых из колчанов, также оказались посвятительные надписи, в одном Аргишти I и в трех — Сардури II: ^{d}Ḫal-di-e e-ú-ri-e ^{m}Ar-giš-ti-še BA; ^{d}Ḫal-di-e e-ú-ri-e ^{m}SAR$_5$-du-ri-še uš-tú-ni 'Халди, владыке, Аргишти (или Сардури) подарил' (УКН 149, 176 a—b).

На одной бронзовой пуговице, найденной вместе с пластинками панциря, оказался вычеканен короткий текст, в котором упомянуто слово gar-ga-ra-ni, означавшее, вероятно, „панцирь".

Кроме вооружения, при раскопках Кармир-блура обнаружено также большое количество предметов конского убора: удила с псалиями, колокольчики, налобники, нащечники (шоры), начельники и круглые бляхи. На многих из них оказались вычеканены надписи Минуа (три экземпляра), Аргишти I и Сардури II (большинство надписей).

На бронзовых псалиях удил сохранилась короткая, заключенная в рамку, надпись: NÍG ^{m}Me-nu-a 'Собственность царя Минуа', а на одном бронзовом налобнике различим следующий текст: ^{m}Me-nu-a-i É (?) šur-iš (?)-ḫi 'конюшня (?) царя Минуа' (УКН 118a —b).

---

[5] Щит украшен изображениями львов и быков, размещенных в трех концентрических полосах. Надпись дана дважды.

Большую группу бронзовых изделий, имеющих короткие надписи урартских царей, составляют бронзовые чаши.[6] Среди 104 чаш с вычеканенными на них клинописями шесть имеют имя Минуи, две — Аргишти I, 86 — Сардури II и 10 — Русы I. На некоторых чашах помещены также иероглифические знаки.

Раскопки Кармир-блура дали уже за период 1939—1961 гг. более 300 бронзовых предметов с надписями урартских царей,[7] но среди них только два предмета определенно относятся ко второму периоду истории Урарту — к VII в. до н. э. Это упомянутая выше часть запора с надписью Русы II, сына Аргишти, назвавшей древнее имя крепости (Тейшебаини), и дошедший в обломках бронзовый щит с неполной надписью неизвестного ранее урартского царя Сардури, сына Сардури.

Привожу сохранившуюся часть надписи: ... uš-tú-ni [ul-gu-še]-e-di-ni ^{d}Ḫal-di-ni-ni al-[su-ši-ni] ^{m}SAR$_5$-du-ri-a-ni (!?) ^{m}SAR$_5$-du-ri-ḫi-ni-še (!) LUGÁL DAN. NU LUGÁL al-su-i-ni a-lu-si ^{URU}Ṭu-uš-pa... В 1957 г., в момент находки этого щита, я полагал, что надпись, приводящая необычное имя Сардури, сына Сардури, в необычном грамматическом оформлении, отходящем от трафаретных надписей, искажена мастером; но затем, когда другие документы Тейшебаини повторили это имя и дважды привели другое подобное же имя — Руса, сын Русы, — мне пришлось отказаться от моего прежнего мнения, тем более что надпись на щите Сардури оказалась текстуально близкой к надписям на щитах царя Русы III, сына Эримены.

Клинописи VII в. до н. э. на Кармир-блуре встречаются на предметах, непосредственно связанных с жизнью крепости. Это надписи на крупных глиняных кувшинах-карасах из винных погребов, оттиск печати с надписью на булле, запечатывавшей одну из кладовых для зерна, глиняные таблички—письма из центра Урарту, и хозяйственный документ, публикуемые И. М. Дьяконовым в этой книге.

В цитадели Тейшебаини открыто восемь кладовых для хранения вина, размещенных в различных частях здания. В них оказалось более 400 крупных сосудов-карасов, вкопанных в земляной пол, с вырезанными под венчиком иероглифическими или клинописными отметками их емкости или количества залитого вина.[8]

Большинство карасов имело иероглифические знаки, и только на 55 карасах емкость была отмечена клинописью в мерах a-qar-qi (около 240—250 литров) и ṭè/í-ru-si (десятая или девятая часть акарки), причем при обозначении емкости выписывалась лишь цифра и первый знак слова, обозначающего меру, — например, 4 a (вместо a-qar-qi) 7 ṭè/í (вместо ṭè/í-ru-si). Величина обозначенной меры на карасах из кармир-блурских кладовых колеблется между 4 акарки и 7 теруси и 3 акарки. В центре Урарту и на Арин-берде встречаются значительно более крупные сосуды — до 7 акарки, причем там меры a-qar-qi и ṭè/í-ru-si выписаны полностью.

В двух кладовых для вина, расположенных в центральной части цитадели, на многих карасах имелись двойные, а иногда даже тройные клинописные и иероглифические отметки, не всегда совпадающие. На некоторых карасах клинопись была вырезана поверх затертого иероглифического обозначения меры. Нет сомнения в том, что хранение такого большого количества вина требовало учета его поступления и расхода,

---

[6] Б. Б. Пиотровский. Клинообразные надписи на бронзовых чашах из раскопок на Кармир-блуре в 1949 г. ЭВ, V, 1951, стр. 110—112.

[7] Б. Б. Пиотровский. Урартские надписи из раскопок Кармир-блура 1939—1958 гг. ЭВ, XIII, 1960, стр. 105—109.

[8] Б. Б. Пиотровский. Клинообразные урартские надписи из раскопок на Кармир-блуре 1954 г. ЭВ, XI, 1956, стр. 80—82. — Пользуюсь случаем исправить ошибку, вкравшуюся в таблицу обозначенной емкости: № 194 следует читать 3 a 8 ṭí 1/2

но документы, связанные с винодельческим хозяйством, не сохранились. Крепость была разрушена в августе, когда кладовые пустовали, свежее вино еще не поступало, а документы учета прошедшего года были уже убраны. На полу в одной из кладовых обнаружена брошенная глиняная булла пирамидальной формы. Верхняя ее часть отломана, но следы узла веревки отчетливо заметны. На булле имеются два оттиска одной и той же печати с изображениями крылатого диска и двух голов животных под ним. Одну грань буллы занимает короткая клинообразная надпись из трех знаков, к сожалению, неразличимых из-за плохой сохранности. Массивные деревянные двери винных кладовых также опечатывались. В дверном проеме кладовой № 25 был обнаружен комок глины с оттисками двух разных печатей, скреплявший две веревки, перевязывавшие дверь.

На второй такой булле, запечатывавшей кладовую для зерна, сохранилась откатка цилиндрической печати и другой печати — столбчатой.

На цилиндрической печати было изображено сильно стилизованное священное дерево, аналогичное изображенным на урартских бронзовых поясах, на золотых пекторалях Саккызского клада и на ножках скифских акинаков из Келермесского и Мельгуновского курганов. Около дерева, с двух сторон, помещены фигуры двух крылатых быков с человеческими торсами. По краям печати шла клинообразная надпись (верхняя строка в зеркальной передаче), дающая следующий текст: KIŠIB ^{m}Ru-sa-i-ni ^{m}Ru-sa-ḫi É... 'Печать Русы, сына Русы, дома...'.[9]

Из письменных документов, найденных при раскопках Кармир-блура, наиболее интересными являются глиняные таблички с клинописью, представляющие собою письма-приказы из центра Урарту, и счетные документы. К сожалению, раскопки цитадели не обнаружили места их хранения, которое было, вероятно, расположено в верхнем, почти совершенно разрушенном этаже. Шесть сравнительно полных табличек и пять обломков были найдены в разных помещениях цитадели, заведомо не в тех, где они хранились.

Первыми были открыты три мелких обломка (№№ 8, 9, 11 по публикации И. М. Дьяконова). В 1946 г., в небольшой кладовой № 7, расположенной в северной части цитадели, оказались вкопанные в земляной пол карасы, заполненные кунжутом. Кладовая эта находилась через два помещения от мастерской кунжутного масла.

В засыпке пола были найдены мелкие куски бронзовых и железных изделий, глиняных сосудов и три обломка табличек с нанесенным на них клинописным текстом. Очевидно, разбитые еще при полнокровной жизни Тейшебаини, документы вместе с другим мусором попали в засыпку пола кладовой. Внимательная разборка грунта не обнаружила никаких других обломков табличек.

Эти три обломка первых на Кармир-блуре клинописных документов были опубликованы И. М. Дьяконовым, участником Кармир-блурских раскопок на их начальном этапе (1939 г.).[10]

Другая, довольно сильно поврежденная табличка (Д 2)[11] была найдена в 1949 г. в верхнем слое кладовой № 28. Она лежала на уровне

---

[9] Н. В. Арутюнян, установивший чтение ^{m}Ru-sa-i-ni в первой строке, передает текст печати следующим образом: KIŠIB ^{m}Ru-sa-i-ni Ru-sa-ḫi É-[GAL-ni?] 'Царя Русы печать из (?) крепости (?) сына Русы' (Н. В. Арутюнян. К интерпретации надписи на глиняной булле Кармир-блура. Ист.-филолог. журнал, 1960, № 1, Ереван, стр. 223—229).

[10] И. М. Дьяконов. Фрагменты клинописных таблеток из раскопок 1946 г. на Кармир-блуре. ЭВ, II, 1948, стр. 86—89.

[11] Шифр указывает номер клинописной таблички по изданию И. М. Дьяконова в настоящей книге.

верхнего основного этажа, около развалившейся базальтовой башенки над центральным столбом кладовой № 28. Пол помещения основного этажа не сохранился, и у нас нет никаких данных для предположения, что именно там было место хранения документов, хотя это вполне возможно.

Две таблички (*Д* 4 и *Д* 10) найдены в 1955 г. в двух небольших кладовых северо-западной части цитадели. Они находились в кучах предметов, провалившихся в кладовые цокольного этажа при обвале перекрытий основного этажа. Дело в том, что в начале VI в. до н. э., во время осады крепости врагами, защитники цитадели растащили ценные предметы из кладовых, поделили их между собой и отобранные вещи запрятали в разных местах здания, иногда зарывая их в земляной пол. Так, в одной кладовой, раскопанной в 1952 г., под полом, около стены, были обнаружены бронзовый щит, украшенный изображениями львов и быков, и железный меч, на стене же оказался знак в форме креста, нанесенный красной краской, — по-видимому, указывающий место, где после снятия осады нужно было искать спрятанные ценности.

Кучи отобранных вещей часто для маскировки засыпались зерном или заваливались ветками, иногда предметы прятались в пустые сосуды-карасы винных кладовых. В 1949 г. в одном из карасов кладовой № 25 было обнаружено 97 бронзовых чаш с именами урартских царей VIII в. до н. э.; чаши были сложены стопкой и сохранили свой былой блеск и звон.

В кучах собранных вещей оказывались иногда некомплектные или сломанные изделия из драгоценных металлов: одна золотая серьга, половина серебряной гривны с золотой фигуркой льва на конце, четверть золотого дисковидного слитка. Эти факты указывают на производившийся дележ драгоценностей, забранных из кладовых.

Вероятно, клинописные документы, хранившиеся в Тейшебаини, представляли для защитников крепости некоторый интерес; возможно, они считались амулетами, так как на оттисках печати обычно изображались священные деревья и божества. Во всяком случае таблички *Д* 4 и *Д* 10 находились в кучах припрятанных предметов.

Так, вместе с документом *Д* 4 найдены железные предметы, обломки бронзового щита и шлем, бронзовые чаши, лежавшие стопкой, и мелкие изделия, среди которых был и скарабей египетского типа.

Еще больше интересных предметов было обнаружено вместе с документом *Д* 10.[12] В развалившейся при падении сверху куче вещей оказались две каменные коробочки — одна с изображением священного дерева и крылатых божеств на крышке, вторая с изображением сцены охоты на боковой части и скульптурной фигуркой льва на крышке, мелкие костяные предметы (ложечка, фигурка крылатого сфинкса на цветке, головка человека), ассирийская сердоликовая печать с изображением колесницы, выполненным в линейном стиле, другие ассирийские и урартские печати, небольшая подвесная глиняная булла с двумя оттисками печати, имеющей три иероглифических знака, и мн. др.

В коридоре у двери в эту кладовую в 1956 г. была найдена табличка *Д* 1, содержащая указание о переделе земли.[13]

Одна полная табличка (*Д* 7) и два обломка (*Д* 5 и *Д* 6) были обнаружены в верхнем слое кладовой, расположенной у восточного угла коридора. Среди предметов, упавших вместе с перекрытием вниз, кроме

---

[12] Н. В. Арутюнян. Новонайденная клинописная таблетка из раскопок Кармир-блура. ВДИ, 1957, № 3, стр. 144—149.

[13] Н. В. Арутюнян. Новонайденная клинописная табличка из Кармир-блура. Ист.-филолог. журнал, 1958, № 3, Ереван, стр. 201—213.

таблички и обломков, были два железных меча, бронзовый шлем с надписью Сардури II, бронзовый пояс с изображением богов Халди на льве и Тейшебы на быке, а также сильно стилизованного священного дерева с солнечным диском (символом бога Шивини), предметы конского убора, овальная деревянная щетка для чистки коней и мн. др.

Также в развале упавших сверху предметов в верхнем слое мастерской для приготовления пива (северная часть цитадели) оказалась табличка Д 3, печать которой сохранила имя Эримены.

В этом развале было особенно много предметов: четыре бронзовых шлема с надписями Аргишти I и Сардури II, большое количество бронзовых чаш-фиал, обломки бронзовых сосудов с ручками в виде головок животных, характерными для горного Кавказа (подобные сосуды были найдены и в скифских курганах Украины), множество бронзовых наконечников стрел скифского и урартского типа, железный акинак скифского типа, железный складной жертвенник, два серебряных браслета, одна золотая серьга, различные бусы, среди которых были ассирийские и урартские печати, и мн. др.

Таковы условия находок урартских клинописных документов, происходящих из Тейшебаини.

Следует указать, что в этой урартской крепости, кроме клинописных документов на глиняных табличках, хранились также и иные документы на папирусе или коже, вероятно написанные по-арамейски. На это указывает маленькая (размером около 2 см) печать-булла из битума, найденная около ямы в самой высокой части цитадели, около юго-западного склона холма.[14] На булле оттиск печати овальной формы с изображением оленя и человека, держащего его одной рукой за рога. Остатки тонкой веревочки, сохранившиеся в битуме, а также отпечаток на нижней стороне буллы указывают на то, что ею скреплялся свиток, по всей вероятности, папирусный. В Ассирии, кроме архивов глиняных табличек, имелись также хранилища папирусов и кожаных свитков. Г. Лэйард при раскопках дворца Синахериба в Ниневии в одном из его помещений обнаружил большое количество подвесных печатей, оставшихся от сгоревших папирусных документов. Приходится с сожалением констатировать, что дошедший до нас археологический материал из Кармир-блура лишь в слабой степени отражает содержимое архивов древнего Тейшебаини. До нас дошли письма-приказы из центра Урарту (пять сравнительно полных текстов и четыре обломка), один (!) хозяйственный документ (к хозяйственным документам можно отнести также и обломок таблички) и булла от свитка папируса (?). Такое положение объясняется тем, что документы хранились не в цокольном, хорошо сохранившемся этаже, а в помещениях второго этажа, почти совершенно разрушенных. Из предметов, там находившихся, сохранилось лишь то, что рухнуло вместе с перекрытиями вниз в кладовые и хозяйственные помещения цокольного этажа. Но мы должны быть благодарны судьбе и за немногочисленные, но чрезвычайно ценные сохранившиеся клинописные документы, освещающие повседневную жизнь древнего урартского административно-хозяйственного центра в Закавказье.

Изучение урартских клинописных табличек дает нам интересные и важные данные относительно влияния культур государств Передней Азии на формирование урартской культуры. У историков древнего Востока не вызывает сомнения, что лапидарные надписи урартских царей тесно связаны с ассирийской анналистикой и ассирийским лапидарным

---

[14] Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур I. Результаты раскопок 1939—1949 гг. Ереван, 1950, стр. 76.

письмом. Ведь ранние урартские надписи писались просто по-ассирийски (надписи Сардури, сына Лутипри, на камнях циклопической стены у Ванской скалы), да и позже в текстах на урартском языке зависимость знаков от ассирийской клинописи выступает с полной очевидностью.

Со скорописью на глиняных табличках из Кармир-блура дело обстоит иначе; И. М. Дьяконов приводит убедительный материал для утверждения, что в Урарту существовала прямая письменная традиция, восходящая в конечном счете к письменности Митанни и Хеттского царства XVI—XIII вв. до н. э. Сравнение формуляров урартских писем с другими древневосточными памятниками этого рода показывает, что они существенно отличаются от ассирийских и стоят ближе всего к прототипам хетто-хурритского круга II тысячелетия до н. э.

Весь облик урартской культуры, особенно царской придворной, носит явные следы влияния Ассирии, но чем глубже мы изучаем культуру Ванского царства, тем рельефнее выступает местный субстрат, совершенно отличный от ассирийского.

В свете нового археологического материала становится ясно, что древнейшая культура Армянского нагорья, и в частности Ванского района, не была тесно связана с Месопотамией. Курдистанские горы (Армянский Тавр), ограничивающие нагорье с юга, — один из самых значительных хребтов Передней Азии — делили ее в III тысячелетии до н. э. на два обособленных по культуре мира.

К югу от этих гор в это время была распространена высокая земледельческая культура Месопотамии и равнинных областей Передней Азии. Наиболее характерным памятником искусства этой древней культуры была богатая расписная керамика довольно устойчивых типов.

К северу от Курдистанских гор в III тысячелетии до н. э. существовала иная энеолитическая культура, в которой расписная керамика отсутствовала. Последние археологические исследования в районе озер Вана и Урмии (Резайе) показывают, что эти области в III тысячелетии до н. э. входили в круг обширной культуры, охватывавшей центральное Закавказье и восточную Анатолию.[15] Ее характерным элементом была не расписная керамика, а черная, до блеска лощеная, с вдавленным или выпуклым, а позднее и резным узором. Металлические изделия Закавказья этого времени (копья со стержнем, топоры) были связаны с металлическими предметами Малой Азии и Сирии, а не Месопотамии.

В эпоху бронзы, сменившей в Закавказье на рубеже III и II тысячелетия до н. э. энеолитическую культуру, связи закавказских племен с Малой и Передней Азией наблюдаются очень отчетливо, хотя бы на примере замечательных памятников искусства из курганов Триалети.[16]

Теперь стал известен и последующий этап развития закавказской культуры — с большим обособлением локальных закавказских элементов, но при очевидном влиянии сиро-хеттской культуры. Я имею в виду богатые материалы из раскопок курганов на побережье озера Севан, у сел. Лчашен. По обряду погребения (устройство погребальной камеры, роль деревянной колесницы) и по предметам материальной культуры Лчашенские курганы связываются с Триалетскими, и вместе с тем они имеют уже явные элементы культуры развитой бронзы (секиры, кинжалы, плоские топоры и др.).[17] В Лчашенских курганах также продолжают наблюдаться опре-

---

[15] C. A. Burney. 1) Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age. Anatolian Studies, VIII, 1958, стр. 157—209; 2) Circular Buildings found at Yanik tepe, in North-West Iran Antiquity, XXXV, № 139, 1961, стр. 237—240.

[16] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I. Тбилиси, 1941, стр. 78—100.

[17] А. О. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. СА, 1957, № 2, стр. 146—153.

деленные связи с древними цивилизациями Передней Азии периода крупных политических изменений — падения древних Митаннийского и Хеттского царств в XIV—XII вв. до н. э. Мне уже приходилось сопоставлять бронзовые вилы-трезубцы из Лчашена с подобными вилами, найденными в Рас-Шамре вместе с мечом, имеющим картуш с именем египетского фараона Мернепта (XIII в. до н. э.),[18] а золотые подвески в виде трубочек, украшенных спиралями, и чечевицеобразные бусы из Лчашена — с подобными же бусами из раннеассирийских могил (XIV в. до н. э.) в Мари.[19]

В 1961 г. А. О. Мнацаканяном, раскапывающим курганы у сел. Лчашен, была сделана новая находка, подтверждающая эти связи. В одном из курганов была обнаружена замечательная цилиндрическая печать с изображениями богини между двумя человеческими фигурами, вздыбленного козла и двух борющихся львов, стоящих на задних лапах. Выше этих фигур изображены три лежащих козла с характерными „свисающими" ногами. Уже с первого взгляда очевидно сходство этой печати из Лчашена с замечательной гематитовой цилиндрической печатью, происходящей из Северной Осетии (коллекция К. И. Ольшевского в Гос. Эрмитаже).[20] На ней изображены две группы: крылатое антропоморфное божество, поддерживающее солнечный диск, с двумя человеческими фигурами по сторонам, и стилизованное священное дерево, около которого попарно размещены лежащие олени, сфинксы и козлы, припавшие на одну ногу.

Обе эти цилиндрические печати входят в определенную группу древневосточной глиптики (конца XV — первой половины XIV вв. до н. э.), известной под термином „Mitannian Elaborate Style" (Э. Порада), имеющей древневавилонские элементы. Эта группа печатей хорошо представлена раскопками хуриттского слоя древнего Нузи (Иорган-тепе).[21] К печати Лчашена близкую аналогию представляет одна митаннийская печать из Лувра, на которой изображены два борющихся льва, четыре человеческие фигуры и два лежащих козла в нижней части печати.[22]

Эти поздние митаннийские печати продолжали, по-видимому, существовать и после разгрома Митаннийского царства хеттами и ассирийцами.

Митаннийские цилиндрические печати были найдены также при раскопках Ж. де Моргана в Иранском Талыше (Хассан-Замини и Ага-Эвляр). К. Шефер убедительно сопоставляет их с печатями из Рас-Шамры и Нузи.[23] Я думаю, что путь проникновения хурритских печатей в район Талыша был иной, чем пути, связывающие Закавказье с хурритами, — он шел по верховью р. Тигра и южному побережью оз. Урмия (Резайе), в то время как сношения Закавказья с Северной Сирией шли по верхнему течению р. Евфрата, севернее оз. Ван.

На связь культуры Закавказья, представленной материалами из Лчашенских курганов, с хурритским миром указывают и бронзовые модели

---

[18] C. Schaeffer. Une épée de bronze d'Ugarit portant le cartouche de pharaon Merneptah. Ugaritica III (Mission de Ras-Shamra, VIII). Paris, 1956, стр. 169—178.

[19] A. Parrot. Mari, une ville perdue. Paris, 1945, fig. 39.

[20] Отчет Археологической комиссии, 1882—1888, стр. 58; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа, VIII, М., 1900, стр. 324, табл. 127, № 47.

[21] E. Porada. The Collection of the Pierpont Morgan Library, I—II. Corpus of Ancient Near Eastern Seals in the North American Collections. Washington, 1948, стр. 138—147; D. Wiseman. Götter und Menschen im Rollsiegel Westasiens. Prag, 1958, Taf. 50.

[22] L. Delaporte. Catalogue des cylindres orientaux, II. Paris, 1923, pl. 97 (A 952); H. H. von der Osten. Altorientalische Siegelsteine Hans Silvius von Aulock. Uppsala, 1957, № 288, стр. 113.

[23] C. Schaeffer. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. London. 1948, стр. 408—411, fig. 30.

колесниц, украшавшие дышла погребальных повозок.[24] Они изображают колесницу, запряженную парой коней, в кузове которой помещены два воина в шлеме с гребнем и с кинжалом за поясом. Шлемы воинов аналогичны сиро-хеттским гребенчатым шлемам, которые имели также урарты в IX в. до н. э., как это показывают рельефы на бронзовых обивках ворот ассирийского царя Салманасара III (Балаватские ворота). Позднее урартами был заимствован ассирийский шлем в виде шишака с острым верхом. Форма лчашенских колесниц без сомнения связана с древневосточными колесницами. Она имеет легкий кузов без стенки, колеса в восемь спиц (на одном колесе показано семь спиц), помещенные ближе к задку кузова, петлю на задке. Модели колесниц передают дышла двух типов: одно сильно выгнутое, спускающееся к ярму дугой, как на архаических шумерских колесницах, другое горизонтально отходящее от кузова и выгнутое вверх у ярма, обычное для ассирийских колесниц, которые нам хорошо известны по изображениям IX—VII вв. до н. э. Ранние ассирийские колесницы — до времени Тиглатпаласса III — отличаются массивностью кузова, удлиненным щитом над дышлом колесницы, которое отходит от кузова под прямым углом и имеет выгиб у ярма, колесами в шесть спиц. Колесницы времени Саргона, Синахериба и Ашшурбанипала характеризуются легкостью кузова; щит над дышлом пропадает, колеса же имеют восемь спиц. Модели лчашенских колесниц существенно отличаются от ассирийских своей архаичностью; они, вероятно, так же как и многие элементы культуры Закавказья XV—XII вв. до н. э., были связаны с хурритскими колесницами, к сожалению, известными очень плохо.

В XII в. до н. э., после падения Хеттского царства, переднеазиатское влияние на культуру Закавказья ослабевает, наступает период бурного самостоятельного развития культуры закавказских племен периода развитого бронзового века, основой хозяйства которых было полукочевое скотоводство.

В VIII в. до н. э. развитие закавказской культуры нарушается включением южных областей Закавказья в состав Урартского государства. Походы урартов в страны, лежащие к северу от р. Аракс, имели место еще в IX в. до н. э., но присоединение их к Урарту произошло в первой четверти VIII в. до н. э. При своем продвижении и завоевании стран Закавказья урарты создавали свои административные центры. Первым из них была крепость Эребуни, где находился дворец царя Аргишти I, украшенный богатыми росписями в ассирийском стиле.

Через семь лет после сооружения Эребуни Аргишти I в плодородной Араратской долине, древнем центре земледелия и садоводства, создает урартский хозяйственный центр Аргиштихинили, из которого до нас дошло около 15 урартских клинообразных надписей, рассказывающих о строительных работах, проводке каналов, о посевах, виноградниках и фруктовых садах.

Аргиштихинили, так же как и Эребуни, во второй период истории Урарту — в VII в. до н. э. — потерял свое прежнее значение и был заброшен, что я ставлю в связь с изменением административного управления урартскими окраинами. В Закавказье создаются новые урартские центры — при Русе I „город бога Халди“ на западном побережье озера Севан и при Русе II „город бога Тейшебы“ (Кармир-блур).

Раскопки Кармир-блура дали большой материал, документирующий связи урартского центра в Закавказьи, с одной стороны, со скифами,

---

[24] А. О. Мнацаканян. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан. СА, 1960, № 2, стр. 139—152.

даже скифами степей Северного Причерноморья, с другой стороны — со странами Передней Азии и в первую очередь с Ассирией.

На Кармир-блуре найдено много ассирийских цилиндрических печатей и пронизок, сходных с найденными при раскопках города Ашшура. Ассирийскими могут быть также некоторые бронзовые чаши-фиалы и сардониксовые бусы. В этой связи интересно указать на одну ассирийскую сардониксовую бусину бочонковидной формы, тождественную кармир-блурским бусам, но с клинообразной надписью, упоминающей имя Саргона II (Лувр. АО 1936).[25]

Именно в это время влияние ассирийской культуры на урартскую стало доминирующим, хотя связи урартской культуры со средиземноморской выявляются очень отчетливо.

В заключение следует остановиться на двух урартских предметах, найденных в могильниках кавказских племен.

В сел. Тли в Южной Осетии Б. В. Теховым был найден урартский бронзовый пластинчатый пояс[26] с изображением боевых колесниц, львов, быков и отдельных орнаментальных элементов. Урартское происхождение этого пояса устанавливается с полной очевидностью при сравнении его с обломками поясов, найденных в могильнике около Эребуни (Аринберда), на которых сохранились изображения сцен охоты с колесниц на львов и быков.[27]

В древнем могильнике Верхняя Рутха в Северной Осетии уже давно был обнаружен бронзовый шлем, поступивший в Берлинский музей, но только недавно было обращено внимание на то, что этот шлем имеет на лобной части символический знак, совпадающий со знаками на Кармир-блурских шлемах, а при реставрации на нижнем крае шлема обнаружилась короткая надпись: ^{m}Ar-gi-iš-ti-i ú-ri-iš-ḫi, также часто встречающаяся на бронзовых предметах из раскопок Кармир-блура.[28]

Трудно дать определенный ответ на вопрос, каким путем попал этот урартский шлем к племенам Кавказа — в результате сношений населения Кавказа с урартскими административными центрами в Закавказье или же после их разгрома?

Археологические исследования Кармир-блура дали богатый материал, характеризующий культуру Тейшебаини, позволяющий заглянуть в повседневную жизнь крепости.

Осиное гнездо в углу кладовой для вина, скелет жабы около караса для вина свидетельствуют о темноте и сырости в подвалах крепости. Бронзовые наконечники стрел скифского типа, вынутые из кладки стены, указывают на то, кем были враги, разрушившие Тейшебаини. Метелка из пучка травы, с сохранившимися незаметными на первый взгляд цветками, устанавливает сезон гибели крепости — первая половина августа. Жилища, сгоревшие в пожаре, чудом уцелевшая обстановка, а иногда и костяки погибших людей и животных красноречиво рассказывают о внезапном ночном штурме. Спрятанные кучами ценности, зарытые в земляной пол или заваленные ветками, убеждают нас в том, что защитники крепости во время осады надеялись на благополучный исход, недаром

---

[25] L. Delaporte. Catalogue des cylindres orientaux, II. Paris, 1923, стр. 180, pl. 93 (A 826).

[26] Б. В. Техов. Урартский пояс. СА, 1961, № 4.

[27] А. А. Мартиросян, А. О. Мнацаканян. Нор-Арешский урартский колумбарий. Изв. АН Арм. ССР, серия обществ. наук, 1958, № 10, стр. 63—84 (на арм. яз.).

[28] W. Nagel. Urartäischer Helm aus dem Argisti-Magazin. Archiv für Orientforschung, XIX, стр. 144—147.

они сделали и большие запасы продовольствия, но материалы раскопок показали, что осада была недолговременной и внезапный штурм решил судьбу крепости. В тупиковых кладовых восточной части цитадели были обнаружены сильно обгоревшие костяки защитников; однако при пожаре сохранилось и то, что в других условиях пропадает: в одном из черепов скелетов был обнаружен мозг человека, сильно обугленный, но сохранивший свою форму.

Эпизоды жизни и гибели крепости, открываемые при изучении археологического материала, получают новое освещение благодаря письменным источникам. Документы, публикуемые И. М. Дьяконовым, называют нам имена людей, живших более двух с половиной тысяч лет в Тейшебаини, сообщают о событиях повседневной жизни, — о переделе земли, о требовании возврата беглой рабыни, о получении или отправке шкур и шерсти. Тексты, оттиснутые палочками на глиняных табличках, скрепленные откатанными печатями, не сразу открывают свое повествование; с большим трудом ученые понимают их лаконичный рассказ, форму, не свойственную парадным надписям на камне, но нет сомнения в том, что затраченный на их изучение труд не пройдет даром и придет тот день, когда мы сможем дать бесспорный перевод кармир-блурских табличек; однако и то немногое, что сумели исследователи клинописи вычитать из этих документов, отчетливо говорит об их первостепенном значении для исторической науки.

УРАРТСКИЕ ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

ВВЕДЕНИЕ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Наряду с многочисленными другими открытиями, которыми раскопки Б. Б. Пиотровского на Кармир-блуре обогатили наши знания о древнем Урарту, важное место занимает находка нескольких подлинных деловых писем и других документов на урартском языке.[1] До сих пор были известны урартские эпиграфические памятники — надписи на камне и на утвари; но из документов на глине известны были только два целых текста и три фрагмента из Топрах-кале. Эти документы были изданы А. Г. Сэйсом[2] и К. Ф. Леманн-Хауптом[3] настолько несовершенно, что судить о них было трудно; но во всяком случае среди них не было ни одного письма.[4]

Из Кармир-блура нам стало известно еще шесть целых документов (в том числе пять писем), а также пять фрагментов писем и хозяйственных текстов. Некоторые из них уже издавались ранее, однако сопоставление с новыми находками и более углубленное исследование урартской грамматики позволяют теперь понять в тексте этих документов значительно больше, чем при их первоначальной публикации. Поэтому представлялось целесообразным издать сейчас не только неопубликованные кармир-блурские письма, но и все вообще известные до сих пор документы на урартском языке (общим числом шестнадцать, из них одиннадцать из Кармир-блура).

Все кармир-блурские документы были тщательно скопированы автором с оригиналов в Ленинграде и Ереване и сверены; топрах-калинские фрагменты публикуются по удовлетворительным фотографиям, содержащимся в издании К. Ф. Леманн-Хаупта. Хорошая фотография документа № 12 из Топрах-кале была нам любезно прислана генеральным директором Берлинских музеев Г. Р. Мейером, который взял на себя также сверку нашей транскрипции этого документа с оригиналом. Доку-

---

[1] Документы, хранившиеся, по-видимому, во втором этаже, были найдены в различных помещениях первого этажа, куда они попали, как кажется, случайно. Места находок указаны ниже.

[2] A. H. Sayce. The Cuneiform Inscriptions of Van, IV. JRAS, 1893, стр. 15.

[3] C. F. Lehmann. Bericht über die Ergebnisse der von Dr. W. Belck und Dr. C. F. Lehmann 1898/99 ausgeführten Forschungsreise in Armenien. Sitzb. Berl. Akad. Wiss., 1900, № 135; C. F. Lehmann-Haupt. Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens. Abh. Ges. Wiss. Gött. Phil.-Hist. Klasse, Neue Folge, IX, 3, 1907, №№ 36—38. — Дальнейшую литературу см.: УКН 286, 326—329; ср. УКН 334—339 — оттиски печатей на обломках глиняных конвертов (?) от таблеток; C. F. Lehmann. Bericht. . . , №№ 163 a, b, c, d; 164.

[4] Не является письмом и таблетка из Топрах-кале с упоминанием царя Урарту Русы II и Шаги (Шайи), сына царя Ишкугулу (№ 12 нашего издания, см.: И. М. Дьяконов. Фрагменты клинописных таблеток из раскопок 1946 г. на Кармир-блуре. ЭВ, II, 1948, стр. 88; ср. у Г. А. Меликишвили: УКН, стр. 348).

мент публикуется в фотографическом воспроизведении без прорисовки. Прорисовки документов № 14 и № 15 даются по опубликованным К. Ф. Леманн-Хауптом фотографиям; документ № 16 — только в транскрипции; последняя довольно ненадежна, так как фотография в издании К. Ф. Леманн-Хаупта очень неясна. Один документ, который теперь утерян (№ 13; УКН 326), публикуется, с учетом позднейших работ, по транслитерации текста в издании А. Г. Сэйса.

Несмотря на предостерегающее замечание И. Фридриха,[5] мы даем в нашем издании не только фотографическое и автографическое воспроизведение документов и их транскрипцию, но и попытку их перевода и истолкования. Однако следует оговориться, что не только перевод, но местами и транскрипция являются весьма условными и предварительными. Исследователь урартских документов все еще сталкивается пока с двумя едва преодолимыми трудностями.

Во-первых, урартская скоропись VII в. до н. э. существенно отличается от урартского монументального письма, а наличный материал документов настолько скуден, что, несмотря на проверку контекстом, в некоторых случаях остается сомнение в точности отождествления форм скорописных знаков с формами знаков урартской монументальной или ассирийской клинописи.

Во-вторых, нам известно значение всего около трехсот урартских слов, относящихся исключительно к лексике военных, строительных и культовых надписей, в однообразных грамматических формах; в документах же мы встречаемся с совершенно иной лексикой и необычными для надписей грамматическими категориями. Абсолютно не известна нам пока деловая терминология урартов.

По всем этим причинам, как сказано, наше толкование приводимых ниже документов нужно рассматривать как предварительное; необходимо пока воздержаться от сколько-нибудь далеко идущих исторических или иных выводов на основе этого толкования, так как даже незначительные поправки в чтении знаков и переводе отдельных слов могут привести к коренному изменению всего понимания смысла документа.

Нельзя не пожалеть, что дело обстоит таким образом, так как издаваемые письма несомненно представляли бы большой интерес для историков и впервые могли бы приоткрыть завесу над повседневной общественной жизнью в Урарту. Ниже мы приведем те исторические данные, которые кажутся нам все же настолько вероятными, что их можно, со всей осторожностью и с оговоркой об их условности, рекомендовать вниманию читателя.

ГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Палеографически все тексты, несмотря на индивидуальные различия в почерках, чрезвычайно близки друг другу. Некоторые из них предположительно, другие бесспорно датируются временем правлений Русы II, сына Аргишти, Сардури III, сына Русы, и Эримены, сына А[ргишти] (?), т. е. второй половиной VII в. до н. э.

До сих пор считалось установленным, что урартское письмо является производным от ассирийской клинописи X—IX вв. до н. э. В самом деле, форма знаков и орфографические особенности урартского монументального письма и ранней новоассирийской клинописи почти полностью совпадают. Распространенное одно время мнение о том, что

[5] J. Friedrich. Neue urartäische Inschriften. ZDMG, 105, 1 (NF 30), 1955, стр. 53.

урартская клинопись представляла собой значительное усовершенствование и упрощение ассирийской клинописи, оказалось основанным на преждевременных умозаключениях. По мере находки новых надписей все более выяснялось,[6] что урартской клинописи, точно также как и ассирийской, свойственна полифоничность знаков и что гетерографические написания (как шумерские, так и аккадские гетерограммы) в урартском письме применяются нисколько не реже, чем в других видах клинописи. Предпочтение то тех, то иных звуковых чтений знаков[7] или второстепенных орфографических особенностей[8] — явление обычное в истории клинописи. Таким образом, можно было считать, что урартское письмо относится не только к аккадской системе клинописи, но и к ассирийскому пошибу.

В этом отношении публикуемые документы принесли с собой некоторую неожиданность. Оказалось, что урартская скоропись значительно отличается от ассирийской скорописи I тысячелетия до н. э. Хотя формы ее знаков в большинстве случаев являются, по видимости, дериватом ассирийских форм, но в ней сохраняются и некоторые особенности знаков, исчезнувших еще в старовавилонском пошибе.[9] Так, в кармир-блурской таблетке № 10 встречаются знаки TÚG 'ткань' и SÍG 'шерсть', оба в формах, характерных для III тысячелетия до н. э. В пошибах сирийско-хеттско-хурритской группы аккадской клинописи оба эти знака встречаются обычно уже в более поздней форме; хотя в документах из Богаз-кёя и Алалаха имеется знак TÚG и в архаической форме, но уже наблюдается чередование этого знака со знаком KU, который в других видах клинописи II и I тысячелетий до н. э. полностью вытеснил архаический знак TÚG. Что касается знака SÍG, то его архаическая форма засвидетельствована в Богаз-кёе, а также в аккадоязычных документах хурритско-семитского Угарита и хурритской Нузы.[10] Таким образом, в хеттско-хурритском кругу оба интересующих нас знака в их архаической форме были известны во II тысячелетии. Прототипом урартского письма может быть, таким образом, только хеттское или хурритское письмо середины II тысячелетия; эти виды клинописи восходили еще к староаккадскому письму[11] и поэтому сохраняли некоторые особенности знаков, исчезнувших в старовавилонской клинописи. (Следует отметить, что среди хурритов бытовала не одна, а несколько графических и орфографических традиций).[12] В ассирийской же клинописи знаки TÚG и SÍG в архаической форме не известны уже среднему периоду, тем более новоассирийскому.

Большинство знаков урартской скорописи, за немногими исключениями, несмотря на значительные отличия от привычных новоассирийских форм, явно восходит к ранним новоассирийским или близким к ним формам и не может быть прямо возведено к формам сирийско-

---

[6] См., например: И. М. Дьяконов. Заметки по урартской эпиграфике. ЭВ, IV, 1951, стр. 105 сл.

[7] Например, в урартском šú, tú в начале и в середине слова вместо šu, tu.

[8] В урартском — особое употребление детерминативов ^{LÚ}, ^{m}, чтение ja_9, jè, jì, jù для знаков GA, GI, GU и, может быть, появление лигатуры u + e (согласно О. О. Карагезяну, см. ниже, стр. 43).

[9] По-видимому, новоассирийский пошиб через посредство среднеассирийского восходит не к староассирийскому, а к монументальному северомесопотамскому варианту старовавилонского пошиба, введенному в Ассирии при Шамши-Ададе I (XIX в. до н. э.).

[10] PRU, IV, Pl. LXV, RS 17.382 + 380, лиц. 43—46; HSS, XV, №№ 207, 211, 212 (об. 14), 213 и др.; E. H. Sturtevant and G. Bechtel. A Hittite Chrestomathy. Philadelphia, 1935, List of cuneiform signs, s. v.

[11] Т. В. Гамкрелидзе. Клинописная система аккадско-хеттской группы и вопрос о происхождении хеттской письменности. ВДИ, 1959, стр. 9 и сл.

[12] ItH, стр. 13 и сл.

хеттской клинописи. Значительно ближе к урартской скорописи митаннийские формы, и это объясняется тем, что митаннийский пошиб был близок к предку новоассирийского — среднеассирийскому. Поэтому прототипом урартской скорописи представляется нам письмо, близкое к поздним хурритским, поздним среднеассирийским и ранним новоассирийским почеркам, — может быть, развившееся от одного из хурритских пошибов Северной Месопотамии II тысячелетия до н. э. Что касается урартского монументального письма, то почти все формы знаков, известные в нем, засвидетельствованы и в ассирийском письме X—XI вв. или являются явным дальнейшим развитием ассирийских форм; одним из исключений является знак NAM, имеющий вавилонскую форму (она же митаннийская).

Все это показывает, что в Урарту существовала прямая письменная традиция, восходящая в конечном счете к канцеляриям Митанни и Хеттского царства XVI—XIII вв. до. н. э. В свете этого кажется сомнительным, чтобы цивилизация и классовое общество возникли в Урарту лишь в X—IX вв. до н. э., как полагали до сих пор; следует вспомнить, что многие части Армянского нагорья достаточно прочно входили в состав двух упомянутых выше государств с их классовым обществом. Не исключено, что раскопки еще принесут нам урартско-хурритские клинописные документы XIII—X вв. до н. э.

Однако ни в Митанни, ни в Хеттском царстве не было традиции высекать монументальные царские надписи клинописью,[13] между тем позже такие надписи были очень распространены в Урарту. Очевидно, этот обычай возник в Урарту под ассирийским влиянием,[14] чем и объясняется ассирийский характер внешнего облика и отчасти орфографии урартского монументального письма.

Впрочем, орфографические правила в урартских надписях и в документах на глине — одни и те же. Особенностью документов является лишь применение словоразделителя 𒁹 · Этот знак (в форме 𒁹, 𒁹𒁹, 𒁹𒁹𒁹) был широко распространен в сирийско-хеттско-хурритском варианте аккадской клинописи, но применялся иначе: он означал, что следующее за ним слово является заимствованием или глоссой из другого языка. В Вавилонии и Ассирии (в форме 𒁹, 𒁹𒁹) он употреблялся как знак повторения (подобно нашему ") и для выделения разного рода приписок и т. п., а также как разделитель стихов или полустиший в поэзии.

Более или менее последовательное употребление знака словораздела известно еще только в полуалфавитных системах клинописи — угаритской XIV в. до н. э. (𐎚) и древнеперсидской VI—IV вв. до н. э. (𐎛). Возможно, что появление словоразделителя в древнеперсидской клинописи следует приписать — подобно некоторым особенностям стилистического построения древнеперсидских надписей[15] — урартскому влиянию (через Манну и Мидию?).

В издаваемых документах знак словораздела применяется широко, но довольно непоследовательно: в одних случаях (№№ 4, 5) почти после

---

[13] В Хеттском царстве монументальные царские надписи делались на „хеттско-иероглифическом" (лувийском?) языке и соответственным письмом (иероглифами). Митаннийских монументальных надписей до нас не дошло.

[14] Ср. замечание Г. А. Меликишвили: УКН, стр. 106 и сл.

[15] См. замечание В. В. Струве, приведенное Г. А. Меликишвили (УКН, стр. 114).

каждого слова (иногда после двух синтаксически тесно связанных слов), в других — только спорадически. Часто знак с трудом различается в оригинале: кажется, что писец не нажимал, а только опускал кончик стиля на глину перед тем, как приняться за новое слово.

Следует обратить внимание на особенности применения системы гетерограмм[16] в урартском письме. Общий характер ее не отличается от характера гетерографической системы в аккадской и хеттской клинописи, но в отличие от хеттского письма число аккадских гетерограмм, применяемых в урартском, незначительно по сравнению с шумерскими. Мнение о том, что урарты реже применяли гетерографические написания, чем, например, ассирийцы, по-видимому, ошибочно и основано только на скудости и однообразии дошедших до нас памятников.

Урарты не ограничивались использованием тех гетерограмм, которые уже раньше столетиями употреблялись в Вавилонии и Ассирии; они по-новому комбинировали составные гетерограммы и гетерограммы с детерминативами для передачи своих терминов и понятий. Это усложняет понимание нами урартской деловой терминологии. Такие составные гетерограммы, как ^{LÚ}É.TIN, ^{LÚ}NA$_4$.DIB, ^{LÚ}ŠU.NUMUN.ḫu и другие, не известны шумерской и аккадской клинописи. Употребление некоторых гетерограмм, может быть, указывает на продолжение хеттских традиций; так, ^{LÚ}*A.SI* 'воины', 'ополчение (из покоренных народов?)', по мнению некоторых исследователей, является аббревиатурой от известной и в Хеттском царстве аккадской гетерограммы ^{LÚ} *A.SI.RU* = asīru 'пленник'.[17] Вавилонского происхождения (судя по форме знака) гетерограмма „наместника области" (^{LÚ}EN.NAM = bēl peḫāti),[18] может быть, заимствованная через хурритов?[19]

ФОРМУЛЯРЫ ДОКУМЕНТОВ И КАНЦЕЛЯРСКАЯ ПРАКТИКА

Здесь мы остановимся на трех из особенностей урартской канцелярской практики, наблюдающихся в публикуемых документах. Все три имеют важное значение для оценки исторических традиций Урарту.

I. Древневосточные письма имели определенный формуляр, при этом различный для переписки между царями, между царем и подданным и между подданными. Для правильного прочтения урартских писем и их истолкования необходимо было выяснить, каков их формуляр; когда же его характер был установлен, оказалось, что он не совпадает с принятым в ассирийских канцеляриях.

Приведем формулы обращения и приветствия из шумерских, старовавилонских, хеттско-хурритских и староассирийских, а также новоассирийских писем в сравнении с урартским формуляром.

---

[16] Обычно применяемый термин „идеограмма" — дань установившейся традиции. В шумерской клинописи имеются знаки, передающие основу слова (логограммы), по происхождению обычно восходящие к рисункам. В аккадской клинописи любая шумерская логограмма или целое шумерское слово, включая выписанные слоговыми знаками форманты (гетерограмма), и даже гетерографически написанное по-шумерски выражение может явиться чисто графическим способом передачи соответствующего по значению аккадского слова или выражения. В хеттской и урартской клинописи наряду с шумерскими применяются и аккадские гетерографические написания.

[17] Неясен вопрос о том, появляется ли эта аббревиатура уже в хеттском письме или же, как предполагает И. Фридрих (J. Friedrich, Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952, s. v.), вместо ^{LÚ}*A.SI*-aš надо читать ^{LÚ}*A.SI.RUM*.

[18] И. М. Дьяконов. Заметки по урартской эпиграфике, стр. 112.

[19] Знак NAM в этой форме засвидетельствован в телль-амарнских письмах из Митанни. Впрочем, следует заметить, что хурриты очень редко применяли гетерограммы, так что в этом отношении урартское письмо ближе к хеттскому и ассирийскому.

Для шумерского (и староаккадского) периода характерно, что адресат предполагается неграмотным и автор письма обращается не к нему, а к писцу, который будет читать вслух письмо: N.-e na-e-a M.(-ra) ù-na-e-dug$_4$ '(То), что N. говорил, М-у скажи'; или: M. lugal-mu-ra ù-na-e-dug$_4$ N. erè-zu na-ab-bé-a 'М-у, господину моему, скажи (то), что говорил твой раб N.' (из глагольной формы ù-na-e-dug$_4$ — акк.. unnetukku 'письмо').[20] Несколько иначе строится аккадское обращение в письмах II тысячелетия, также все еще обращенное к чтецу: ana M. qibī-ma ummā N.-ma: 'М-у скажи: вот что (говорит) N.'. После этого в письмах от подданного к подданному или к царю следует благопожелание, например: „такой-то бог (местный бог адресата или отправителя) да сохранит тебя в живых"; позже иногда добавляется: „да будешь ты невредим, да будешь ты жив (здоров)" или „твой бог-хранитель да бережет тебя (*дословно*: да поддерживает твою голову) на благо". Для старовавилонского периода типично, что даже в тех царских письмах, которые имеют характер указов, назван конкретный адресат.[21]

Развитием той же формулы является формуляр писем, применявшийся в Хеттской державе и в зависимых от нее мелких царствах Сирии[22] и, по-видимому, также в Митанни.

Формула обращения в царских письмах здесь бывает либо полная, либо краткая. Полная формула: ummā ^{d}šamši^{ši}-ma N. šarri rabî šàr ^{mät}Ḫa-at-ti mār-šu ša X. šarri rabî... qarrādi ana M. qibī-ma 'Вот (такова речь) Солнца N., великого царя, царя Хатти, сына X., великого царя (*может быть приведена и дальнейшая генеалогия*), героя, — М-у скажи'. Краткая формула: ummā ^{d}šamši^{ši}-ma ana M. qibī-ma 'Вот (речь) Солнца, — М-у скажи', а в письмах от подданного к подданному — соответственно 'Вот (речь) N. — М-у скажи'.

Царские послания могут быть собственно письмами, письмами-указами (отличающимися тем, что к ним, как к указам, приложена царская печать) и собственно указами. В последнем случае обращение к адресату (ana M. qibī-ma 'М-у скажи') опускается.

Благопожелания встречаются только в письмах подданных или в письмах равных друг другу царей. Формулы их различны, например: „к ногам твоим дважды семь раз припадаю" и т. п. (от подданного к царю); „я благополучен, ты же, твои дома, твои жены, твои сыновья, твои вельможи, твои воины, твои кони, твои колесницы и твоя страна да будут благополучны" (от царя к царю); „да будет (воистину) мир тебе" (или „моему господину", „моему отцу", „моему брату" — в зависимости от социального положения адресата, — таково благопожелание в корреспонденции между подданными); иногда прибавляется: „боги да сохранят тебя для благополучия".

В новоассирийских письмах отправитель обращается непосредственно к адресату. Царские письма начинаются здесь формулой: abāt šarri ana M. 'Указ царя М-у' — без благопожелания (указы без конкретного адресата для Ассирии, как и для Вавилонии, не типичны). Письма от подданных к царю или от подданного к подданному имеют формулу обращения: ana šarri bēlija (*или*: ana M. ...)

---

[20] См. хотя бы: Th. Jacobsen. The reign of Ibbi-Suen. JCS, VII, 2, 1953, стр. 39.

[21] A. Ungnad. Babylonische Briefe aus der Zeit der Hammurapi-Dynastie. Vorderasiatische Bibliothek, VI, Leipzig, 1914.

[22] См. например: J. Nougayrol. Textes accadiens des Archives Sud (Archives internationales). Le Palais Royal d'Ugarit, IV (ed. C. F.-A. Schaeffer), Mission de Ras-Shamra, IX, Paris, 1956.

ardu-ka N. (*или* aḫu-ka, māru-ka N. *и т. п.*) 'царю, моему господину (*или*: М-у, *с прибавлением*: моему господину, моему брату *или же* моему отцу) — твой раб N. (*или*: твой брат, твой сын N. *и т. п.*)'. Пожелание обычно краткое: „да будет (воистину) мир тебе", иногда прибавляется: „(такие-то боги) да благословят тебя".

Как будет видно из дальнейшего, в урартских письмах сохраняется обращение к чтецу. В имеющемся материале засвидетельствовано три типа обращения:

1) царский указ: N.-še X.-ḫiniše aruni [...]ru[...] 'N., сын X-а, издал [указ]' — без указания конкретного адресата и без благопожелания;

2) письмо по поручению царя: ereli-še ale tie M.-di (*титул*) X.-ne (*титул*) 'вот что царь (говорит): скажи М-у (*титул*) относительно X-а (*титул*)';

3) письмо от подданного к подданному: N.-še bauše šiuni tie M.-di (*титул*) Z.-né (*титул*) 'N. слово послал: скажи М-у (*титул*) относительно Z-а (*титул*)'.

Два последних типа письма имеют формулу благопожелания: zanedabe TI DINGIR gune 'будет любезна (??) жизнь (твоя) богу воистину (?)'.

Сравнение формуляров писем показывает вне всякого сомнения, что урартские формуляры ближе всего к прототипам хеттского (или хеттско-хурритского) круга II тысячелетия до н. э., а не к новоассирийским письмам. В частности, они сохраняют от II тысячелетия следующие особенности: 1) наличие указов без адресата и без благопожелания, 2) обращение к адресату не непосредственно, а через чтеца.

Обстоятельство это очень важно, так как еще раз показывает связь урартской канцелярии с хеттско-хурритскими писцовыми навыками II тысячелетия. Отсюда опять-таки явствует, что письменная традиция в Урарту восходит не к IX—X вв., как предполагалось, а по крайней мере к середине или концу II тысячелетия; следовательно, грамота должна была быть заимствована урартами не из Ассирии (несмотря на заметное и сильное влияние ассирийской письменности на урартскую), а от хурритов или хеттов в гораздо более ранний период.

Как ни неожидан этот вывод, однако к нему можно было прийти и раньше. Так, Г. А. Меликишвили[23] заметил, что ряд формул в анналах урартских царей заимствован из хеттской анналистики II тысячелетия до н. э. (может быть, через посредство не дошедших до нас хурритских анналов), а не из ассирийской. Но и в тех случаях, когда урартские анналы и надписи проявляют черты сходства с ассирийскими, очень часто дело касается таких черт, которые в самих ассирийских анналах восходят через хурритов к хеттам.[24]

II. Хозяйственному документу № 12 из Топрах-кале (перечню служащего персонала дворцового хозяйства) предпослан текст, по содержанию не имеющий ничего общего с последующим. В нем речь идет о том, что в тот год сын ишкугульского правителя прибыл в Манну на место другого чиновника, а статуя (?) бога Халди была перенесена из Кильба(ни) в Русахинили. Хотя этот документ пока является уникальным, представляется довольно вероятным, что мы имеем здесь дело

---

[23] УКН, стр. 113.

[24] В этой связи надо заметить, что не следует считать те или иные стандартные формулы урартских надписей Аргишти I и Сардури II нововведениями по той лишь причине, что они не встречаются у более ранних урартских царей — Сардури I, Ишпувини и Минуа (ср.: УКН, стр. 100). Как раз некоторые из этих формул, как показал Г. А. Меликишвили, имеют хеттские прототипы. Дело просто в том, что только от Аргишти I и Сардури II дошли именно анналы, а не просто надписи; однако несомненно существовали анналы и более ранних царей; более того, существовала, очевидно, единая анналистическая традиция, восходящая от Урарту непосредственно к Митанни и Хеттскому царству.

с датировкой по наиболее значительным событиям года. Система датировки по событиям, противостоящая ассирийской системе датировки по эпонимам,[25] а также египетской и хеттской[26] системе датировки по годам правления царя, впервые засвидетельствована в Двуречье при династии Аккада; здесь она просуществовала до конца старовавилонского периода.[27] Позже XVI в. до н. э. датировки по событиям пока нигде не были засвидетельствованы, но не исключено, что как дань вавилонской культурной традиции эта система датировок могла сохраниться среди соседей Вавилонии — хурритов (например в Митанни?). Так или иначе, если перед нами датировка, то это еще один пример сохранения в Урарту писцовых традиций II тысячелетия до н. э.

Если в документе № 12 мы имеем дело не со случайной записью для памяти и если в Урарту действительно существовала система датировки по выдающимся событиям, то мы можем надеяться когда-нибудь найти список тех событий, по которым велась датировка. При подобной системе такие списки неизбежно должны были существовать, являясь своего рода первичной хроникой или летописью, наподобие списков датировок-хроник, найденных в Двуречье.

В этой связи стоит указать на то, что в анналах урартских царей датировки по годам их правления не встречаются (в отличие, например, от хеттских и ассирийских анналов; в последних датировка по годам правления царя сосуществовала с датировкой по эпонимам). В урартских анналах каждый новый год выделяется так называемой „заглавной декларацией", т. е. кратким сообщением о военных походах года, события которых излагаются дальше. Возможно, что в годы, когда походов не было, датировка велась по событиям типа приведенных в документе № 12.[28]

III. Характерной особенностью публикуемых урартских официальных писем является наличие на них оттисков печати царя или одного из высших должностных лиц. Это в корне расходится с обыкновениями писцов Вавилонии и Ассирии, где печать во все периоды ставилась только на юридические сделки и на некоторые хозяйственные документы (а также на буллы — ярлыки). Приложение печати являлось здесь знаком того, что сторона в сделке, или свидетели, или же ответственное лицо принимают на себя определенные обязательства.[29] Напротив,

---

[25] По-видимому, эпонимами первоначально были ежегодно сменявшиеся председатели ашшурского совета старейшин, а позже — важнейшие чиновники общегосударственной администрации в постоянном иерархическом порядке. Эта же система датировки засвидетельствована для г. Шуруппака в раннединастический период истории Шумера. См.: ОГСД—Шумер, стр. 130; РЗОА, стр. 19, 81; RLA, s. v. Eponymen.

[26] Эта система была, впрочем, спорадически в употреблении уже в Шумере раннединастического периода (Лагаш) и регулярно применялась в Вавилонии начиная с касситского времени.

[27] См.: RLA, s. v. Datenlisten.

[28] Вот некоторые типичные вавилонские датировочные формулы: „год 'стена г. Казаллу была разрушена и воины его побиты оружием'", „год, (когда) престол с большим балдахином, обитый золотом и серебром, для бога Мардука был изготовлен" (правление царя Сумулаэля, XIX в. до н. э.); „год, (когда) изображение своей царственности он внес в храм Эбаббар" (правление царя Аммидитаны, XVII в. до н. э.). Ср. с этим формулу документа № 12: „Тот год, (когда) из города Русы, сына Аргишти, Шага, старший сын царя ишкугульского, пришел в Ману вместо Ака'а, (и) когда царя Халди поселили нам (?) в Русахинили из (находящегося) около Кильбани святилища", — и „заглавную декларацию", например: „Бог Халди выступил, своим оружием поразил он страну Ману, поразил Этиу, склонил их перед Аргишти" (УКН 127, V, 33—35).

[29] M. San Nicolò. Beiträge zur Rechtsgeschichte im Bereiche der keilschriftlichen Rechtsquellen. Oslo, 1931, стр. 135 и сл.; А. П. Рифтин. Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР. М.—Л., 1937, стр. 24 и сл.

в Хеттском царстве и в некоторых связанных с ним мелких государствах был распространен обычай прикладывать печать также к царским указам и к официальным письмам, имевшим силу указа.[30]

Царские печати у хеттов и в соседних государствах были двоякого рода: династические, переходившие от царя к царю, и личные печати каждого царя. Урартские официальные печати являются по характеру промежуточными между этими двумя типами: цари и царевичи, приложившие печать к публикуемым письмам, имели каждый свою печать,[31] но изображение на них было одним и тем же, являясь, таким образом, как бы династическим гербом (на боковой стороне печати перед священным древом два вздыбленных крылатых грифона вправо и влево, с шишкой и корзинкой в лапах; на нижней стороне — крылатое животное).

* * *

Таким образом, особенности урартской писцовой практики недвусмысленно указывают на существование непрерывной письменной традиции от Митанни и Хеттской державы до Ванского царства, что заставляет пересмотреть вопрос о времени возникновения классового общества и цивилизации на Армянском нагорье.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Прежде чем сказать о других исторических данных, которые, по-видимому, можно извлечь из публикуемых документов, необходимо еще раз оговорить условность и недостаточную надежность предлагаемых переводов, на которых основаны приводимые ниже соображения.

С этой оговоркой из публикуемых документов, по-видимому, вытекает следующее.

Урартские цари находились в постоянной переписке с властями крепости Тейшебаини и активно вмешивались в ее жизнь, давая различного рода распоряжения, в том числе и по мелким вопросам (выдача замуж девушки из дворцового персонала, похищение рабыни, возвращение незаконно отнятого земельного участка). По своему характеру письма урартского царя и его руководящих чиновников чрезвычайно напоминают письма вавилонского царя Хаммураби и его приближенных;[32] ассирийские цари в своих хорошо известных нам письмах[33] не входили до такой степени в мелочные вопросы администрации.

Довольно много сведений дают нам публикуемые документы об урартском царском хозяйстве. Документ № 12 (из Топрах-кале) дает, по-видимому, список дворцового персонала города Русахинили, общим числом 5507 человек (не считая членов семейств). Среди них 1113 знатных лиц, придворных (? — ^{LÚ}ma-ri), 3784 евнуха (в их числе, видимо, и чиновники канцелярии?), 168 слуг (?) дворца (среди них еще 108 евнухов) и еще

---

[30] См., например: PRU IV, стр. 103 (№ 17.130), стр. 118 (№ 133) для писем и passim для указов.

[31] По-видимому, Руса II и Сардури III пользовались одной печатью, когда правили совместно, а когда Сардури III начал править самостоятельно, была изготовлена другая печать.

[32] См. особенно: F. Thureau-Dangin. La correspondence de Hammurapi avec Šamaš-ḫāṣir. RAss, XXI, 1924, стр. 1 и сл.; см. также: A. Ungnad. Babylonische Briefe. . ., №№ 1—88.

[33] R. F. Harper. Assyrian and Babylonian Letters, I—XII. London, 1892 и сл.; L. Waterman. Royal Correspondence of the Assyrian Empire, I—IV. Ann Arbor, 1930 и сл.

около 450 различных лиц, — видимо, воинов, ополченцев и обслуживающего персонала (например, погонщиков мулов).

В составе той группы, которую мы условно отнесли к слугам (?) дворца, упомянуты и ^{LÚ}É.TIN 'люди дома вина', известные также по кармир-блурскому письму № 1. Из последнего письма видно, что эти ^{LÚ}É.TIN считались „рабами" (^{LÚ}ERÈ, — правда, с особым эпитетом qu-ṭurele), однако получали от дворца земельные наделы.[34]

Это опровергает высказывавшееся ранее мнение,[35] что царские служащие, составлявшие население Тейшебаини, не имели своих наделов и хозяйств. Отсутствие кладовых и земельных участков при домах, откопанных на Кармир-блуре, конечно, не может считаться достаточным доказательством отсутствия у обитателей этих домов (а тем более у всего вообще городского населения) хозяйственного имущества вне города. Надо полагать, что и в Урарту, как и в других странах Древнего Востока,[36] часть царских людей находилась на натуральном довольствии, а часть получала от царской администрации земельные наделы. Характерно, что публикуемые тексты упоминают в числе людей, обозначенных только по профессии (т. е., видимо, царских людей), между прочим и ^{LÚ}ŠE.NUMUN-ḫu, дословно 'человека посева'. Другие упоминаемые в письмах профессии царских людей — ^{LÚ}MU^{meš} 'повар, пекарь', ^{LÚ}NA.KAD 'старший пастух'.

Важное положение в урартской администрации (что, впрочем, было известно и раньше)[37] занимали ближайшие родичи царя (^{LÚ}A.NIN-li 'сын царицы, царевич'). Привлекалась в состав администрации и местная, не-урартская знать (см. № 12, 2). Адресатами писем царя и его чиновников являлись не только наместник (начальник области, ^{LÚ}NAM, ^{LÚ}EN.NAM, acc. peḫātu, bēl peḫāte), бывший, возможно, воинским начальником (ср. письмо № 7), но и непосредственно чиновники хозяйственной администрации Тейшебаини (^{LÚ}NA$_4$.DIB 'держатель печати', — видимо, начальник хозяйственного персонала; ^{LÚ}KUG^{meš} 'человек денег',

---

[34] Предположение о существовании в Урарту подобных рабов-земледельцев, посаженных на землю, а также наделенных землей свободных из числа пленных, было высказано нами уже раньше на основании теоретических соображений, см.: И. М. Дьяконов. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту. ВДИ, 1952, № 1, стр. 110. — Хотя Г. А. Меликишвили вначале возражал против этого предположения (Г. А. Меликишвили. К вопросу о царских хозяйствах и рабах-пленниках в Урарту. ВДИ, 1953, № 1 стр. 26 и сл.), позже он с нами согласился (Г. А. Меликишвили. К вопросу о хетто-цупанийских переселенцах в Урарту. ВДИ, 1958, № 2, стр. 46).

[35] Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур I. Ереван, 1950, стр. 18; Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири—Урарту. ВДИ, 1951, № 4, стр. 29; более осторожно Г. А. Меликишвили высказывается в работе: Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Наири—Урарту. Тбилиси, 1954 (в дальнейшем: Наири—Урарту), стр. 345 и 347, примеч. 1. — В. С. Сорокин видел в населении Тейшебаини в основном свободных воинов (В. С. Сорокин. Археологические данные для характеристики социально-экономического строя Урарту. ВДИ, 1952, № 2, стр. 180 и сл.). Возражения против точки зрения Б. Б. Пиотровского в этом вопросе см. также: И. М. Дьяконов. К вопросу о судьбе пленных... ВДИ, 1952, № 1, стр. 95 и сл.

[36] А. И. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1956, стр. 135—169; И. М. Дьяконов. Muškēnum и повинностное землевладение на царской земле при Хаммураби. Eos, XLVIII, 1, 1956, стр. 44; ОГСД—Шумер, стр. 104 сл.; М. Л. Гельцер. Материалы к изучению социальной структуры Угарита. ВДИ, 1952, № 4, стр. 32—33, и др.

[37] Г. А. Меликишвили. 1) Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири—Урарту. ВДИ, 1951, № 4, стр. 34 и сл.; 2) Наири—Урарту, стр. 356; 3) УКН, стр. 24; И. М. Дьяконов. Заметки по урартской эпиграфике. ЭВ, IV, 1951, стр. 115.

^{LÚ}NÍG.ŠID 'человек счета'). Следует обратить внимание на различие в содержании письма № 7, адресованного наместнику, и писем №№ 2, 3, 4, адресованных хозяйственным чиновникам.

Большое количество евнухов среди придворного персонала, перечисленного в документе № 12, не может вызвать особого удивления. Таково же было положение, судя по греческим авторам, особенно по Ктесию, и при персидском дворе Ахеменидов; то же самое верно и в отношении ассирийского двора: большинство придворных, изображенных на ассирийских рельефах IX—VII вв. до н. э., — евнухи; судя по надписям, ассирийские цари доверяли даже должности наместников областей, как правило, евнухам (ša rēši, šūt rēši, manzaz pāni); эти термины дословно означают, собственно, просто 'приближенных', но что это были именно евнухи, видно из среднеассирийских законов (САЗ, А § 20) для ša rēši и из законов Хаммураби (§ 187 сл.) для manzaz pāni (= GÌR. SÈ.GA).

Конечно, население Урарту, и, надо думать, города Тейшебаини в частности, не состояло из одних царских служащих. В письмах упоминаются не только люди, обозначенные лишь по имени и профессии, а не по имени и отчеству, но также и люди, обозначенные лишь по имени и отчеству, а не по профессии. По аналогии с Вавилонией и другими странами древнего Востока, где наблюдается такой же двоякий принцип обозначения людей, первых следует рассматривать как царских людей (подобных вав. muškēnum),[38] вторых — как полноправных членов свободных общин (подобных вав. awīlum, иначе mārē ālim, DUMU URU). Община (patari, обозначаемая, как обычно в клинообразных письменностях, гетерограммой, — шум. URU, акк. ālum) имела, видимо, свое самоуправление, которое порой не особенно считалось с царскими чиновниками; например, если правилен наш перевод письма № 2, община могла при случае самочинно распорядиться казенными грузами. Общинники иногда обозначаются нисбой — притяжательным прилагательным, образованным от названия их общины: ^{URU}Ur-ki-a-né, ^{LÚ}DUMU ^{URU}Ir-di-ú-né.

Если правильно наше понимание стк. 1 в документе № 10, то в этом документе речь идет о поставке кожевенных и шерстяных изделий из страны 'Аза (района совр. Армавира) в Тейшебаини, вероятно, в качестве дани или налога. Это могло бы указывать на территориальный охват административного округа Тейшебаини. Однако Н. В. Арутюнян и Г. А. Меликишвили[39] толкуют этот текст иначе.

---

[38] Таково понимание термина muškēnum, установившееся среди большинства ассириологов к концу 50-х годов; см.: И. М. Дьяконов. Muškēnum. . ., стр. 53 и сл.; E. A. Speiser. The muškēnum. Orientalia, 27, 1, 1958, стр. 19 и сл.; ср. также критику этой точки зрения: В. В. Струве. Борьба с рабством-должничеством в Вавилонии и Палестине. ПС, 3 (66), 1957, стр. 6, примеч. 8; см. возражения на эту критику: И. М. Дьяконов. Этнос и социальное деление в Ассирии. СВ, 1958, № 6, стр. 53. — В. В. Струве полагал, что в muškēnum надо видеть покоренное местное (шумерское) население Вавилонии (В. В. Струве. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока. ИГАИМК, 77, 1934, стр. 60; Всемирная история [АН СССР], I, М., 1955, стр. 296). В самое недавнее время Ф. Р. Краус выдвинул новую точку зрения, согласно которой muškēnum называлась вся масса подданных царя, а awīlum — только знать. Аргументация Ф. Р. Крауса (F. R. Kraus. Ein Edikt des Königs Ammi-ṣaduqa von Babylon. Leiden, 1958, стр. 144 и сл.), поддержанная также Г. Петчовом (H. Petschow) в рецензии на книгу Ф. Р. Крауса (Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtgeschichte, Rom. Abt., LXXVII, 1960, стр. 413) и некоторыми другими авторами, основана, с нашей точки зрения, на чисто формальном анализе источников, без учета большого контекста (например, не учтено то обстоятельство, что членами не только совета знати, но и народного собрания были в Вавилонии только awīlū). Ф. Р. Краус не учел в своей работе также и статей Э. А. Спайзера и И. М. Дьяконова и их аргументации.

[39] Н. В. Арутюнян. Новонайденная клинописная таблетка из раскопок Кармир-блура. ВДИ, 1957, № 3, стр. 149; УКН, стр. 457. — Наше толкование предполагает

Разбирая попутно, в поисках аналогий к лексике писем, уже известные надписи урартских царей, мы смогли сделать некоторые выводы по вопросам организации налогов и повинностей в Урарту (см. стр. 32 и 43 сл.).

Если мы правильно понимаем текст УКН 36, экипировка воинов до Минуи возлагалась на зависимых царьков, Минуа же обязал воинов экипироваться самостоятельно (?). Совершенно противоположной была политика Сардури II (УКН 155, G), который освободил полноправных свободных (šurele) от представления в ополчение свыше 350 тысяч воинов (конечно, они являлись на службу не одновременно; самая большая полевая армия на древнем Востоке доахеменидского периода, созванная путем ополчения, составляла, по ассирийским данным, 120 тысяч человек), а также сократил поставки и повинности. По всей вероятности, это означает, что Сардури II ввел в Урарту постоянное войско на царском довольствии и содержании.

На основании издаваемых писем и документов удается также уточнить последовательность и хронологию правлений последних урартских царей.

Выясняется, что Сардури III во второй половине 40-х годов VII в. до н. э. был соправителем своего отца Русы II. Имеется одно письмо времени совместного правления Русы II и Сардури III и одно письмо времени самостоятельного правления последнего. Это первые тексты, связанные с именем Сардури III, если не считать его упоминания в ассирийских анналах и фрагмента письма к нему от ассирийского царя Ашшурбанапала.

Подтверждается существование царя Эримены.

Письмо № 5 подтверждает данные одной из недавно найденных кармир-блурских надписей о существовании ранее не известного урартского царя — Сардури IV, сына Сардури (III?). Этот царь, вероятно, царствовал уже после Русы III, сына Эримены, и был в таком случае последним из урартских царей. Надпись его, как мне кажется, следует отнести не ко времени перед окончательной ликвидацией урартского царства (около 590 г. до н. э.), а скорее ко времени перед подчинением Урарту Мидии (вскоре после 608 г. до н. э.).[40] Поскольку Руса II умер, по всей

поправку в тексте, в то время как толкование Н. В. Арутюняна исходит из текста как он есть и в этом смысле имеет преимущество. Однако ни бог 'А, ни город бога 'А, предполагаемые чтением Н. В. Арутюняна, нигде более не известны; в стране 'Аза находился, как нам известно, другой город, а именно Аргиштихинили; к тому же кажется маловероятным, чтобы поставки делались не в центр наместничества, а из него в какой-то малоизвестный населенный пункт. Обоснование нашего понимания см. в комментарии к тексту № 10.

[40] В 609—608 гг. мидийско-вавилонские войска вторглись в Урарту. См.: C. J. Gadd. The Fall of Nineveh. London, 1923 (17-й год); D. J. Wiseman. Chronicles of Chaldaean Kings. London, 1956 (18-й год); АВИУ, № 81 (ВДИ, 1951, № 3, стр. 244 и сл.); И. М. Дьяконов. 1) Последние годы урартского государства. ВДИ, 1952, № 2, стр. 31; 2) История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 315—316 и Дополнения; Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 116. — Результатом этого вторжения был „союз" Урарту с Мидией или, вернее, его подчинение Мидии (Кн. Иеремии, LI, 27, с датой 593 г. до н. э., если только 'RRṬ не означает здесь уже Армянское царство). Так как ни от одного из прочих зависимых от Мидии царств (Элам, Персида, Манна) до нас не дошло надписей местных царей, то и для Урарту кажется маловероятным, чтобы какие бы то ни было урартские царские надписи могли датироваться позже заключения этого „союза", т. е. после какого-то момента между 608 и 593 г. до н. э. Наиболее вероятно, что подчинение Урарту Мидией произошло примерно одновременно с окончательным разгромом Ассирии (битва при Каркемише, 605 г. до н. э.). В 590 г. до н. э. началась, согласно Геродоту, война между Мидией и Лидией, расположенной в западной Малой Азии. К этому времени самостоятельность Урарту должна была быть окончательно ликвидирована, так как невероятно, чтобы мидийские войска могли вести тяжелую и длительную войну в Малой Азии, имея у себя в тылу не полностью покоренное царство.

видимости, в 644 или 639 г. до н. э.,[41] постольку на правление последних четырех урартских царей приходится от 31 года (639—608) до 54 лет (644—590), или в среднем от $7^3/_4$ до $13^1/_2$ лет на каждое отдельное правление. Судя по немногочисленности дошедших надписей (Сардури III — 0, Эримена — 0, Руса III — 10, Сардури IV — 1), из этих четырех царей более или менее продолжительное время царствовал лишь Руса III. Остальные правили недолго.[42]

ВОПРОСЫ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ И ТРАНСКРИПЦИИ

Несколько слов об особенностях транслитерации, применяемой в настоящем издании.[43]

Как известно, в аккадской системе клинописи (к которой принадлежит также и урартское письмо) слоговые знаки, содержащие гласный 'i', могут читаться также и с гласным 'e'; выбор того или иного чтения определяется этимологическими причинами.

При этом в урартском письме, хотя и не вполне последовательно, соблюдаются следующие орфографические правила:

1) Конечный редуцированный гласный пишется безразлично слоговыми знаками XI (что можно читать и xi, и xe)[44] или XE (если имеется специальный знак для слога с гласным -e, например, še, te), а также XI-e (т. е. xe-e) и лишь изредка XI-i.

2) Перед суффиксом конечный гласный может восстановиться: -u-ki/e, но -u-ka-né; i-né, но i-na-né (отложительный падеж, УКН 266,5); -(i)-e, -jè, -i, но -ja-né; -ú-li-e, но -ú-li-ja-le; -še, но -ši-né и даже -ši-i-né; -ḫé, -ḫe, -ḫe-e, но -ḫi-né и даже -ḫi-i-né; но тот же гласный может сохраняться и в редуцированном виде и тогда пишется также безразлично слоговыми знаками XI (т. е. xi или xe), а также XI-i (т. е. xi-i) и лишь изредка XI-e (т. е. xe-e).

3) Для передачи суффиксов родительного падежа (после редуцированного гласного, по-видимому, звучавшего как -ji), дательного падежа -(j)ə и суффиксального местоимения 3-го лица -jə применяются полные и сокращенные написания: для родительного падежа полное написание -xi/e-e-i (и -xi-i-e-i), сокращенное -xi/e-i; для дательного падежа полное написание -xi-i-e, сокращенное -xi-e; так же и для суффиксального местоимения 3-го лица, но здесь сокращенное написание встречается реже.

Наличие сокращенных написаний приводит к недоразумениям; так, соотносительная частица -ne, окончание прилагательного -(i)nə и отложительный падеж -nə могут писаться как одним знаком -ni (-né), так и двумя знаками -ni-e (-né-e); но и дательный падеж от слова, кончающегося на -ni/e, может писаться сокращенно -ni-e. Подобные орфогра-

---

(Следует учесть, что первоначально мидяне в этой войне терпели поражения и лидийцы доходили до гор Тавра — областей Табал, Тогарма, Гомер — и даже угрожали вторгнуться в Сирию; ср.: И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 321).

[41] Обыкновенно считается, что посольство Сардури III к Ашшурбанапалу (причем урартский царь признал себя „сыном" ассирийского, т. е. признал его верховенство) относится к 639 г. до н. э. Оно, возможно, было связано с восшествием Сардури III на престол. Однако Х. Тадмор в докладе на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве предложил иную дату — 644 г. до н. э.

[42] Совершенно условно можно считать годами правления Сардури III 639—635 гг., Эримены — 634—630 гг., Русы III — 629—615 гг., Сардури IV — 614 — после 608 г. до н. э.

[43] Грамматическая терминология и правила транскрипции и транслитерации в настоящей работе соответствуют, по мере возможности, принятым в подготавливаемой мною к изданию подробной грамматике урартского языка.

[44] X означает здесь любой согласный.

фические неясности приводят к неуверенности при анализе грамматических формантов, почему даже в глоссариях и в переводах собственные имена нередко приводились в форме косвенного падежа, или с соотносительной частицей, не являющейся частью имени, или в форме притяжательного прилагательного, образованного от данного имени (так, имя ^{m}Ru-sa-a-né правильно передавалось как 'Руса', но ^{m}Ú-tu-pur-ši-né — как 'Утупуршини' вместо 'Утупурше' ^{KUR}E-ti-ú-né — как 'Этиуни' вместо 'Этив(у)'. Стоящее в родительном падеже название страны ^{KUR}A-ni-iš-te-er-ja$_9$-e в глоссарии Г. А. Меликишвили правильно приведено в форме Aništirga, но в переводе передано как 'Аништиргае'; ^{KUR}E-ri-a-ḫe обычно передается как имя существительное 'Эриахи', в то время как это прилагательное 'эрийская', ср. аналогичные прилагательные ^{KUR}Ú-e-li-ku(-i)-né и ^{KUR}Ú-e-li-ku-ḫé и т. п.; ср. также ^{URU}me-li-ṭè-al-ḫé 'принадлежащий к мелитейцам, к жителям города Мелитеа', а не 'город Мелитеалхи'). Понятно, что все это затрудняло как анализ текста, так и отождествление топонимических и других названий.

По этой причине, пренебрегая возможным обвинением в педантизме, мы стремились в транслитерации достичь наибольшего приближения к этимологической транскрипции (особенно в грамматических формантах). Сравнительное изучение хурритского и урартского языков значительно способствует в настоящее время этимологическому анализу урартской лексики и морфологии.

При этом мы придерживались следующих правил.

1) Редуцированный гласный в конечной позиции мы, как правило, передавали как -е (в редких случаях написаний типа xi-i, а также при передаче глагольного окончания -ni, которое, по-видимому, никогда не пишется *-NI-e, мы сохраняли написание с -i). Сравнение с хурритским показывает, что и в этом родственном урартскому языке в конечных позициях обычно наблюдается -е (или -а, редуцированное в урартском > -ə).

2) Перед суффиксом мы передавали редуцированный невосстановленный гласный как -i- (так как, по-видимому, здесь наблюдался переход ə > i), кроме тех случаев, когда орфография прямо указывает на сохранение -ə- или -е- (например, перед окончанием родительного падежа, множественного числа -lə и в некоторых других случаях). Поэтому, в частности, сочетание -xə + jə, образуемое при присоединении суффикса дательного падежа или суффиксального местоимения 3-го лица, а также возникающее в некоторых глагольных формах, мы транскрибировали -xi-e, -xi-i-e, но окончания родительного падежа мы транскрибировали как -xe-i, -xe-e-i, что облегчает различение этих форм в тексте.

3) Внутри слова слоговой знак, содержащий гласный i/e, но в ряде контекстов сопровождаемый знаком для 'e' (mi/e-e, te-i/er), передавался нами с 'e' (me-e, te-er). Так же мы поступали и в тех случаях, когда внутри слова встречался гласный -i/e, редуцированный из 'a', что́ видно из сравнения с хурритским (^{f}SI-la 'дочь' || хурр. šala = ^{f}se-la, QI-ú-ra 'земля' || хурр. ḫawr- = qe-ú-ra).

4) Знак ME мы читаем как mi, когда имеются контексты, где за ним следует -i- (например, ^{m}ME-nu-a, ^{m}ME-i-nu-a = ^{m}Mi-nu-a, ^{m}Mi-i-nu-a). Следует заметить, что другого знака для выражения слога mi в урартском нет.

5) В сомнительных и невыясненных случаях мы оставляем чтение с i.

6) Родительный падеж (-ji?) и дательный падеж (-jə?) часто передаются в урартском также знаком GI, который мы по этой и по другим

причинам[45] передаем как ji, jè. То же касается местоимения GI-e-i = jè-e-i, ср. хурритскую местоименную основу je-.

7) Точно так же в случаях чередования написаний GA и ja, GU и i-u мы передаем знаки GA и GU как ja_9 и jù (в неэтимологизируемых словах мы оставляли чтение ga, gu, gi).

8) В аналитической транскрипции (не в транслитерации по знакам) мы передавали неслогообразующее 'u̯' как 'w' по аналогии с 'j' и исходя из сопоставления с хурритским. Удвоенные написания 'u' часто передают этот же звук (например, ša-tú-ú-ú-le = šatuwlə).

Остальные согласные звуки мы передавали согласно традиции аккадского произношения клинописных слоговых знаков. Хотя нам достоверно известно, что эта традиция не всегда соответствует урартскому произношению, но при нынешнем уровне наших знаний передавать это произношение последовательно, хотя бы не в транслитерации, а в аналитической транскрипции, мы не можем, так как многие вопросы здесь остаются невыясненными.

Прописной шрифт в транслитерации обозначает, как обычно, гетерографические написания. Двоеточие передает знак словораздела.

После номера текста в скобках указано место (сокращенно: КБ — Кармир-блур, ТК — Топрах-кале) и год находки.

В переводе курсивом выделены слова, значение которых только угадано и в подтверждение понимания которых автор не может привести достаточно веских аргументов.

* * *

В заключение я хотел бы выразить искреннюю благодарность Б. Б. Пиотровскому за постоянно предоставлявшуюся мне возможность знакомиться с новыми находками письменных памятников из Кармир-блура и за предоставление мне фотографий с документов; генеральному директору Берлинских музеев Г. Р. Мейеру, великодушно разрешившему мне публикацию документа № 12, над которым он сам работал, предоставившему его фотографию и внесшему ценные поправки к нашему чтению этого текста; директору Музея Армении К. Г. Кафадаряну за содействие в работе над документами кармир-блурской коллекции и Г. А. Меликишвили, без прекрасной работы которого „Урартские клинообразные надписи“, с ее сводом текстов и глоссарием, настоящая книга не могла бы быть написана.

---

[45] Имеются в виду вариантные написания, а также иноязычные передачи урартских топонимических названий.

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

Текст № 1 (КБ, коридор VI, 1956)

Изд.: N. V. Harouthyounyan. Karmir-bluri noragyout sepagir alyousakə. Patma-banasirakan handes (Ист.-филолог. журнал), 1958, № 3, стр. 201 и сл. (на арм. языке); см. также: Н. В. Арутюнян. Новая клинописная таблетка из раскопок Кармир-блура. Festschrift Johannes Friedrich, Heidelberg, 1959, стр. 35 и сл.; Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, табл. XXIII, 2.

Дата: совместное правление Русы II и Сардури III, 640-е годы до н. э.

Содержание: царь (или царевич) Сардури III приказывает вернуть участок двум рабам (или подданным), держателям земли в поселении Куду (или Кудунили), и сообщает, что имеется (?) межевой камень.

Лиц. 1.	$^{m.d}$Sar$_5$-du-ri-i-še	Сардури
	^{m}Ru-sa-a-[ḫi]-n[i-še]	Руси[н (сын)]
	a-ru-ú-ni [*x*-r]u-[*x*]	дал [приказ]
	^{LÚ}É.TIN : ^{m}Šá-né-e-[ḫ]i-[n]é	о *виноделах*(?) шанийских:
5.	KI$^{tim.meš}$: ^{URU}Qu-du-na	на землях поселения Куду(?)
	II-u + e(?)[1] ^{LÚ}ERÈ-u + e(?)[1] : qu-ṭu-ra-u + e(?)[1]	двум рабам-quṭurele
	É-né bi-di-i	дом (участок) верни —
	^{m}Ḫu-ka-a-i : ^{m}Qu-tú-bi-le-i	(это дом неких) Хука и Кутубиле.
	^{m}U + e[1]-di-i-ni-še ^{LÚ}*x*[-. . .]	Ведини, [(*звание*)],
10.	^{m}A-bi-li-a-ni-še ^{LÚ}NA$_4$.[DIB]	(и) Абилиани „[держатель] печати“,
	^{NA_4}pu-lu-si-né-[e(?)]	стелу
	a-al-di-tú-ú-[ni]	разыскали (?).
	(*Печать*)	(*Печать*)
	^{m}Ru-sa $^{m.d}$Sar$_5$-du-ri	Руса. Сардури.

На обороте процарапаны иероглифические знаки.

[1] Или -di? Однако знак отличается от di в стк. 7 и 9 (3-й знак).

Текст № 2 (КБ, кладовая 28, верхний слой, 1949)

Изд.: Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур I. Ереван, 1950, табл. 11; Кармир-блур II. Ереван, 1952, стр. 75 и сл. (И. М. Дьяконов); Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, табл. XXXII, 1; УКН 333; HCI, Inc. 34.

Дата: правление Сардури III (?), 630-е (?) годы до н. э.

Содержание: письмо от Зу[. . .]а к П/Бу[. . .], „держателю печати“, и Хал[дипуре(?)], „человеку счета“, относительно некоего полноправного гражданина (названо имя и отчество!), по имени Хануни (?), сына [. . . . .]а, — может быть, главы общинного самоуправления Тейшебаини (??). Отправитель письма послал лошадь с грузом для воинов, а также шесть волов, но город (т. е. городские власти) не направил их по назначению, а употребил для жертвенных и каких-то других целей (?). Конец письма не сохранился. Царская печать Сардури III (?).

Лиц. 1.	^{m}Z[u-*x*]-a-[š]e ba-ú-še	Зу[. . .]а слово
	ši-ú-n[i ti]-i-e	посла[л, — ска]жи
	^{m}P/Bu-*x*[-*x*-di] ^{LÚ}NA$_4$.DIB	П/Бу[. . . .], „держателю печати“,
	$^{m.d}$Ḫa[l-di-*x*-di] ^{LÚ}NÍG.ŠID	(и) Ха[лдипуре(?)], „человеку счета“,
5.	^{m}Ḫa-nu-n[é. . . . . .]-a-ḫi-né	о Хануни(?), [(сыне). . . . . .]а:
	za-né-da-b[é TI DINGIR] gu-né	*любезна*(??) будет [жизнь (?) (твоя) богу] воистину!
	I ANŠU.KUR.RA : [*x x* Z]ÍZ (??) ERÉN-a-di	1 лошадь [(с грузом такого-то количества)] эммера (?) для воинов
	VI GUD : ul-d/ṭa si-di-tú-bé	(и) 6 волов в *виноградниках* (?) я . . . . .лю
	e-li-a-'i uš-tú-ú-bé	(и) . . . . . отправил
10.	ú-i : URU-ri-še : ši-ú-[ni(?)]	Город (же) не пере[слал],
	ur-bi-né-e-di e-'i [. . . . .]	(а) на жертвенное (мясо) и [. . . . . .]
	su-l[u]-uš-t[ú]-ú-[ni(??)]	преназначил.
	[. . . . .]*x x*[. . . . .]	[. . . . . .]
	[. . . . . .]	[. . . . . .]
	[. . . . . .]	[. . . . . .]
Об.	(*Печать*)	(*Печать*)
1.	[. . . . . .][1]	[. . . . . .][1]
2.	KIŠIB [^{m}]^{d}Sa[r$_5$]-d[u-r]i [^{m}Ru-sa]-a-ḫé	Печать Са[р]д[ур]и, [Рус]иного (сына).

[1] Неясно, был ли здесь вообще текст.

Текст № 3 (КБ, помещение XXIII, верхний слой, 1957)

Изд.: неизданная. Зарегистрирована в УКН под дополн. № 73 (с чтением только печати).

Дата: правление Эримены, конец VII в. до н. э.

Содержание: письмо от царя к Халдипуре, „человеку денег“, относительно повара (или пекаря) Алуани. Дочь (умершего) повара (или пекаря) Муиды, состоявшая (по смерти отца) в составе дворцового персонала, выдается по царскому распоряжению замуж за Алуани.

Лиц. 1.	LUGAL-še : a-le : ti-i-e	Царь вот что (говорит), — скажи
	^{m}Ḫal-di-ERÈ-di ^{LÚ}KUG^{meš}	Халдипуре, „человеку денег“,
	^{m}A-lu-a-ni-né ^{LÚ}MU^{meš}	об Алуани, пекаре (поваре) :
	za-né-da-bé : TI DINGIR : gu-né	*любезна* (??) будет жизнь (твоя?) богу воистину.
5	^{f}se-la-a : šú-se-e	Дочь одну

	^{m}Mu-i-da-a-i ^{LÚ}MU :	Муиды, пекаря (повара),
	MÍN-e ma-nu-ú-bé :	женой его я дал быть.
	É.GAL-né ḫi-né-e	Из дворца теперь
	LUGAL-še bi-du-ú-ni	царь вернул ее
10.	^{m}A-l[u]-a-ni-jè ^{LÚ}MU	Алуани, пекарю (повару).
	mì-i a(?)-[l]u(?)-[š]á-i-né :	*Безотлагательно* (?)
Об. 1.	bi-di [a(?)]-re-e(-e)	верни, [от]дай (?),
	a-l[i]-ú-ni	. . . . .
	(*Печать*)	(*Печать*)
	^{m}]E-[r]i-me-n[a-n]é ^{m}A[r(??)[1]-. . . . . .]	Э[р]имен[а] А[р. . . . . .(??)].

[1] Или ^{m}R[u(??)-.

Текст № 4 (КБ, помещение IV, 1955)

Изд.: Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, табл. XXXIII, 1; зарегистрирована в УКН под дополн. № 63 (с чтением только печати).

Дата: последняя четверть VII в. до н. э.?

Содержание: имя отправителя не сохранилось (царевич Руса, сын Русы?), адресат — [. . .]ли, „держатель печати"; письмо содержит приказ старшему пастуху Кулу (?). Раб Тата похитил девушку и не желает ее отдать. Предлагается разыскать похитителя и вернуть девушку хозяину (?).

Лиц. 1.	[^{m}. . . . . .]-še : b[a]-ú-še	[*Руса* (??)] слово
	[ši-ú-]ni : ti-i-e	послал, — скажи
	[^{m}. . . .]-li-i-di ^{LÚ}NA$_4$.DIB-d[i (?)]	[. . . .]ли, „держателю печати",
	[^{m}]Ku (?)-lu-jì-i ^{LÚ}NA.KAD	для Кулу (?), старшего пастуха:
5.	[z]a-né-da-bé TI DINGIR : gu-né	*любезна* (??) будет жизнь (твоя) (?) богу воистину!
	^{m} : Ta-ta-a-še ^{LÚ}ERÈ GAŠAN$_x$(?)-i	Тата, раб, (у) госпожи
	MÍN.TUR : ir-bu-ni : ú-i	девушку похитил,[1]
	u + e (?)-er-ṭu-še : a-ri-a-ni(!)	*добровольно* (??) не хочет отдать.
	ḫi-né : a-la-jè : z/ṣa-de-e	Теперь *хозяину* сделай, —
10.	ú-ši-e : at-ḫe-e : a-r[e(?)]	отправься (?), найди, от[дай (?)].
	(*Печать*)	(*Печать*)
1.	^{m}Ru-sa-a-i ^{m}Ru-sa-ḫe	Русы, Русина (сына).
2.	KIŠIB ^{LÚ}A.NIN-li	Печать сына царицы.

[1] Или „Тата, раб госпожи, девушку похитил"?

Текст № 5 (КБ, помещение X, 1957)

Изд.: неизданная. Зарегистрирована в УКН под дополн. № 74.

Дата: если правильно прочитан текст печати, — правление Сардури IV (?), сына Сардури III (??), преемника (?) Русы III, сына Эримены, т. е. непосредственно перед падением Тейшебаини.

Содержание: неясно. Речь, возможно, идет о возвращении некоему государственному земледельцу беглых (?) рабов-военнопленных (?).

	(Недостает 6—10 строк).	*(Недостает 6—10 строк).*
Лиц.	[. . . . . .] *x x x* [. . . . . .]	[. . . . . .]
x+1	[. . . . . .] li *x* [. . . . . .]	[. . . . . .]
	^{m}A-bi-li-ú-qu-[né (?) . . . . . .]	Абилиуку[ни(?), ...]
	É-jè ^{URU}Ú-*x* [-. . . . . .]	дому (селения) У. . .[. . . . . .]
x+5.	ú-i-me-e : u+e (?)[1]-[. . . . . .]	мне не . . .[. . . . . .]
	^{m}(?) [*x-x-*]a-né : e-'[. . . . .]	[*(имя собственное)*] и [. . . . . .]
	[*x-x*] TUR-ḫe : u+e (?)[1]-n[i(?). . . . .]	[. . . .] маленький . . .[. . . .]
	L[Ú(?)]-ú(?)-tú-ḫe : ^{KUR}e-b[a-ni-a]	п[ленн]ыми(?) [в(?)] стр[ане]
	ma-nu-le : ḫi-né : a-l[a-j]è	были. Теперь *хозяину,*
x+10.	áš-ka-de$_{x}$: ka-i-pi-ú(?)	чтобы (?) . . . . . у тебя (?),
Об. 1.	z/ṣa-de-e : ú-ši-e : šú-i-né	сделай, отправься, всё(?)[2]
	bi-di[-i : at(?)ḫ] e-e : a-re-e	вер[ни, разы]щи(?), отдай
	$^{m.d}$[*x-x-x*]-né ^{LÚ}ŠE.NUMUN-ḫu	[*(имя лица)*], „человеку посева“.
	(Печать)	*(Печать)*
	$^{m.d}$Sa[r$_5$-du-ri(?)$^{m.}$]^{d}S[a]r$_5$-d[u(?)]-ḫe	Са[рдури(?)], С[а]рд[у]<ри>ев (сын)

[1] Или di-?
[2] Или „чужие“.

Текст № 6 (КБ, помещение X, 1957)

Изд.: неизданная. Зарегистрирована в УКН под дополн. № 75.
Дата: не известна.
Содержание: письмо от TUR-tata к „держателю печати“; речь идет о (жертвенном?) козленке; основная часть текста не сохранилась.

Лиц. 1.	^{m}TUR-ta-ta-a-še ba-ú-še	TUR-тата слово
	[ši-]ú-ni ti-i-e	[по]слал, — скажи
	[*x-x*]-*x*-di ^{LÚ}NA$_4$.DIB-di	[. . . . . .], „держателю печати“:
	[. . . . . .]*x* MÁŠ.TUR	[. . . . . .] козленок
	[. . . . . .]*x*	[. . . . . .]
	(Отбито 6—10 строк).	*(Отбито 6—10 строк).*

Текст № 7 (КБ, помещение X, 1957)

Изд.: неизданная. Зарегистрирована в УКН под дополн. № 72.
Дата: не известна.
Содержание: разведывательное донесение (?) от Инуш-шилы Урме, наместнику (Тейшебаини?). Найдены два человека на роль лазутчиков (??), Халдипура и Уради. К царю отправлен груз различных вещей. Прибыли 5 человек aḫupa, принадлежащих некоему Ципе; сам Ципа отправлен к царю, где дал правдивые показания(?). Сведения о действиях Уради и Халдипуры.

Лиц. 1.	^{m}I-nu-uš-ši-la-a-še : ba-ú-še š[i-ú-ni]	Инуш-шила слово по[слал, —]
	ti-e ^{m}Ur-ma-a-di ^{LÚ}NAM-di	скажи Урме, наместнику,

^{m}A-li-a-ú-né ^{LÚ}ŠE.NUMUN-ḫu ^{m}A-lu(?)-na-ta-a-[né]	о (сообщениях?) Алиау, „человека посева“, (и) Алунаты
^{URU}Ur-ki-a-né : za-né-da-bé TI DINGIR : gu-né	уркийца: любезна (??) будет жизнь (?) (твоя) богу (?) воистину!
5. II ^{LÚ}ši-ar-di-a-le $^{m.d}$Ḫal-di-ERÈ-a-né	2 *лазутчиков* (??), Халдипуру (и)
^{m}Ú-ra-di-né : 'a-al-du-ú-lu-le	Уради, я *нашел* (??),[1]
LUGAL-ka : ú-ú-šá-a-le pa-ru-ul-tú-ú-bé	к царю приношение (?) я доставлю:
LUGAL-le I ANŠU.KUR.RA : I su-ḫur-da-ḫe tar-a-né	царю 1 лошадь, 1 большой . . . .,
I : da-ú-še I GÌR.NUN.NA XXX ^{GIŠ}su-le-e XX su-re	1 . . . ., 1 мул, 30 (орудий) . . ., 20 . . . .
10 ḫi-il-ḫi-le : II ka-pi-tú-né : NÍG^{meš} nu-n[a]-a-le	(эпитет), 2 . . . ., — (все эти) вещи прибыли
pa-re-e : ^{KUR}Ar-ṭè-ni-e du-di-jè-e-di	до (горы) Артейской, к межевому столбу (?).
ši-a-bé : ka-ja-a-né V ^{m}Ṣi-pa-a-né ^{LÚ}a-ḫu-pa	Прибыло от него 5 (людей) aḫupa, (принадлежащих некоему) Ципе,
^{LÚ}DUMU : ^{URU}Ir-di-ú-né su-du-uš-tú-ú-ni	граждан Ирдивских. Он их . . . .
i-bi-ra-a-né ^{m}Ú-ra-di-né : ka-ru-ú	всех. Уради подвергнут (?)
15. ḫu-tú-né-pe : III-še *U*$_4$*.ME* : na-ú-bé : $^{m.d}$Ḫal-di-ERÈ	*допросу*(??). 3 дня я *ждал*(??) Халдипуру,
ir-ḫa-ma-tú-ú-ni : ḫi-né : za-ab-zi-jè-e-di	он *запаздывает*(??). Теперь к . . .
ḫu-šá-a-jè-e : I ANŠU.KUR.RA ir-bu-ú-ni	. . . . . .; 1 лошадь он похитил,
i-šá-né : ^{KUR}e-ba-né : pa-ra-tú-ú-bé	на ту сторону области я отведу (ее)
^{m}Ṣi-pa-a-né : LUGAL-ka : ma-nu-ú-bé	Ципе у царя я дал быть,
Об. 1 di-da-jè-e : a-di-AL(?) si-du-ú-ni	долю (?) . . . . . он . . . . .
LUGAL-ka : ú-i : jè-[n]é-ni : pa-li-a-bé	перед царем ни в чем он не лгал (??)
te-er-tú-ú-bé : qa-sa(?)-a-né : ^{KUR}e-ba-né	я установлю . . . . . страну
[LÚ] i-né ú-na-u+e[2] : ḫi-né : a-la-jè-e	этот (?) [человек] . . . . . .; теперь хозяину (??)
5. a-di-re ši-ú-di-le z/ṣa-de ú-ši-e	. . . . . сделай, отправься,
a-le-e LÚ i-né ú-na-a-i[3]-né ú-še	этого человека, который . . . . .
ka-pi-e a-gu-le te-e : ar-šú-di-a-še-né	. . . . .
su-du-me-né-e-di a-le-le su-du-uš-tú-ú	чтобы (?) . . . . ., которые (?) . . .
te-re-e ba-ú-ši-né-le : ^{GIŠ}z/ṣa-lu-i-na	установи обстоятельства (?) . . . .
10. te-'i LÚ i-né ú-le a-li-a-še : i-né É :	и этого человека . . . . . этот дом
a-[g]u-le te-e gu-né LUGAL-ka : ši-ni-né	. . . . . поистине перед царем
ú-ú-la-ni : pa-ru-le-le : e-ku-ri-e	. . . . . пусть приведут их . . .
LÚ i-né ú-né-le	этот (?) человек . . . . .
(Печать)	*(Печать)*
KIŠIB ^{LÚ}A.NIN.li	Печать царевича.

[1] Или „я распорядился относительно 2 лазутчиков, Халдипуры и Уради“.
[2] Или -di.
[3] Написано поверх стертого знака.

Текст № 8 (КБ, кладовая 7, 1946)[1]

Изд.: И. М. Дьяконов. Фрагменты клинописных табличек из Кармир-блура. ЭВ, II, 1948, стр. 86—87 (Б); Б. Б. Пиотровский. Город бога Тейшебы — последний оплот урартской власти в Закавказье, ВДИ, 1948, № 4, стр. 146; УКН 331; HCI, Inc. 32.

Дата: ?

Содержание: письмо; смысл неясен.

	(Недостает 4—6 строк).	*(Недостает 4—6 строк).*
Лиц. x+1.	al-[. . . . . .]	. . .[. . . . . .]
	z/ṣa-du-[. . . . . .]	сдела[л(?). . . . . .]
	^{m}(?)A(?)-r[u-. . . . . .]	Ар[у. . .(?). . . . . .]
	. . . . . .[2]	. . . . . .[2]
y+1.	šú-ke : ḫi-né : t[a(?). . . . . .]	мне теперь. . .[. . . . . .]
	^{m}Iš-ta-a-jè [. . . . . .]	Иште (*дат. п.*?) [. . . . . .]
	ḫi-né : a-la-j[è z/ṣa-de-e(?)]	теперь хозяи[ну (??) сделай (?)]
	. . . . . .[3]	. . . . . .[3]

[1] Фотография не публикуется.
[2] Недостает 10—12 строк?
[3] Недостает 4—6 строк?

Текст № 9 (КБ, кладовая 7, 1946)[1]

Изд.: И. М. Дьяконов. Фрагменты клинописных табличек из Кармир-блура, стр. 87 (В); Б. Б. Пиотровский. Город бога Тейшебы... ВДИ, 1948, № 4. стр. 146; УКН 332; HCI, Inc. 33.

Дата:?

Содержание: письмо (?); смысл неясен.

(Лицевая сторона, содержавшая около 12 строк, не сохранилась).

Об. 1. [. . . . . .-n]i(?) ši-ú[-ni(?). . . . .]
[. . . . . .]a-te-re : b[i(?). . . . .]
[. . . . . .]-*x*-le : bi-[. . . . . .]
[. . . . . .]-*x*-da-a : u+e[2]-[. . . . . .]

(Печать)

. . . $^{m.d}$(?). . .[3]

[1] Фотография не публикуется.
[2] Или -di.
[3] Или . . .-a[r]-. . . .

Текст № 10 (КБ, помещение III, 1955)

Изд.: Н. В. Арутюнян. Новонайденная клинописная табличка из раскопок Кармир-блура. ВДИ, 1957, № 3, стр. 144 и сл.; Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, табл. XXII, 1; УКН, дополн. № 62.

Дата: ?

Содержание: запись двух поступлений (?) кож и тканей из (?) области 'Аза или 'Аца (район Армавира) в (?) Тейшебаини (?).

Лиц. 1.	^{d}IŠKUR(!)[1] URU-e 'A-z/ṣa-a ^{KUR}e-ba(!) XXVI KUŠ GUD : ZAG ŠI.AB XII : TÚG SÍG XIV :[2] UDU	Городу Тейшебы (!)[1] в (?) стра<не> 'Аза : 26 воловьих кож ZAG ŠI.AB, 12 шерстяных тканей, 14 того же (?) бараньих
5.	I ME LX XXX VIII ZAG. ŠI XXV TÚG SÍG I ME LX X II KUŠ(!)[3] šú-še XVI(!)[4] KUŠ ÙZ	198 (воловьих кож) ZAG.ŠI.<AB>, 25 шерстяных ткани, 172 кожи бараньи, 16 кож козьих.

[1] В тексте ^{d}'A — описка?

[2] Три вертикальных или слегка наклонных клина, вроде цифры „IX“,— знак повторения, относящийся к слову KUŠ 'кожи'??

[3] В тексте ZU — описка!

[4] Семь клиньев единиц вместо шести, в том числе три в верхнем и четыре в нижнем ряду,— описка!

Текст № 11 (КБ, кладовая 7, 1946)[1]

Изд.: И. М. Дьяконов. Фрагменты клинописных таблеток из Кармир-блура. ЭВ, II (1948), стр. 86 (А); Б. Б. Пиотровский. Город Тейшебы... ВДИ, 1948, № 4, стр. 146; УКН 330; HCI, Inc. 31.

Дата: ?

Содержание: неясно. Счетный документ?

	. . . . .
Лиц. x+1.	XII (?) : [. . . . . .]
	I a-šú . . . . . .]
	^{LÚ}E[RÈ. . . . . .]
	I šú-šú-*x*[. . . . . .]
x+5	^{LÚ}qu-[. . . . . .]
	. . . . .

[1] Фотография не публикуется.

Текст № 12 (ТК, 1898/99)[1]

Изд.: C. F. Lehmann. Bericht... Sitzb. Berl. Akad. Wiss., 1900, № 135, стр. 625; C. F. Lehmann-Haupt. Materialien... Abh. Ges. Wiss. g-ött., Phil.-Hist. Klasse, Neue Folge, IX, 3, 1907, № 36, стр. 105; УКН 286, рис. 77 a и b; HCI, 131.

Дата: правление Русы II, сер. VII в. до н. э.

Содержание: памятная запись состава персонала царского хозяйства в Русахинили (Топрах-кале) (?), составленная в год, когда сын царя Ишкугулу прибыл в Ману, а статуя бога Халди была доставлена в Русахинили из Кильба(ни).

Лиц. 1.	a-ku-ke MU ^{m}Ru-sa-a URU ^{m}Ar-giš- -t[e-ḫ]i-n[é]	Год, в который из города Русы, Аргиштиева (сына),

^{m}Šá-ga DUMU tar-a LUGAL Iš-qu-gu-ul-ḫi-e	Шага, сын старший царя ишкугульского,
ú-la-b[é] ^{KUR}Ma-na-i-di ^{m}A-ka-'a-a	пришел в Ману на Ака'и
e-si-i a-še LUGAL-né ^{d}Ḫal-di-né a-šú-me	место, когда царя Халдия поселил(и) мне (= нам?)
5. ^{m}Ru-sa-a-ḫi-na ^{KUR}Qi-il-ba-ni-ka É.BÁR-ni-i-né	в Русахинили из (находящегося) около (страны) Кильба(ни) святилища.
I ME IV ^{LÚ}ta[r](?)-da-áš-ḫi-e	104 (человека) tardašḫe,
I LIM IX ^{LÚ}ki-ri-né-e-i	1009 (людей) kirine,
PAP I LIM I ME XIII ^{LÚ}ma-re-jì	всего 1113 (людей) mari (= знатных?).
10. III LIM VII ME LX XXIV ^{LÚ}*ŠÁ.RĒŠI*^{meš}	3784 евнуха,
II LIM IV ME IX ^{LÚ}ub-še	2409 юношей,
I ME XIX ^{LÚ}NÍG.ŠID.DA-ka-i	119 (людей, находящихся) у „человека счета“,
XX XX XX (!) VIII ^{SAL}GAD-ḫi-e	68 ткачих (?),
I LIM I ME LX XXVIII ^{LÚ}UR-ZÍR	1188 псарей.
15. III ME ^{LÚ}KUR.KUR^{meš}-e	300 вооруженных свободных людей.
LX XXX ^{LÚ}UKÙ^{meš}-še	90 человек населения (?).
Об. 1. I ME XX XX XX (!) VIII ^{LÚ}e-ši-a-te É.GAL	168 *слуг* (?) дворца,
I ME VIII ^{LÚ}*ŠÁ.RĒŠI* É.GAL-i	108 евнухов дворца,
XXXV ^{LÚ}ḫal-bi-ú-né	35 (людей) ḫalbiw,
X ^{LÚ}É.TIN^{meš}-né	10 *виноделов* (?) (или *виночерпиев*?),
5. XV ^{LÚ}ṣi-pi-ka-a-né	15 (людей) ṣipika.
LII ^{LÚ}un-qa-i-ta-a-né	52 (человека) unqaita,
XV ^{m}Ú-bi-a-bi-i-ka-i	15 (находящихся) у Убиаби,
VII ^{LÚ}ANŠU.GÌR.NUN.NA	7 погонщиков мулов,
XX $^{LÚ.GIŠ}$ga(?)-ru-ur-da-a	20 (людей орудия) garurda (?),
10. X LÚ ^{KUR}B/Pu-li-ú-ḫi-e	10 людей (страны) Б/Пуливской.
PAP V LIM V ME VII LÚ^{meš}	Итого 5507 человек.

[1] Прорисовка не публикуется.

Текст № 13 (ТК, ?)[1]

Изд.: A. H. Sayce. The Cuneiform Inscriptions of Van, IV. JRAS, 1893 стр. 15; УКН 326; HCI, Inc. 11.

Дата:?

Содержание: перечень жертвоприношений. Итог не сходится?

Лиц. 1. ^{d}[. . . . . .-di]	[Для бога . . . . . .]
ma-nu *x x* [. . . . . .]	имеется . . . [. . . . .]

VII GUD II [^{GUD}ÁB(?)]	7 быков, 2 [коровы?].
KUR-né gu-né-e-i	. . . . .
5. III GUD III ^{GUD}ÁB	3 быка, 3 коровы,
V UDU.GAL	5 баранов —
PAP [X GUD V ^{GUD}ÁB] V UDU.GAL	всего [10 быков, 5 коров], 5 баранов.
^{m}*x*-ni-e-di	Для . . . . .
I (?) GUD ma-nu	1 (?) бык имеется.
10. KUR-né gu-né-e-i	. . . . .
III GUD III ^{GUD}ÁB VI UDU.GAL	3 быка, 3 коровы, 6 баранов —
PAP [IV(?)] GUD III ÁB(!) VI UDU.GAL	всего [4(?)] быка, 3 коровы, 6 баранов.
^{m}*x*-di-e-di	Для . . . . .
[V ^{GUD}]ÁB ma-nu	[5(?) к]оров имеется.
Об. 1. [KUR-né gu]-né-e-i	. . . . .
[ma-]nu [I(?)] GUD	[име]ется [1 ?] бык,
[II(?)] AM.SI^{meš} tar-di-né še-ḫe-[re(?)]	[2(?)] слона . . . . . жи[вых(?)]
V UDU.GAL	5 баранов —
5. PAP III GUD V ÁB V UDU.GAL	всего 3 быка, 5 коров, 5 баранов,
^{m}*x*-di-e-di	Для . . . . .
[III] GUD I ÁB.BABBAR ma-nu	[3] быка, 1 белая корова имеется.
KUR-né gu-né-e-i	. . . . .
II GUD II ÁB V UDU.GAL	2 быка, 2 коровы, 5 баранов —
10. PAP V GUD III ÁB V UDU.GAL	всего 5 быков, 3 коровы, 5 баранов.
PAP XIX GUD XIII ÁB XX UDU.GAL	Всего 19 быков, 13 коров, 20 баранов,
i-[. . .]-nu ^{URU}Šú-pa [. . . .]	[. . . . .] поселение Шупа [. . . .],
[. . . .] X ÁB ^{URU}[Šú]-pa VI IGI.É [2]	[. . . .] 10 коров поселения [Шу]па 6 проверено,
. . . . .] ^{URU}Šú-pa IGI.É [2]	[. . . .] поселения Шупа проверено.

[1] Из-за утраты документа текст № 13 публикуется лишь в транслитерации по изданию А. Г. Сэйса.

[2] Или U_6.

Текст № 14 (ТК, 1898/99)

Изд.: C. F. Lehmann-Haupt. Materialien ... Abh. Ges. Wiss. Gött. Phil.-Hist. Klasse, Neue Folge, IX, 3, 1907, № 37, рис. 78 a и b; УКН 327; HCI, Inc. 12.

Дата: ?

Содержание: счетная ведомость; в пяти столбцах — цифры без текста (заголовок отбит).

Текст № 15 (ТК, 1898/99)

Изд.: C. F. Lehmann-Haupt. Materialien... Abh. Ges. Wiss. Gött. Phil.-Hist. Klasse, Neue Folge, IX, 3, 1907, № 38 a и b, рис. 79 a и b.; УКН 328; HCI, Inc. 13.

Дата: ?
Содержание: неясно.

Лиц. (?) 1. ME(?) GAŠAN$_x$(?)-né [.....]
I ME XVIII [.....]
I ME V *x* [.....]
[^{L}]^{Ú}ma-ri-ḫe: a-[.....]
5. [.....] I ḫar-[.....]
.....
Об. (?) 1.[1] [.....] *x x* [.....]
[.....] *x* AN *x* [....]
[.....] -a *x* [.....]
(Конец текста?).

[1] Может быть, от другой таблетки.

Текст № 16 (ТК, 1898/99)[1]

Изд.: C. F. Lehmann-Haupt. Materialien... Abh. Ges. Wiss. Gött., Phil.-Hist. Klasse, Neue Folge, IX, 3, 1907, № 38 C, рис. 79 c, УКН 329, HCI, 14.
Дата: ?
Содержание: неясно.

Лиц. x+1. XX GIŠ(?) *x* [.....]
L(?) V da(?)-[.....]
li(?)-li(?) tar(?)-ur-[.....]
VIII ERÉN *x x x x* [.....]
x+5 [....] *x x x* [.....]

[1] Прорисовка не публикуется из-за неясности текста в издании Леманн-Хаупта.

КОММЕНТАРИИ

Текст № 1

Стк. 1—2. Имя и отчество отправителя — в эргативном падеже. Вряд ли может быть сомнение в том, что Сардури, сын Русы, этого письма — это Сардури III, сын Русы II, царь Урарту, переписывавшийся с Ашшурбанапалом в конце 40-х—начале 30-х годов VII в. до н. э. Однако в письме он не назван царем (ср. письмо № 3,1!), а на печати приведены два царских имени (Руса и Сардури),[1] оба в абсолютном падеже. Поэтому вероятно, что в момент написания письма Сардури III был еще соправителем своего отца Русы II. Так как посольство Сардури III в Ассирию, по-видимому, было связано с восшествием этого царя на престол, то дата нашего письма — конец 640-х годов до н. э.

Стк. 3. Формула отличается от формулы, употребленной в письмах №№ 2—7. Слово, выражающее объект к глаголу aruni 'дал' (3-е л. субъекта и объекта повествовательного вида), не сохранилось. По сверке Н. В. Арутюняна читать [b]a-ú-[še], по нашей — [. . .]-ru-[. . .] (по фотографии я читал [a]r-[di-še]). Ожидаемое значение слова — 'приказ' или 'указ' (в общей форме, так как имя адресата здесь, в отличие от других писем, отсутствует).

Стк. 4. Второй знак, несомненно, É, а не Ú. Идеограмма ^{LÚ}É.TIN из других систем клинописи не известна (дословно 'люди дома пьянящего напитка', предположительно 'виноделы' или 'виночерпии').[2] Люди ^{LÚ}É.TIN, по-видимому, упоминаются также в тексте № 12, об. 4, в числе дворцовых служащих. Отсутствие показателя множественного числа при гетерографическом написании обычно, к тому же здесь термин употреблен, по-видимому, коллективно (при упоминании одного лица, вероятно, было бы указано перед званием имя его носителя).

Прилагательное принадлежности на -ḫe с детерминативом собственных и племенных имен (^{m}Šá-né-e-ḫ[i-n]é) здесь не может быть отчеством (так как нет имени сына) и должно поэтому выражать племенную или родовую принадлежность. Так переводит и Н. В. Арутюнян.

Аналогия с письмами № 2, 5 и № 3, 3 показывает, что в письмах нередко за именем адресата следует имя в форме на -ne, которую следует рассматривать как отложительный падеж. Письмо № 3 показывает, что это имя лица, не являющегося ни адресатом, ни отправителем, но которого касается содержание данного приказа или послания; поэтому

---

[1] Правда, поскольку надпись на печати идет вкруговую, то можно читать и $^{m.\,d}$Sar$_5$-du-ri ^{m}Ru-sa. Однако это дела не меняет, так как ни одно из имен не стоит в родительном падеже; ср. печать в письме № 2.

[2] В аккадской и хеттской клинописи есть идеограмма ^{LÚ}TIN.NA 'корчмарь', 'виночерпий'.

отложительный падеж должен здесь передавать значение 'о', 'относительно', 'по поводу', — может быть, 'по просьбе'. Из нашего письма видно, что перевод 'от (имени)', который был бы возможен в других письмах, должен быть отвергнут, так как царский указ не может издаваться от имени каких-то „виноделов".

В других письмах в этом месте, как мы увидим, следует благопожелание, которое здесь отсутствует в связи с тем, что это письмо-приказ без указания конкретного адресата.

Стк. 5—7. Сказуемое предложения содержится в повелительном наклонении глагола bidi 'верни'; объектом к нему, очевидно, является слово É 'дом',[3] стоящее в абсолютном падеже с соотносительной частицей -ne.[4] Следовательно, содержание строк 5—6 надо рассматривать как обстоятельственное выражение. Строку 6 — II-u + e ^{LÚ}ERÈ-u + e qu-ṭu-ra-u + e (или II-di ^{LÚ}ERÈ-di qu-ṭu-ra-di) — можно понимать как серию форм в дательном или направительном падеже множественного числа.[5] Показатель выражен, как предложил понимать О. О. Карагезян, лигатурой — знаком, похожим на -di, но все же отличающимся от него. II-u + e (II-di) — числительное 'двум', ^{LÚ}ERÈ-u + e (^{LÚ}ERÈ-di) — 'рабам', а qu-ṭu-ra-u + e (qu-ṭu-ra-di) следует рассматривать как прилагательное в дательном или направительном падеже, согласуемое с ^{LÚ}ERÈ-u + e или ^{LÚ}ERÈ-di, т. е. как какое-то определение к слову 'рабы'. Под гетерограммой ^{LÚ}ERÈ скрывается форма множественного числа, не отмеченная детерминативом множественности ^{meš} (примеры подобного графического приема в урартских текстах многочисленны; ср. выше ^{LÚ}É.TIN).

Так как речь идет о держателях земли, то либо 'рабы' надо здесь понимать в смысле 'подданные', а реальная социальная категория скрывается под словом *quṭurele, либо 'раб'-*quṭure есть особая категория рабов — держателей земли; напомним, что существование такой категории рабов уже раньше постулировалось нами на основании теоретических соображений.[6]

Переходя к строке 5, мы должны в ней искать обстоятельственное выражение другого рода. Мы уже знаем сказуемое („верни"), прямой объект („дом") и косвенный объект — кому он должен быть возвращен („двум рабам-*quṭure"). Очевидно, следует ожидать, что будет указано, где этот дом находится. И действительно, в строке 5 мы находим название селения ^{URU}Qu-du-na. Окончание этого имени (-а) можно рассматривать как локативный падеж либо от основы на -а (тогда название селения — *Quduna), либо от имени собственного, образованного по типу

---

[3] В языках Древнего Востока слово 'дом' обычно имеет и более широкое значение: 'род, большая семья, хозяйство, земельный участок', также 'храм'.

[4] Н. В. Арутюнян полагает, что это -ni/e — отложительный падеж, а прямым объектом считает KI$^{tim.meš}$ 'зе́мли' в стк. 5. Сказуемое он видит в слове quṭuradi, которое он переводит 'отделил', этимологизируя его по связи с армянским индоевропейским глагольным корнем kotorel 'разбивать', ktrel 'резать, разрывать'. Все предложение он переводит 'зе́мли в городе Кудунили вместе с 2 рабами, (которые) я отделил от участка, возврати'. Однако он не учитывает, что quṭuradi, если бы это был глагол, должен был бы быть глаголом непереходным, так как -а- перед -di в глаголе может быть только показателем непереходности. Синтаксис урартского языка не разработан, но, по-видимому, нормальное место прямого объекта в урартском — перед сказуемым. К тому же, перевод 'от участка' здесь не дает, как нам кажется, удовлетворительного смысла, и более вероятно, что KI$^{tim.meš}$ 'зе́мли' стоят в локативном падеже, согласуясь с ^{URU}Qu-du-na.

[5] Впрочем, смысл не меняется и при чтении падежных показателей как -di (направительный падеж). Неясно, откуда берет Н. В. Арутюнян свой перевод 'вместе с рабами'. В своей работе он сам указывает, что из текста вытекает другой перевод (N. V. Harouthyounyan. Karmir-blouri noragyout sepagir alyousakə. Patma-banasirakan handes, 1958, № 3, стр. 209, примеч. 1).

[6] См. выше, во введении (стр. 26).

plurale tantum на -i/e-le (как Biainele 'Урарту', Armarele, Rusaḫinele и т. д.); тогда название селения — *Qudunele, как и полагает Н. В. Арутюнян. Можно предположить и третью вероятность: *Qudunele есть множественное число притяжательного прилагательного на -ine, т. е. Quduna — локативный падеж множественного числа от *Qudu(-i)ne 'принадлежащий (селению) *Qudu'. В таком случае это прилагательное согласуется с предшествующим именем существительным во множественном числе Kl$^{tim.meš}$ 'зе́мли'. Учитывая и остальные возможности, мы все же решили остановиться на последней.

Идеограмма Kl^{tim} соответствует урартскому чтению qewra 'земля'; это слово стоит здесь во множественном числе (детерминатив ^{meš}) и, очевидно, также в локативном падеже (читай qewrā Quduna 'на землях кудуйских', т. е. на землях селения Куду).

Стк. 8. К тому же предложению относится и эта строка, так как очевидно, что в строках 9—10 собственные имена We(?)dini-še и Abilianiše, стоящие в эргативном падеже, начинают новое предложение. Определить грамматическую форму имен собственных Ḫuka-i и Qutubile-i не представляет труда: это, очевидно, формы родительного падежа,[7] выражающие принадлежность упомянутого выше „дома"(É). Надо полагать, что это и есть имена тех двух „рабов-quṭurele", о которых идет речь и которым следует отдать „дом", или — точнее — вероятно, „надел", „участок".

Возможно, этот надел был выделен на двух „рабов-quṭurele" в о о б щ е, а Сардури отдает приказ передать его данным конкретным лицам, у которых он был, по всей вероятности, незаконно отобран администрацией. Такие царские распоряжения о возвращении незаконно отобранных наделов держателям царской земли хорошо известны из переписки Хаммураби.[8]

Стк. 9—12. Чиновники Ведини (или Дидини) и Абилиани,[9] имена которых стоят в эргативном падеже, являются, очевидно, действующими лицами следующего предложения. Сказуемым же является глагол 'ald- в 12 строке. Глагол этот хорошо известен из надписей; встречается он

---

[7] В дательном падеже ожидались бы формы *^{m}Ḫu-ka-a и *^{m}Qu-tú-bi-li-e или *^{m}Qu-tú-bi-le-i-e.

[8] F. Thureau-Dangin. La correspondence de Hammurapi avec Šamaš-ḫāṣir. RAss, XXI, 1924, стр. 1 и сл.; ср. также переписку Хаммураби с Синидиннамом и переписку царей Мари.

[9] Н. В. Арутюнян (N. V. Harouthyounyan. Karmir-blouri noragyout sepagir alyousakə. Patma-banasirakan handes (Ист.-филолог. журнал, 1958, № 3, стр. 210—211)) читает ^{m}Di-di-i-ni-še и ^{m}A-bi-li-a-ni-še, отмечая, что оба носят этнонимические имена. Но если принять такое чтение, то все же нельзя отсюда заключить, что перед нами лица, обозначенные лишь по их племенной принадлежности. Этому противоречило бы то, что указаны звания обоих, причем второй из них носит, очевидно, высокое звание „держателя печати", ^{LÚ}NA$_4$.[DIB], а это, — как видно из писем № 2, 3, № 4, 3, и № 6, 3, где „держатель печати", ^{LÚ}NA$_4$.DIB, является адресатом, — по-видимому, был управляющий царским хозяйством в Тейшебаини. Трудно представить себе, чтобы столь высокопоставленные лица (а Be(?)дини занимал еще более высокое положение, так как упомянут раньше Абилиани) не были бы названы по имени собственному. Собственные же имена, даваемые по этнонимам, были довольно распространены на Древнем Востоке, особенно для рабов, но иногда даже в царских семьях. При чтении „Ведини" это имя, может быть, связывается с именем Wedib/pri и со словом wedia- 'женщина'? Титулы этих двух чиновников Н. В. Арутюнян предлагает читать ^{LÚ}B[I.LUL(?)] и ^{LÚ}ZÁ.[DÍM.MA] и переводит 'чиновник' и 'резчик по камню'. В первом случае Н. В. Арутюнян имеет в виду известный ассирийский титул ^{LÚ}BI.LUL = šaqû 'виночерпий', а также ^{LÚ}GAL.BI.LUL='rab šaqê 'начальник виночерпиев' — один из самых высоких чинов ассирийской военной и гражданской администрации (C. H. W. Johns. Assyrian Deeds and Documents, II. Cambridge, 1901, стр. 71—72). Однако нет уверенности в том, что первый знак этого титула действительно BI. Кроме того, следует учесть, что большинство названий чинов и должно-

и в Топузавинской билингве (УКН 264, ур. 3, 70 = асс. 3, 19; HCI 122), где 1-е лицо 'aldube, по-видимому, переведено в ассирийской версии как [a]l-ti-'i-šú.

Топузавинская надпись составлена на новоассирийском диалекте, где форма с инфиксом -t- от глагола še'û должна была бы звучать *asi'īšu. Следует отметить, что правило перехода št > s было вполне действительно для ассирийского языка VIII—VII вв.,[10] а в IX в. еще встречаются и случаи более старого перехода št > lt.[11] Надпись относится, правда, к концу VIII в. — упоминаемый в ней Урзана был современником Саргона II (722—705 гг. до н. э.), а царь Руса, также упоминаемый в ней, — несмотря на сомнения Ф. В. Кенига,[12] очевидно, Руса II (ум. в 714/3 г. до н. э.). Однако в Урарту могли сохраняться более архаичные формы ассирийского диалекта, принятого здесь для письменного употребления по крайней мере с середины IX в.[13]

С другой стороны, форму [a]l-ti-'i-šú можно произвести и от глагола le'û. Если še'û означает 'искать, взыскивать (милостью)', то le'û значит 'быть сильным, мочь, одолевать, побеждать'. Соответственно все исследователи колеблются и в переводе глагола 'ald-. Из последних издателей урартских надписей Г. А. Меликишвили высказывается за še'û, Ф. В. Кениг — за le'û. При этом Г. А. Меликишвили придает глаголу 'ald- значение 'позаботиться, облагодетельствовать, беречь, щадить', а Ф. В. Кениг — 'принуждать' (zwingen).

За пределами Топузавинской билингвы все случаи употребления глагола 'ald- в надписях сводятся к двум типам:

1) „Пришел N., царь M., обнял мои ноги, пал ниц; я .....,[14] я 'aldube (его) под дань (или, по Г. А. Меликишвили, „под условием дани"), и он дал такую то дань" (вариант: „чтобы он приносил дань"; так, см. тексты УКН: 30, 13—14; 41,в, 1; 128 B I, 18; 155 A, 16—18; 155 F, 20; 156 B I, 31; в тексте 155 C. 36—39, после silwadi makuri

---

стей в урартской письменности, как показывают публикуемые документы, не совпадало с ассирийскими. Предложенное Н. В. Арутюняном чтение второго звания несомненно неправильно, как показывает сверка с другими письмами, где титул $^{LÚ}NA_4$.DIB встречается неоднократно.

[10] W. v. Soden. Grundriss der akkadischen Grammatik. Roma, 1952, §§ 30, h, 34, d; S. Ylvisaker. Zur babylonischen und assyrischen Grammatik. Leipzig, 1912, стр. 8—10 и 51.

[11] E. A. W. Budge and L. W. King. Annals of the Kings of Assyria, I. London, 1902: в Анналах Ашшурнацирапала, написанных, кроме введения, на ассирийском диалекте, встречаются как формы lt, št > s(s), например a-si-bi < altewī (I, 82), še-su < še'iltu (I, 49), так и формы št > lt, например al-ṭur < ašṭur (I, 69), lu-bul-ti < lubušti (I, 79), и др.

[12] HCI, II, стр. 144, примеч. 2.

[13] Так, в надписи Сардури I (УКН 1—3; HCI 1) встречаем характерные формы ассирийского диалекта: $^{m.d}Sar_5$-dūr apal ^{m}Lu-ti-ib/p-ri šarri rabê^{e} (вав. диал.: *šarru rabû^{ū}); la-di-ru tú-qu-un-te (вав. диал.: *lā a-di-ir tu-qu-un-ti); lā kan-su-te-šú (вав. диал.: *lā kan-šu-ti-šú); ma-da-tú (вав. диал.: *man-da-at-tú); idubub^{ub} ma-a (вав. диал.: *iqabbi^{bi} um-ma); na-ṣa-ku (вав. диал.: *na-šá-ku, или лучше *it-ta-ši); dūru an-ni-ú ar-ti-ṣip (вав. диал.: *dūru annû ar-ta-ṣip).

[14] Silwadi makuri. Makuri (по Г. А. Меликишвили — 'милостию?') — пермансивная форма непереходного глагола mak-, от которого спрягаемая форма известна только в переходном варианте (mak-ul- 'стрелять, бросать': УКН 277, 3); отсюда непереходный вариант должен означать что-либо вроде 'быть брошенным, оставленным'; предполагаем для makuri значение 'оставленный (в живых), помилованный', 'помиловав'. Silwadi — 1-е лицо непереходного глагола silw-, для объяснения которого имеется всего один-единственный контекст (УКН 128, A2, 11): ḫa-a-ú-bi ^{URU}Qe-ḫu-né KUR si-lu-ni-né ṣu-i(?)-ni-a bé-de-e 'я захватил кехусскую область (область г. Кеху), ... с озерной стороны (?)'. Контекст слишком темен и связь silu-ni/e-ni/e с silwadi недостаточно бесспорна, чтобы на основании этого места разъяснить значение глагола silw-. Условно можно перевести 'проявить благосклонность' или как-нибудь в этом роде.

прибавлено „я вернул на место"). Во всех этих случаях Г. А. Меликишвили переводит 'aldube как 'пощадил', Ф. В. Кениг — как 'принудил'.

2) В описании маршрута похода нередко говорится: andani/e (страну) М. 'aldube. Г. А. Меликишвили переводит здесь 'область (?) М. я пощадил'. Н. В. Арутюнян — 'затем (?) страну М. я подчинил', Ф. В. Кениг — 'Zur Versorgungsleistung zwang ich das Land M.'. Сюда же Г. А. Меликишвили относит и контекст УКН 60, 9—13, где речь идет о „Канале Минуи" и где выражение URUU-qu-'a-a-né a-da-né 'a-la-du-ni он переводит 'облагодетельствовал (?) он (т. е. канал) область (=andani) города Укуа(ни)' (лучше 'уку'айскую область (?) он ....л', — далее следует „зугуйскую, ирнунийскую, абасийскую"). Ф. В. Кениг переводит здесь ada-ne 'alad-u-ni как 'доставляет прибавления (воды)' (leistet Zubusse).[15]

В Топузавинский билингве глагол 'ald- встречается дважды, но в первом случае (строки 1—3) контекст безнадежно испорчен; чтение, предлагаемое М. Церетели[16] и Г. А. Меликишвили,[17] не внушает доверия, и тем более ненадежны здесь восстановления лакун. Но и во втором случае имеются большие расхождения среди исследователей. Так, К. Ф. Леманн-Хаупт читает в урартском тексте: mUr-za-na-ni [...] URUArdi-ni-i pa-ru-ú-bi a-ú-du-i-[*x x x*][18] 'a-al-du-bi te-ru-ú-bi ma-a-ni-ni e-si[-i?] *x*-na-ni;[19] в таком чтении (которому следует также Ф. В. Кениг) извлечь смысл из этого отрывка трудно — в нем ясно только Urzana-ne 'Урзана' (в абсолютном падеже), Ardine 'Мусасир', parube 'я увел' и terube mani-ne esi [LÚA]D-ne(?) 'поставил (на) его собственное место отцовское (?)'.

Однако М. Церетели (за которым в основном следует Г. А. Меликишвили) дает другое чтение этому месту: mUr-za-na-i [..... i-nu-]ka-ni e-di-ni pa-ru-ú-bi [.....] 'a-al-du-bi te-ru-ú-bi ma-a-ni-ni e-si[-ni LUGÁL]-tú-ḫi-ni 'Урзаны [..... пос]ле этого я увел его, [.....], 'aldube, поставил (его) (на?) его место [цар]ское'. К сожалению, на чем основано уточнение чтения у М. Церетели — недостаточно ясно.

Ассирийская версия переводит этот отрывок: mUr-za-na-a qāti^ti (?) iṣbat[20] [a]l-ti-'i-šú ina maš-ka-ni-šú-ma(!)[21] ana šarru-ti aštakan^an[22] 'Урзана руку мою взял, я alti'īšu, и на его же место на царство поставил (его)'.

Все это не дает достаточного основания для выбора между отождествлением 'ald- = še'û 'искать, взыскивать' и 'ald- = le'û 'одолевать, побеждать, подчинять'. К тому же само чтение слова [a]l-ti-'i-šú не может считаться надежным.

В нашем случае предлагаемое Г. А. Меликишвили значение 'щадить', 'благоденствовать', конечно, не подойдет, поскольку речь идет о puluse — стеле, в данном случае, вероятно, „межевом камне". (Слово pulusi-ne стоит либо в абсолютном падеже с соотносительной частицей, выражая прямой объект к глаголу 'ald-, либо в отложительном падеже со значением 'о стеле').

Можно одинаково предположить здесь как значение 'заботиться' или 'разыскивать', а в остальных контекстах — 'взыскивать (милостью?)', ср. асс. še'û 'искать', так и значение 'принудить, подчинить, распоря-

---

15 HCl, II, s. v. adani.

16 M. Tseretheli. Études ourartéens. RAss, XLIV, 1950, № 4, стр. 185—192; XLVII, 1951, № 1, стр. 3—20.

17 УКН 264, 3.

18 Ф. В. Кениг здесь читает: an?-da?-ni?

19 Ф. В. Кениг здесь читает: [LÚA]D-ni.

20 М. Церетели: qātē^dual aṣbat^at [.....]. К. Ф. Леманн-Хаупт: ina qa-ti aṣbat.

21 К. Ф. Леманн-Хаупт: la, явно ошибочно; М. Церетели: EN(?), что не дает смысла.

22 М. Церетели: aštakan^an-šú.

диться (кем или чем-либо)', ср. акк. le'û. Возможно также, что следует искать какого-то совсем иного значения. Ср. также употребление этого же глагола в письме № 7, 6 ('a-al-du-lu-le).

Можно ли приписать здесь глаголу оптативное значение? Письма обычно оканчиваются приказанием; но здесь форма глагола — не оптативная (она звучала бы *'aldulitini),[23] а обычная повествовательная. Это склоняет нас скорее к переводу 'разыскали' ('ald- = še'û) или 'распорядились' ('ald- = le'û), чем 'пусть позаботятся'. В лакуне восполняем [-ni].

Печать. См. выше, примеч. к стк. 1.

Текст № 2

Стк. 1—2. Обычное для большинства писем обращение по типу: N.-še bauše šiuni, tie M.-edi 'N. слово послал: скажи M-у'. Императив tie 'скажи' относится к писцу, который будет читать письмо. Ср. введение, где указано, что тип обращения урартских писем перекликается с типом, характерным в других странах для II тысячелетия до н. э.

Имя отправителя полностью не сохранилось, но сверка с подлинником не оставила сомнений в том, что первый знак — Zu-.

Стк. 3—4. Следуют имена двух адресатов письма; хотя имена эти полностью не сохранились, можно быть уверенным на основании аналогии с другими письмами, что оба стояли в направительном падеже на -edi. Первый из адресатов носит звание, выраженное идеограммой ^{LÚ}NA$_4$.DIB 'держатель печати'; в других языках, пользовавшихся клинописью, эта идеограмма не известна. Второй носит звание ^{LÚ}NÍG.ŠID 'человек счета'. Очевидно, „держатель печати" старше по званию, чем „человек счета", а так как ему адресуются письма, касающиеся самых разных вопросов, связанных с дворцовым хозяйством и дворцовым персоналом (см. ниже), то можно предполагать, что „держатель печати" — это управляющий дворцовым хозяйством Тейшебаини.

По поводу имени в стк. 4 ср. ниже примечание к № 3, 2.

Стк. 5. После имени адресата (или адресатов), оформленного направительным падежом -edi, в нашем письме и ряде других следует имя лица, оформленное отложительным падежом (см. примечания к письмам № 1, 4 и № 3, 3; из первого письма видно, что аблатив -ne может здесь означать только 'о', 'относительно', 'по поводу', может быть 'по просьбе', но не 'от (имени)'). Данное лицо здесь названо по имени и отчеству; в древневосточных языках это характерно для наименования полноправных общинников-граждан, но не членов царского персонала, которые обычно называются только по имени и должности. Это соответствует и содержанию письма, в котором идет речь о действиях „города", т. е. властей гражданского самоуправления, во главе которого, быть может, и стоял Хануни[...]. В самом деле, в начале письма говорится, что оно написано „относительно" Хануни[...], а ниже это лицо не упоминается, зато упоминаются действия „города", — может быть, потому именно, что городские власти и были представлены Хануни[...]. Под „городом", видимо, подразумевается город, куда адресовано письмо, т. е. Тейшебаини.

---

[23] См.: I. M. Diakonoff. A Comparative Survey of the Hurrian and Urartean languages. Paper for the XXIV International Congress of Orientalists, Moscow, 1957, стр. 6 и сл. (В дальнейшем: A Comparative Survey). Все данные этой работы здесь и ниже теперь подробнее развиты в ст.: И. М. Дьяконов. Сравнительно-грамматический очерк хурритского и урартского языков. Переднеазиатский сборник. М., 1961.

Стк. 6. Данное предложение без изменений повторяется в письмах № 3, 4, № 4, 5, № 7, 4, всякий раз завершая собой „заголовочную часть“ письма. Судя по аналогии с другими древневосточными письмами, здесь следует ожидать обычной формулы благопожелания (примеры таких благопожеланий см. во введении).

Судя по словоразделам в письмах № 3, 4 и № 7, 4, фраза делится на три элемента: zanedabe TI DINGIR gune. Zanedabe, очевидно, непереходный глагол 3-го лица единственного числа несовершенного вида (будущего времени):[24] zan-ed-a-be. Значение основы zan- не известно (ср. za-na-ni-né, — УКН 96, 5).

В знаках TI DINGIR (или TI.AN) трудно видеть некое урартское слово *tian: окончание слова на согласный встречается в урартском крайне редко и только как вариантное написание,[25] да и грамматическую форму такого слова было бы трудно объяснить. Поэтому кажется более вероятным видеть здесь две гетерограммы: TI 'жизнь', 'живой' (в последнем смысле зарегистрирована в надписях неоднократно и в этих случаях соответствует урартскому чтению šeḫere) и DINGIR 'бог' (урартское чтение *ini/u; в данном случае, возможно, *ini/u-ne).[26]

Основа gu- и слово gu-né встречаются в надписях неоднократно, но до сих пор не объяснены. Однако для этого слова может быть предложено значение 'правый; правильный, истинный' (как подтвердительная частица: 'действительно, поистине'), может быть также 'обычный, регулярный'. Это значение, по-видимому, подходит во всех достаточно ясных контекстах:

gu-di GÙB-di (УКН 96, 3) 'направо (и) налево' или 'справа и слева' (дословно 'к правому (и) к левому');

e-'i i-nu-s[i ṣ]u-i-né-i e-si gu-né qu-ul-di-[né šú-]le ma-nu (УКН 268, 14) 'и тако[е о]зерное место поистине заброшенн[ым (и) бе]сплодным было' (ср. многочисленные случаи употребления этой формулы без слова gune);

[i]-ku-ka-ḫi-né KI^{tim} a-le qu-ul-di-[né ma-]nu ^{KUR}Bi-a-i-na ŠE.BAL-te e-['']i [E].PAP^{meš}-še gu-né šú-le ma-nu (УКН 268, 8) 'на этой земле, которая заброшенн[ой бы]ла, в Биаинили (в отношении) злаков (?) и арыков (?) поистине бесплодной была...';

...] gu-né te-ru-bé z/ṣa-du-bé É (УКН 170, 4) '... воистину установил, построил храм (?)';

^{m}Iš-pu-ú-i-ni-še $^{m.d}$Sar$_5$-du-ri-ḫi-ni-še a-le ^{m}Mì-nu-a-še ^{m}Iš-pu-ú-i-ni-ḫi-ni-še [a-le] ^{d}Ḫal-di-né be-de GAR-ni qa-ab-qa-ri-le-né e-'i DINGIR^{meš} UNKEN^{meš} III GUD XXX UDU ú-i [...]-šú la-ku-ni a-lu-ké ar-di-né ḫu-ru-la-i-[ši-le] gu-le ti-šú-ul-du-li-ni (УКН 27, 25—26, ср. стк. 84) 'Ишпувини, Сардуриев (сын), вот что (говорит), Минуа, Ишпувиниев (сын), [вот что (говорит)]: со стороны Халдия установлено, (а) свидетельствующими (были)[27] также боги все: 3 быка (и) 30 овец не...; (тот, кто) повредил (бы) какой-либо дар (и) регулярные ḫurulaišile,[28] — да будет tiš(-ul)-!'.

---

[24] О суффиксе -ed- в урартском см.: A Comparative Survey, стр. 5; в хуррит-ском: ItH, § 182.

[25] E-din, УКН 155 B, 58; 155 D, 53 — два случая против 33 случаев написания e-di-né и одного (УКН, 127, I, 1) — e-di-né-e; следует учитывать, что это служебное слово. Известны также единичные случаи окончания эргативного падежа на -š вместо -še.

[26] Мотивировку этого чтения мы дадим в другом месте. Ср. хурритское eni 'бог'.

[27] Вероятно, множественное число активного причастия на -i (с соотносительной частицей -né) от глагола qabqar- 'окружать' (в надписях 'осаждать': УКН 30, 10; 34, 3 (так!); 127, IV, 80, VI, 17; 155 E, 52; 158, 22). Переход значения — как в акк. lawû, lamû, ср. в Нузу mušelwû.

[28] Множественное число от имени обобщающего на -še, образованного от глагольного герундивного прилагательного на -ae от глагола ḫur(-ul)-. Речь идет о постоян-

Слово gune встречается еще дважды в разрушенном контексте (УКН 32, 5; 300, 3).

В тексте № 13 (ниже) группы скота делятся на предназначенные для определенного лица или лиц (стк. 8, 13, об. 6) и на скот KUR-ni/e gu-né-e-i, где gunei (*guneji), может быть, родительный падеж; ср. комментарий к № 13 и ср. ассиро-вавилонский жертвенный налог ginû из шум. gi-na 'правильный, регулярный, истинный'.

В нашей формуле благопожелания нам кажется предпочтительным видеть в gu-né подтвердительную частицу. Общий перевод формулы: 'Будет ..... жизнь (твоя) богу[29] воистину', может быть — 'Будет *любезна* (??) жизнь (твоя) богу воистину', или что-либо в этом роде.

Стк. 7 содержит начало перечисления объектов к глаголу siditube в следующей строке. Ясно читается только I ANŠU.KUR.RA '1 лошадь' в начале строки и ERÉN-a-di в конце строки. Идеограмма ^{LÚ}ERÉN^{meš} (шум. 'воин, работник; отряд воинов или работников') противопоставляется в надписях 'юношам' (УКН 127, I, 13) или PIT.ḪAL.LU^{meš} 'конникам' (УКН 21, 14) или же обозначает понятие, включающее как 'конников', так и 'пехотинцев' (^{LÚ}ERÉN.GÌR.II^{meš}, — УКН 155 G, 4), поэтому значение 'воин' не внушает сомнений. Г. А. Меликишвили, на основании предложенного мной ранее чтения ^{LÚ}ERÉN-a-di в нашем письме, склонен предложить раскрытие ERÉN как ḫuradi (УКН, стр. 385; обычно как ḫuradi- читается гетерограмма ^{LÚ}A.SI). Однако 'воины' в абсолютном падеже, в перечислении между '1 лошадью' и '6 волами' кажутся здесь не на месте. Мы были бы склонны видеть здесь направительный падеж множественного числа (*ḫuradadi, если полагать, что ERÉN читается *ḫuradi). Знак, стоящий перед ERÉN, неясен; при сверке с подлинником он показался мне скорее остатком знака ÁŠ (ZÍZ) 'эммер, полба', чем знака LÚ, однако у меня в этом нет полной уверенности. Если правильно чтение ZÍZ, то переводить надо '1 лошадь [(с грузом) такого-то количества эмме]ра для воинов'. Следует заметить, что археологически эммер у урартов не засвидетельствован.

Стк. 8 дает продолжение перечисления: '6 волов', затем неясное слово ul-da[30] и переходный глагол sid- в 1-м лице субъекта с показателем -(i)t-, о котором см. примечания к письму № 7. Этот глагол из других текстов не известен.

Стк. 9 содержит неясное слово e-li-a-'i/a, а затем глагол uštube 'я отправил'. Для e-li-a-'i/a напрашивается перевод каким-либо таким словом (союзом?, наречием?, — например, 'затем'), которое соединяло бы оба глагола, так как кажется вероятным, что оба глагола, siditube и uštube, имеют один и тот же объект, а именно '1 лошадь... для воинов (и) 6 волов'. И по форме слово e-li-a-'i/a не похоже ни на имя,

---

ных жертвоприношениях богам, нормы которых были установлены царями Ишпувини и Минуа.

[29] Возможно, также 'живой бог', '(как) жив бог'.

[30] Это можно было бы читать и ul-ṭa, понимая как локатив множественного числа от ulṭu 'верблюд' ('на верблюдах'), но вряд ли это подходит к контексту. Лучше, но тоже не вполне убедительно (ввиду отсутствия детерминатива дерева ^{GIŠ}) понимание ul-da как локатива множественного числа от uldi 'виноградник' ('в виноградниках'). Тогда siditube было бы что-нибудь вроде 'оставил'. Впрочем, представляется вероятным, что форма глагола с показателем -(i)t-, -(a)t- означает настоящее или будущее время, — см. ниже, примечания к письму № 7.

ни на глагол. Чтение последнего знака, конечно, сомнительно — знак 𒀀𒄩𒁹 может передавать слог с любым гласным.

Стк. 10. Как обычно в урартском, в начале, а не перед отрицаемым глаголом, стоит отрицание ú-i 'не',[31] затем подлежащее в эргативном падеже URU-ri-še, читай patari-še, и наконец глагол ši- 'посылать' в 3-м лице субъекта и объекта повествовательной формы: 'город (все вышеперечисленное) не послал (дальше)'.

Г. А. Меликишвили делит предложение иначе, читая uštubi ui patariše 'я преподнес, (а) не город', однако синтаксически нам такое понимание не кажется убедительным. При подчеркивании первого лица ожидалось бы наличие местоимения ješe 'я (сам)', '(именно) я'.

Стк. 11. ur-bi-né-e-di анализируется как направительный падеж (-edi) от прилагательного urb-ine, в свою очередь, возможно, образованного от urbu 'заклание', также 'жертва'. Ср. УКН 27, 4: ur-bu-ú-e 'в (?) жертву' (дательный падеж); УКН 96, 1: ^{d}Ḫal-di-i-e ur-bu-a-ṣe z/ṣa-du-še 'Халди(ю) в жертву мы сделали (т. е. принесли)'; ср. также глагол urb-, идеограмма TAG 'закалывать' и хурр. urb-ar-inne 'мясник', 'резник'. Следовательно, urb-ine, образованное в точности аналогично хурритскому urb-ar-inne, если не считать дополнительного словообразующего суффикса -ar-, означает 'то или тот ,что относится к зарезыванию или жертве'. При передаче выражения ur-bi-né-e-di можно колебаться между переводом 'к мяснику' и переводом 'на жертвенное (мясо)'. Учитывая отсутствие детерминатива профессии ^{LÚ} при слове urbine, мы выбрали второй перевод.

Следует союз e-'i,[32] но на какие еще цели горожане использовали груз (вероятно, зерно, — волы пошли на мясо?), остается неизвестным, так как в конце стк. 11 — лакуна.

Стк. 12. Тщательная сверка этой строки показала, что в ней читается глагол su-l[u]-uš-[t]ú-ú-[ni(?)]. Глагол sul- известен в непереходной форме, в которой он значит 'склоняться, падать ниц' (УКН 36, 14; 155 C, 38; 155 E, 53; 155 F, 20; 156 B I, 30; 158, 23). В переходной форме значение должно быть каузативным: 'положить' — предполагаем здесь переносное значение 'предназначить'.

Дальнейший текст письма не сохранился.

Печать. Текст читается очень плохо. Первоначально Г. А. Меликишвили и я читали (по фотографии) (1) [.....] (2) KIŠIB ^{LÚ}a-[....]-da-i. Но при сверке с оригиналом я этого прочесть не мог. Верхняя строка (над изображением) не читается совершенно, и даже нет полной уверенности в том, что здесь был текст; нижнюю же строку я читаю KIŠIB [^{m}·]^{d}Sa[r_5]-d[u-r]i [^{m}Ru-sa]-a-ḫé, причем при прокате печати по глине KIŠIB оттиснулось вторично справа, а первый его оттиск стерся. То, что первоначально читалось нами как первое KIŠIB, не по-

---

31 УКН 264, 26—27: ú-i gu-nu-ú-[ši-e de]-ra si-ja-bé 'силы (?) битвы он не боялся', акк. li-tú ummāni^{meš} la a-d[i]-r[u] 'силы войска я не бо[ял]ся'; ср. УКН 276, об. 35—36: [ú]-i gu-ú-[nu-]ú-[ši-e] de-e-ra si-ja-b[é]. (Может быть, как одно слово следует читать в УКН 27, 29 и 127, VI, 13 ú-i-al-di-né-i-e, а в УКН 36, 21 ú-i-ú-ni). То, что сказано относительно синтаксического места ui, верно и в отношении места отрицания mì-i; mì-i jè-e-i i-na-né ar-ni-ú-ši-na-né la-ku-ja-ni 'пусть ничего от этих творений не отнимет' (УКН 169, 5—7); mì-i i-na-i-né mì-i na-ra-a a-ú-i-e ú-lu-le 'пусть (ни) божественное (существо, ни) человек никуда (его) не унесут' (УКН 169, 27—28 и passim), и мн. др.

32 Чтение e-'i (а не *e-'a) основано на написании e-a-i в Звартноцской надписи (УКН 281, 40—41) и на стяженной форме eiartume < e'i ar-(i)to-me 'и также дали мне' в надписи УКН 276, 11. Метатеза eai > eia, предполагаемая Г. А. Меликишвили (УКН, стр. 78), кажется нам маловероятной.

хоже на оттиск этого знака справа и не соответствует месту, где должен был бы повториться оттиск, и кажется мне теперь скорее лигатурой ^{d}Sar$_5$; вместо ^{LÚ}a- я читаю -d[u-r]i; знака da я не вижу; конец знака 'a' и в особенности знак, похожий на zag, но который, очевидно, надо читать -ḫé(!), видны довольно отчетливо.

Если мое чтение верно, то мы имеем дело с печатью Сардури III, сына Русы II, времени его самостоятельного правления, т. е. 30-х годов VII в. до н. э. В первой строке письма прочесть царское имя нельзя. Очевидно, отправитель письма был высокопоставленным лицом, пользовавшимся царской печатью, или же в верхней строке печати было имя чиновника.

Текст № 3

Стк 1. Вместо обычной первой части формулы обращения N.-še bauše šiuni 'N. слово послал' мы встречаем здесь LUGAL-še: a-le:

Слово LUGAL (чит. erele) 'царь' стоит в эргативном падеже, как обычно в урартском перед словом ale. Последнее, однако, не укладывается в известные нам глагольные парадигмы и, по-видимому, не является глаголом. Возможно, здесь, как и в аналогичных случаях из надписей, перед нами хорошо известное местоимение ale со значением 'вот что', 'вот какой' и т. п.,[33] соответствующее аккадской местоименно-указательной частице ummā, также вводящей прямую речь. Выражение N.-še ale следует рассматривать как эллиптическое: 'Вот что N. (сказал)' (*N.-še ale tiuni). Во всяком случае, эргативный падеж указывает на то, что подразумевается переходный глагол. Объектом его является прямая речь. Ср. аналогичную конструкцию в шумерском и аккадском языках.

Стк. 2. Имя адресата, как и в письмах № 4, 3; № 6, 3; № 7, 3; № 2, 3—4 (?), оформлено направительным падежом. Имя, стоящее в этом падеже, сравнительно недавно возникшем из самостоятельного послелога,[34] как известно, может не согласовываться с прилагательным или приложением.[35] Так ли обстоит дело здесь, сказать трудно, так как звание адресата (грамматическое приложение) выражено гетерограммой, — в этих случаях графическое обозначение падежа не обязательно. В письмах № 4, 3; № 6, 3; № 7, 3 как имя адресата, так и его звание оформлены направительным падежом.

Идеограмма ERÈ 'раб', как известно,[36] читается b/pura, поэтому имя адресата надо читать Ḫaldipura, — точнее, может быть, Ḫalde(ji)-pura '(бога) Халди(я) раб'. Оно относится к обычному на Древнем Востоке

---

[33] Местоимение ale имеет не только чисто относительное (подчинительное) значение, ср. например: ^{d}Ḫal-di-a iš-ti-né-e a-le *AMĒLU.TÚ*-ḫe iš-ti-né z/ṣa-du-l[e] 1890 ub-še na-ḫu-bi 3496 LÚ.TI$^{me[š]}$ 6608 (?) ^{LÚ}ú-e-di-a-né pa-ru-ú-b[é] 'для Халди(я) там вот какой полон я сделал (т. е. захватил): 1890 юношей угнал, 3496 человек живьем (и) 6608 (?) женщин увел' (УКН 155 C, 11—13); ср. УКН 155 C, 41 сл.: ^{d}Ḫal-di-a iš-ti-né-e i-na-né *AMĒLU.TÚ*-ḫe iš-ti-né z/ṣa-du-bé.

[34] В составных формах edi-ne и edi-a он и в урартском является самостоятельным послелогом, причем edi-a (с родительным падежом) имеет то же значение, что -edi: [uš-ta-di] ^{KUR}Ú-bur-da-ú-e e-di-i-a (УКН 127 II, 40) 'Я направился на Убурдели'; в хурритском edi 'ради' не входит в падежную систему. См.: ItH, § 128.

[35] Ср.: ḫu-ti-a-di ^{d}Ḫal-di-e-di EN-di 'я обратился к Халди(ю), владыке' (passim), но uš-ta-a-di ^{KUR}Ú-e-li-ku-ḫi-ni-né-e ^{KUR}e-ba-ni-i-e-di 'я направился на Великуйскую страну' (УКН 156 D I + D II, 22—24).

[36] ERÈ áš-tú-bé 'превратил в раба' (УКН 265) при b/pu-ra áš-[tú-bé] (УКН 128 B 1, 39) и ^{LÚ}b/pu-ra áš-tú-bé (УКН 155 A, 17; 155 F, 20; ср. 266, 3); ^{LÚ}b/pu-ra-a

типу ономастики. Звание его — „человек денег“ (^{LÚ}KUG^{meš}, обратить внимание на детерминатив множественного числа после идеограммы KUG ‘серебро, деньги’). Это звание, насколько мне известно, в других древневосточных языках, пользовавшихся клинописью, не засвидетельствовано. Другое письмо подобного содержания адресовано „человеку счета“, ^{LÚ}NÍG.ŠID (№ 2, 4), упомянутому вместе с обычным адресатом писем хозяйственного содержания — „держателем печати“, ^{LÚ}NA$_4$.DIB. Этот „человек счета“ носит имя $^{m.d}$Ḫa[l-.....]; поэтому не исключено, что „человек счета“ и „человек денег“ — одно лицо; тогда в № 2, 4, нужно было бы восстановить также $^{m.d}$Ḫa[l-di-ERÈ-di]. Даты обоих писем, по-видимому, близки.

Стк. 3. Следующее имя стоит в инструментально-отложительном падеже -ne (ср. № 1, 4), который здесь передает содержание русского ‘о’, ‘относительно’, ‘по поводу’ или, может быть, ‘по просьбе’. В самом деле, Aluane не может быть адресатом письма — иначе его имя, как и имя Ḫaldipura, стояло бы в направительном падеже; в дальнейшем (стк. 10) о нем говорится в третьем лице; следовательно, он здесь упомянут как лицо, о котором идет речь в настоящем письме. Имя Aluane не может быть и подлежащим (в абсолютном падеже с соотносительной частицей -né) того благопожелания, которое содержится в стк. 4: на это указывает аналогия с другими письмами, особенно с письмом № 4, 4—5, из которого видно, что предшествующее этой формуле имя может стоять в разных падежах и с нею не связано. Ср. примечание к № 1, 4 и № 2, 5.

Звание Алуани — ^{LÚ}MU^{meš} (с лишним[37] показателем множественного числа) представляет распространенную во всех видах клинописи идеограмму, которая по-шумерски в данном случае имеет чтение MUḪALDIM. Значение — ‘повар, пекарь’.

Стк. 4. См. примечание к письму № 2, 6.

Стк. 5. Слово sela (с детерминативом женщины) — термин родства, встречающийся еще в надписи УКН 111 (в родительном падеже: ^{m}Mí-nu-a-ì-né-e-i ^{f}se-la-a(-i)-e Ta-ri-ri-a-i i-né ^{GIŠ}ul-de ‘Минуиной дочери (?) Таририи этот виноградник’). Это слово, по-видимому, соответствует хурр. šala ‘дочь’. Значение это прекрасно подходит к нашему контексту.

Šusi/e до сих пор известно с суффиксом (или энклитикой) -(i)ne в выражениях šusi-ne šale ‘(за) š. год’ (УКН 127, 128, 155 passim; 266, 13); ^{LÚ}ú-e-li šú-si-né-e ‘(с) š. отрядом’ (УКН 155 F, 16); šú-si-né UD^{ME} (УКН 155 C, 26), šú-si-né UD^{ME}-né (УКН 156 D I + D II, 26; 158, 16) ‘(за, в) š. день (время)’; i-e-še i-né-le e-ba-né-le šú-si-né-e uš-ti-ip-ti-né á[š]-gu-ú-le (УКН 266, 2—3) ‘я эти страны (за?) š. поход (?) захватил их’.

В Топузавинской билингве (УКН 264, 27—29) встречаем еще: a-ru-me-e ^{d}Ḫal-di-i-[še za-]še-e ar-di-še pi-ṣu-ú-še šú-si-na MU^{meš}[^{KUR}B]i-a-i-né-le nu-ul-du-ú-le ^{KUR}lu-lu-i-né-l[e z]e-el-du-bé ‘дал мне Халди [сил]у, власть (дословно: ‘приказ’), радость; в š. годы Биаинили я пас (?), вра-

---

á[š-tú-bé. . .] (УКН 156 B I, 7). B/pura здесь, может быть, стативный падеж, см.: A Comparative Survey, стр. 4; но и в абсолютном падеже b/pura, ср. ^{LÚ}b/pu-ra-né (УКН 276, об. 31).

[37] Ср.: ^{LÚ}ERÉN.GÌR$^{II.meš}$-e-i (УКН 155 G, 5); TI^{meš} для коллективного множественного (формально единственного числа) šeḫere (УКН 155 C, 12; тот же случай — ^{LÚ}UKÙ^{meš}-ra-né = narane: УКН 160, 6), ^{LÚ}KUG^{meš} — выше № 3, 2. Это явление довольно широко распространено также в хеттской и ассирийской клинописи.

жеские (страны) я притеснил' (в аккадском тексте: ^{d}Ḫal-di-a li-tú da-n[a-nu ḫa-]du-tú iddina^{na} ina libbi^{bi} šanāte^{meš}-ja ^{KUR}Ur'arṭu er-ti-['i] [māt nukurti] ú-si-iq 'Халди власть, с[илу (и) рад]ость дал мне; в годы мои Урарту я пас, [вражескую страну] притеснил'.

Обычный перевод для šuse/i — 'один'. Однако Ф. В. Кениг считает это слово прилагательным на -usi от основы šu(i)- со значением 'все, каждый', опираясь при этом, главным образом, на Топузавинскую билингву. При всей привлекательности этой этимологии с ней трудно согласиться.

Следует заметить, что в урартском было, по-видимому, несколько разных основ, скрывающихся под графикой šu- (вспомним, что ур. š соответствует как хурр. s̄, так и хурр. z̄). Ср., например, šuke, что, по-видимому, значит 'мне' (или 'всё мне'), а также šuḫe 'новый': ^{GIŠ}ṣa-a-ri šú-ḫé te-ru-ni ú-i jè-e-i iš-ti-n[i ši-i-d]a-ú-ri 'сад новый устроил: ничего та[м не было соору]жено...' (УКН 27, 28); a-še GEŠTIN^{meš}šú-ú-ḫe-e 'a-ḫu-le-e 'когда новый виноград стали бы собирать...' (УКН 65, 30); a-le i-ru-ú-li-e... šu-ḫe ba-at-qe-du-le-ni 'то, что было бы похищено... заново пусть восстановят' (УКН 100, 7); URU šu-ḫe iš-ti-né šá-tú-ú-ú-le '(жителей) город(а) заново там я взял' (калька с аккадского: ālu ana eššūti aṣbat 'город заново я взял' = 'город я заселил новым населением'; УКН 281, 13). Может быть, наряду с šusi/e 'один' и šuḫe 'новый' имелись и слова š-uke 'мне' и š-usi(-ne) 'мой' (в Топузавинской билингве). Впрочем, Топузавинская билингва — ненадежный источник. Поверхность ее сильно выветрена, надежного эстампажа или копии с нее нет (на опубликованном М. Церетели фото с эстампажа ничего нельзя прочесть), а существующие чтения резко расходятся друг с другом даже в порядке слов, не говоря уже о понимании отдельных знаков. Так, Г. А. Меликишвили, вслед за М. Церетели, читает ina libbi^{bi} šanāte^{meš} iddin '... дал мне в годы'; однако Ф. В. Кениг, основываясь на копии Леманн-Хаупта, читает iddina^{na} ina libbi^{bi} šanāte^{meš}-ja '...дал мне; в мои годы...', что несомненно в контексте дает лучший смысл.

Если же отложить в сторону данные Топузавинской билингвы, то значение 'всё, совокупность; всякий, каждый', предлагаемое Ф. В. Кенигом, подходит много хуже, чем традиционное 'один', тем более что для šusine šale мы находим гетерографическое написание I MU 'один год' в ряде контекстов надписи УКН 127 и др.

Поэтому мы можем с достаточной уверенностью считать, что в нашем контексте перед нами слово šusi/e 'один'. Природа элемента -(i)ne, обычно сопровождающего это слово, неясна. Его можно было бы считать показателем отложительного падежа -ne.[38] В нашем тексте мы встречаем слово šuse без этого элемента: sela šuse 'дочь одна, некая дочь' (поэтому абсолютный падеж без соотносительной частицы),[39] менее вероятно — 'единственная дочь', так как в этом случае мы ожидали бы дополнительный адъективизирующий формант.

---

[38] Ср. инструментальный оттенок значения в weli šusi-ne 'с помощью одного отряда', или темпорально-ограничительный в šusi-ne šale, šusi-ne UD^{ME}. Что касается отсутствия согласования, то необходимо исследовать, в какой мере отложительный показатель -ne, подобно направительному -edi и локативному -a, может не требовать согласования. Как известно, в ряде случаев без специального исследования трудно отличить отложительный показатель -ne от соотносительной частицы -ne и от адъективного форманта -ine. Что касается формы šusina в Топузавинской билингве, то в ней, вероятно, нужно видеть местоимение-прилагательное на -ine в локативном падеже множественного числа (šusina šala 'в мои (?) годы'). Для šusi/e 'мой' ср. masi/e 'свой'.

[39] Ср. b/pura aštube 'превратил в (некоего) раба'; mi inaine, mi nara 'ни (какое-либо) божество, ни (какой-либо) человек'.

Стк. 6. ^{m}Mu-i-da-a-i — несомненный родительный падеж от имени собственного Muida, зависящий от sela šuse 'некая дочь' в предыдущей строчке. Подобно Алуане (стк. 3), Муида — ^{LÚ}MU 'повар' (или 'пекарь').

Стк. 7 содержит сказуемое предложения: дочь Муиды, повара, MÍN-e ma-nu-ú-b[é]. Идеограмма MÍN (SAL) означает 'женщина'. Окончание -e представляет трудности: оно вряд ли может быть фонетическим комплементом, так как нам известно два слова для 'женщины' в урартском, из них одно оканчивается на -u (lutu), другое на -a (wedia). Мы могли бы видеть здесь неточный фонетический комплемент к форме с соотносительной частицей: *wedia-ne^{e}, однако такое объяснение представляется натянутым, как и предположение, что под гетерограммой MÍN скрывается новое, ранее не известное слово, оканчивавшееся на -e.[40]

Остается предположить, что -e здесь = -(j)e 'его'.[41]

Глагольная основа man(n)- 'быть, становиться' хорошо известна и из урартского, и из хурритского, но форма и здесь трудная. В надписях глагол man- — аномальный: в отличие от других непереходных глаголов он сохраняет и в урартском хурритский показатель непереходности -o- (графически -u-) вместо урартского -a- и (также характерную для хурритского языка) бессуффиксную форму в 3-м лице единственного числа повествовательного вида (man-o, графически ma-nu 'есть, был', ср. nun-a-be 'пришел'). Нам известно довольно много форм глагола man-: повествовательная форма 3-го лица единственного числа man-o (manu) и 3-го лица множественного числа man-o-lə (manule), форма 3-го лица единственного числа несовершенного вида man-ed-o (manedu) 'бывал' (УКН 155 C, 28), форма 3-го лица единственного числа повелительного наклонения manini [ma-(a-)ni-ni] 'да будет', пермансивная форма manori [ma-nu-(ú-)ri] и каузативная форма man-u-ni 'оставил(?)', 'дал быть' (mi ku-u-i ti-né ma-nu-ni 'чтобы даже имени не оставил(и)', УКН 280, 12). Кроме того, имеется еще непонятная, может быть, именная форма ma-nu-še.

Текст стк. 7, разрушенный в конце, по сверке с оригиналом читается MÍN-e ma-nu-ú-bé:. Наиболее естественно было бы понимать здесь глагольную форму как каузативную: 'я оставил ему (т. е. Алуани) в жены' (дословно 'его женой') или 'я дал стать его женой', с переходом к 1-му лицу, довольно обычным при диктовке.

Стк. 8 читается неясно, так как хранит следы небрежного исправления текста писцом. Первые три знака É.GAL-ni читаются легко, далее следует неясный знак, — по-видимому, неаккуратно написанный или

---

[40] Например, 'жена'. Хотя для этого слова в литературном аккадском, а также в хеттском и т. п. обычна другая гетерограмма — DAM, но поскольку в новоассирийском диалекте, современном урартским памятникам и через свою письменность сильно влиявшем на Урарту, для понятия 'жена' применялось только слово 'женщина' и гетерограмма MÍN, а не специальное слово 'супруга' с гетерограммой DAM, постольку не исключена возможность, что в урартском MÍN стало употребляться как гетерограмма не только для lutu, wedia 'женщина', но и для неизвестного слова, оканчивавшегося на -e и означавшего 'жена'.

[41] Это энклитическое местоимение, принимающее перед суффиксом форму -ja-, а в Auslaut'е форму -j(ə), осталось не замеченным большинством исследователей, однако оно вполне реально и подтверждается к тому же соответствующей хурритской формой. Ср. гетерографические написания ^{d}Ḫal-di-e EN.ŠÚ 'Халди(ю), владыке своему' (УКН 149, 1; 169, 1, 7; 175, 1; 176, 1; 281, 1; 292, 1; 293, 1); NUMUN-NUMUN-ŠÚ 'семя его' (УКН 127 VIII, 17) с фонетическими написаниями ^{d}Ḫal-di-e e-ú-ri-e (УКН 19, ур. 13 и passim) и с полугетерографическим написанием ^{d}IŠKUR-a E[N-j]è-e = Teišeba(e) ewri-je(-e) (УКН 267, 1). Все эти контексты не оставляют сомнения в том, что ^{d}Ḫal-di-e ewri-je, Teišeba(-e) ewri-je(-e) значит 'Халди(ю), владыке своему', 'Тейшебе, владыке своему'. Также e-si-né-e-i = esi-ne-jə 'ее место (изменит)' (в абсолютном падеже! УКН 20, об. 25). Ср. перед суффиксом: ul-gu-ši-i-a-né e-[di-né] = ulgu-še-ja-ne edi-ne 'за его жизнь' (УКН 19, 13 — переведено по-аккадски как [ana] pu-ut balāṭi-šú 'из-за его жизни'); na-(a-)pa-(a-)ḫi-(i-)a-i-di = napa-ḫe-ja-idi 'для ее усмирения'.

стертый знак ḫi, затем снова ni и, наконец, полуразрушенный и, по-видимому, тоже полустертый знак e.

Слово ḫine нередко пытались толковать, однако безуспешно; в частности, большое распространение имело объяснение этого слова как обозначения термина родства 'сын'.[42] Это объяснение связано с тем, что урартские отчества кончаются элементом -ḫi/eni/e. В настоящее время подобное толкование надо совершенно оставить, так как структура элемента -ḫine в отчествах и этнонимах нам теперь полностью ясна (окончание притяжательного прилагательного -ḫe + соотносительная частица -ne).

Отдельное слово ḫine в надписях встречается один раз (УКН 36, 22; см. контекст ниже, стр. 68), но в настоящих письмах оно встречается неоднократно (4, 9; 5, $x+9$; 7, об. 4; 8, об. $y+1$), причем всегда перед серией императивов, выражающих то распоряжение, которому посвящено данное письмо. Распоряжения эти весьма различны по содержанию, поэтому слово ḫine должно быть очень общим по значению. Подобную роль в вавилонских письмах играет слово inanna, в ассирийских ūmā, в арамейских k'n. Все эти слова значат 'теперь', и это значение можно приписать и урартскому ḫine. Это значение подходит также в нашем случае (см. ниже), а равно и в надписи УКН 36: ka-am-na-a-ḫe... ḫi-i-né-e... 'раньше... теперь...'.[43] В хурритском также имеется аналогичное слово ḫenne.[44]

Гетерограмма É.GAL (собственно 'большой дом') во всех разновидностях клинописи обычно означает 'дворец', часто также 'царское хозяйство'.[45] В урартских надписях чаще всего означает 'цитадель', 'крепость'.[46] Само слово, судя по фонетическому комплементу, возможно, оканчивалось по-урартски на -ri или -ria (УКН 127 V, 75).[47]

Вероятнее всего эту строку следует читать. É.GAL-né ḫi-né-e 'из дворца теперь'.

Стк. 9 не вызывает сомнений: LUGAL-še bi-du-ú-ni означает 'царь вернул (ее)'.

---

[42] Так переведено в УКН (стр. 396) и у меня, см.: Фрагменты клинописных табличек из Кармир-блура. ЭВ, II, 1948, стр. 146, — в обоих случаях, правда, под вопросом.

[43] Ср. УКН 58, 27—32: ka-am-na-a-ḫe-e pa-a-ni-it-ḫe-e (pa-a-né-ed-ḫe-e?) ma-nu ^{m}Mi-nu-a-še e-'i pi-li a-gu-ni e-'i URU ši-di-iš-tú-ni 'ранее пустынно (?) было, (а) Минуа и канал провел, и селение построил'; сюда ли УКН 96, 4—5: URU-še a-še sa-le mi-šu-le ka-am-ni-né za-na-né-né ḫa-i-ti-ni ^{d}Ḫal-di-na KÁ s[a-l]e áš-ḫa-áš-ti-ti-ni 'община, когда sale будут miš-, из *прежних* (?), *любых* (??) пусть возьмет, в халдиевых воротах s[al]e пусть строит', — и УКН 155 F, 1—2: ka-ma-a-ni ITU-ni '(в) *прежний* (??) месяц', т. е. в тот же месяц??

[44] J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952, стр. 321.

[45] В раннединастических текстах также 'храм, храмовое хозяйство', ср. др.-евр. < ханаан. hēkal 'храм', старое заимствование непосредственно из шум. é-gal (в архаическом произношении *hai-kal), минуя акк. ēkallu 'дворец'; см.: A. Falkenstein. Das Sumerische. Handbuch der Orientalistik, I. Abt., II. Bd., I—II. Abschn., Lief. 1, Leiden, 1959, стр. 24.

[46] Об употреблении этой гетерограммы в урартском см. также: В. А. Гвахария. О смысловом значении É и É.GAL в урартском. ВДИ, 1959, № 2, стр. 95.

[47] É-[...]^{meš}-ri-a a-gu-nu-né 'укрепленные É-[...]^{meš}-ri-a', — вероятно 'крепости' — следовательно, нужно восстановить É.[GAL]^{meš}-ri-a (УКН 127 V, 75). Слово É.GAL не оканчивалось на -ašili, как допускает Г. А. Меликишвили (УКН, стр. 376) и утверждает Ф. В. Кениг (HCI, II, стр. 181) на основании форм É.GAL^{meš}(-a)-ši-le и т. п.: это, очевидно, производное имя с комплексом суффиксов -a(e)-še-le, типа, известного и в других случаях: ḫu-ru-la-i-ši-le (УКН 27, 84), ^{KUR}za-ba-a-ḫa-a-e-ši-i-le (УКН 127, I, 9), ^{LÚ}a-ú-e-ra-ši(-le) (УКН 127 III, 30—32). Может быть, под идеограммой É.GAL скрывается слово É^{m}u-re-e (УКН 155 C, 31)? Слово *ga-ri- 'крепость' (УКН 127, III, 62) не существует: в этом контексте, очевидно, следует читать ma(!)-ri-né qar-bé, ср. УКН 127, I, 26!

Стк. 10. ^{m}A-lu-a-né-GI (читать, конечно, Aluane-jè) — дательный падеж от имени собственного Aluane. Написание знаков GA, GI, GU для звукосочетаний ja, jì, jè, jù очень распространено в урартском.[48] Можно даже поставить вопрос, читались ли эти знаки вообще со звуком 'g'; в пользу такого традиционного чтения говорит лишь ассирийская передача имени Argišti через -g- (как дань урартской орфографии подлинника?). Хурритская глагольная основа ag- передается и по-урартски как ag-, но означает ли это, что в урартском сохранялось и это произношение? Ср. урартское соответствие -ujar-, -uar-, -ijar- хурритскому глагольному суффиксу -ugar-.[49] Следует обратить внимание на то, что acc. Guriania = =ур. ^{KUR}Qu-ri-a-i-ni, а не ^{*KUR}Gu-ri-a-ni-!

Далее повторяется звание Алуани — ^{LÚ}MU, на этот раз без детерминатива множественного числа.

Надо полагать, что отца девушки, повара Муиды, нет в живых. Царь распоряжается 'вернуть' ее повару же в замужество, с тем чтобы она оставалась в семье того же ремесла, к которому принадлежал ее отец. Возможно, Алуани даже родич ее отца, так как ремесло часто наследовалось по родству. До ее совершеннолетия дочь Муиды была на содержании дворцового хозяйства, надо думать, как работница хозяйственного персонала.

Следующие строки сильно разрушены и восстанавливаются и читаются ненадежно.

Стк. 11. Слово mi Г. А. Меликишвили, вслед за А. Гетце, переводит 'пусть не; но'; согласно же ряду других исследователей эту частицу следует переводить 'и'.[50] Союзный характер этой частицы как будто вытекает из ряда контекстов формулы проклятия (mi inaine mi nara '(пусть) ни божество, ни человек'), однако она, по-видимому, всегда встречается при отрицаниях или противопоставлениях (i-na-né LUGÁL-e nu-na-bé mì-i a-le ^{LÚ}A.SI^{meš}-še ir-bi-tú še-ri pa-ar-tú (УКН 155 C, 45—46) 'это царю досталось, кроме (того) что воины похитили, — (то они) отдельно увели'). По-видимому, все же mi означало первоначально 'пусть не', а затем уже 'кроме' и т. п. Так или иначе, связь mi с отрицанием вряд ли может подвергаться сомнению. Здесь mi употреблено с прила-

---

[48] Примеры для GI=jè: ^{KUR}e-ba-ni-jè-di (УКН 155 A, 5) наряду с ^{KUR}e-ba-ni-i-e-di, ^{KUR}e-ba-ni-e-di; для передачи суффикса -ae, -aje: te-ra-jè 'установленный' (УКН 264, ур., 32; 268, 17, 31), tar-a-jè 'большой' (УКН 276, лиц. 23), tú-a-jè 'чистый' (УКН 155 E, 54) наряду с написаниями te-ra-i-e, tar-a-e, tar-a-a-e, (-a-a- чит. -aj-!), tú-a-i-e, tú-ú-a-i-e; для передачи местоимения с основой (как показывает хурритский) ja/e-: ú-i jè-e-i 'никакой' (passim); E[N-j]è-e = ewri-je-e 'его господину' (УКН 267, 1), ^{GIŠ}šur-jè-ni-ka-i-né 'перед своим оружием' [šur(i)-je] (УКН 155 F, 26).

Примеры для GI = jì: ^{KUR}Ú-jì-iš-ti- 'страна Ujišti', акк. Uišdiš; uš-jì-né = *uš(e)-jine прилагательное (?) от uše 'мольба, просьба (?)' (УКН 19, 20, — в аккадском переводе [ina ut-]né-e-ni; форма [da-]ni-e-ni, восстанавливаемая Г. А. Меликишвили по одной из работ А. Гётце, невозможна в аккадском).

Примеры для GU = jù: ku-jù-ú-ni, ku-ú-i-jù-ú-ni 'написал ее' при ku-ú-i-tú-ú-ni 'написали ее' (kuj-u-ni, kuj-ito-ni); šu-jù-ú-ke uš-ḫa-nu-[me] 'мне пожаловал' (УКН 276, 27) наряду с [šú]-ú-ke. . .a-ru-me 'мне даровал' (УКН 276, 43), šú-ke 'мне' (УКН 280, 5). Эта форма правильно объяснена Ф. В. Кенигом (HCI, II, стр. 202) как *šui-uke 'мне' или, может быть, 'все мне', 'как мне'; ^{KUR}Di-ir-jù- 'страна Дирйо(?)', acc. ^{KUR}Dirria, ^{KUR}Dirra.

Примеры для GA = ja$_9$: страна ^{KUR}I-ja-a(-né-) (УКН 127, III, 47, 56), вероятно, тождественна стране ^{KUR}I-ja$_9$-a-, ^{KUR}I-ja$_9$-né (УКН 128 B I, 39; 127, I, 11, и др.).

[49] a-ni-ja-ar-du-né 'независимый (?)', пассивное причастие несовершенного вида: an-ijar-(e)d-u (УКН 155 E, 42); še-p/bu-ja-ar-di-a-ni 'испортил бы' < šep/b-ujar-(e)d-iani (УКН 169, 5); še-p/bu-ja-li-e < šep/b-uja(r-u)l-eje (УКН 169, 20); ku-lu-ar-ši(-i)-bé 'бежал' < kul-u(j)ar-š-i(a)-be (УКН 155 F, 27). Ср.: A Comparative Survey, стр. 8.

[50] Такого мнения придерживается Ф. В. Кениг, см.: HCI, стр. 194.

гательным на -ine, возможно, со значением 'без-', например, что-либо вроде 'безотлагательно'.

Стк. 12. Первое слово, несмотря на разрушение поверхности таблетки, довольно уверенно читается как bi-di/e. Далее, возможно, следовал узкий вертикальный знак типа 'a' или šú, потом, по-видимому, [r]i (?) и затем ясное 'e'. Читай [a-r]e-e 'дай, отдай'? В конце неясный знак вроде еще одного 'e', поврежденный выбоиной, возможно нанесенной нарочно.

Стк. 13. Читается довольно ясно слово a-li-ú-ni, которое, однако, я затрудняюсь объяснить.

Печать. Далеко отстоящие друг от друга знаки первоначально создают впечатление, что в промежутках чего-то нехватает. Это впечатление, по-видимому, ложное. Ясно читается знак 'e', затем ri, отождествляемый уверенно, несмотря на то, что горизонтальный клин в начале стерся. Следующий знак, очевидно, me, затем следует na, от которого сохранился только низ, и несомненно низ ni. Эти знаки явно складываются в имя собственное [^{m}]E-[r]i-me-n[a-n]é. Имя этого царя до сих пор было известно только в составе отчества царя Русы III; достоверных собственных надписей Эримены не найдено, из чего можно заключить, что он царствовал недолго (в самом конце VII в. до н. э.?).

К сожалению, дальнейшие знаки не читаются. После -né, возможно, слабый след вертикального клина — детерминатива имени собственного отца Эримены. Далее следы углышка (?) и вертикального клина (начало знака ši или ar или ru?) и затем как будто следы двух маленьких горизонтальных клиньев, что указывало бы на чтение ^{m}A[r-giš-te-ḫe]. Следы знаков, как мы их видели на оригинале, не похожи на $^{m.d}$Sar$_5$-, чего следовало бы ожидать, если бы отцом Эримены был его предшественник Сардури III, но полной уверенности в том, что здесь не могло быть этого знака, тоже нет. Однако неясно, достаточно ли места в лакуне для восстановления ^{m}A[r-giš-te-ḫe] или $^{m.d}$S[ar$_5$-du-ri-ḫe].[51]

Если чтение ^{m}A[r-...] правильно, то это означало бы, что Эримена был дядей Сардури III и братом Русы II. Это объясняло бы кратковременность его правления (Аргишти, отец Русы, умер, вероятно, еще в первой четверти VII в. до н. э.).

Следует, конечно, совершенно отбросить уже и ранее весьма маловероятную гипотезу, согласно которой отчество Русы III — Erimenaḫe — не отчество, а этноним „армянин".

Текст № 4

Стк. 1—3. Уже знакомая нам формула эпистолярного обращения (ср. письмо № 2, 1—2). Имя отправителя не сохранилось; возможно, это царевич Руса, сын Русы, имя которого упомянуто на печати (см. ниже), но следует заметить для сравнения, что в письме № 2 имя отправителя не совпадает с именем на печати.

Адресатом письма является „держатель печати" (^{LÚ}NA$_4$.DIB). Имя его полностью не сохранилось, но оно оканчивалось на ...]-li. Трудно сказать, тождествен ли этот „держатель печати" с носителем того же звания ^{m}P/Bu-*x*[..., упоминаемым в письме № 2.

---

[51] Написание имени Erimena с соотносительной частицей -né указывает на то, что в лакуне было отчество. Может быть, читать ^{m}R[u-sa-ḫe]? Тогда Эримена был бы братом Сардури III.

Стк. 4. Имя собственное Kulu (первый знак, скорее всего, ku-, а не lu-)[52] стоит здесь в дательном падеже, а не в отложительно-инструментальном, как в остальных случаях, когда в обращении письма названо еще одно имя, кроме имени адресата ([^{m}]Ku(?)-lu-GI-i, чит. Kulu-jə, ср. примечание к № 3, 10). По-видимому, содержание письма в данном случае должно быть передано непосредственно этому лицу, а не только касается его (ср. примечание к № 1, 4; № 2, 5; № 3, 3).

Должность Кулу — ^{LÚ}NA.KAD — выражена гетерограммой, хорошо известной во все времена распространения клинописи и означающей 'старший пастух'.

Стк. 5 содержит уже известное нам благопожелание, см. примечание к № 2, 6.

Стк. 6. Имя Tata стоит в эргативном падеже и является, таким образом, подлежащим переходного глагола irbuni в следующей строке. Тата охарактеризован как ^{LÚ}ERÈ 'раб'. Далее следует слово с детерминативом женщины. Следующий за детерминативом комплекс клинообразных черт, по-видимому, представляет собой редкую гетерограмму SIG$_7$ 'зеленый', встречающуюся еще и ниже, в тексте № 15, 1. Однако смысла это чтение не дает, поэтому мы предполагаем контаминацию с похожей гетерограммой GAŠAN 'госпожа, царица' (синоним NIN). Последний знак в строке, по-видимому, -i, хотя маленький след вертикального клина мог бы указывать на чтение TUR. Но вероятнее всего, что это показатель родительного падежа к слову ^{f}GAŠAN$_x$. Не вполне ясно, однако, какое слово управляет этим родительным падежом — стоящее перед ним ^{LÚ}ERÈ 'раб' или стоящее после него MÍN.TUR 'девушка' — и следует ли переводить 'раб 'госпожи' или 'госпожи девушку'; последнее, судя по синтаксическим аналогиям из надписей, кажется нам более вероятным.

Стк. 7. Двойная идеограмма MÍN.TUR не вызывает сомнений — она означает 'девушка, девочка'.[53] Это несомненно объект действия раба Таты, но неясно, есть ли это приложение к предшествующему слову ^{f}GAŠAN$_x$-i(?) или это последнее слово является определением к MÍN.TUR (или же к ^{LÚ}ERÈ).

Следует глагол ir-b/pu-ni — 3-е лицо субъекта и объекта повествовательной формы переходного глагола irb/p-. Этот глагол известен из надписи Сардури II (УКН 155 С, 46): текст перечисляет добычу, а затем добавляет: i-na-né LUGAL-e nu-na-bé mì-i a-le ^{LÚ}A.SI^{meš}-še ir-bi-tú še-ri pa-ar-tú i-ú KUR-né-i áš-ú-la-bé 'Это царю пришло (досталось), не считая того, что воины похитили (и) отдельно увели, когда я должен был страну его покинуть'. Хотя точный оттенок глагола irb- и его отличие от семантически близких глаголов ḫa- 'взять, занять, схватить', ašg- 'захватить' не вполне ясен, однако общий характер его значения несомненен — речь идет о захвате или похищении добычи.[54] Итак, Тата похитил девушку. Далее новое предложение, начинающееся с отрицания ú-i, которое, как обычно для урартского (ср. примечание к № 2, 10), стоит не перед отрицаемым глаголом, а в самом начале предложения, продолжающегося в стк. 8.

---

[52] Если читать имя как Lulu, то оно образовано от этнонима ('луллубей'; по-урартски lulu получило также специфическое значение 'враг', 'чужак').

[53] Не 'дочь': это понятие было бы выражено теми же знаками, но в обратном порядке — DUMU (= TUR).MÍN.

[54] Корень глагола — ir-, -b/p- же является модифицирующим элементом, установленным как Э. А. Спайзером для хурритского, так и нами для урартского (A Comparative Survey, стр. 5). Этот же глагол встречается и без этого модифицирующего

Стк. 8. Слово в конце строки надо, конечно, читать a-ri-a-ni (!) (небрежно написанное ni: виден след одного плохо оттиснувшегося вертикального клина, второй не оттиснулся вовсе). Бесспорной является здесь глагольная основа ar- 'давать, отдавать'. Форма 3-го лица единственного числа на -ia-ni (-eja-ni) имеет в урартском значение наклонения намерения;[55] ui ... ariani значит '...не хочет отдавать' (очевидно, девушку).

Остается слово we(?)rṭuše (? — u + e-er-ṭu-še с лигатурой u + e, о которой см. выше, примечание к № 1, 5—7; иначе читать di-ir-ṭu-še?). Это слово в других урартских текстах не встречается.

Окончание -še могло бы быть эргативом, если видеть в we(?)rṭuše подлежащее к глаголу ariani. Но более вероятно, что „не хочет отдавать" девушку то же лицо, которое ее похитило, т. е. Тата. Поэтому приходится искать другое решение, если только we(?)rṭu- не есть какое-либо существительное-эпитет, — например, 'насильник, похититель' — и относится к тому же Тате.

Как именной суффикс -še очень употребителен в урартском (и в хурритском) для образования имен абстрактных. Такое понимание слова we(?)rṭuše здесь, однако, плохо подходит: если we(?)rṭuše не подлежащее, то контекст требует скорее всего либо обстоятельственного слова, либо объекта. Объектом же имя абстрактное здесь вряд ли может быть.

Обратившись к случаям употребления форм на -še в надписях, мы встречаем среди них два наречных выражения, а именно bidujaše 'возвращаясь, на обратном пути' (УКН 155 C, 35; 155 F, 22; 159, 5) и [....]lijaše = акк. pal-[ḫiš] 'почтительно' (УКН 264, ур. 12). Суффикс наречия здесь -še, а не -ujaše или -ijaše (первая часть этого окончания — скорее всего формант глагольной основы -uja(r)-, -ija(r)-; -r- в урартском может полностью ассимилироваться не только -l, но и -š, ср. [qa-ab-qa]-ar-šú-la-la-ni (УКН 34, 3) и qa-ab-qa-šú-la-la-ni (УКН 30, 10); менее вероятно, что здесь мы имеем формант медиальных глаголов -ia-; так или иначе, это, собственно, деепричастие). Этот тип образования обстоятельственных слов (наречий или деепричастий) следует сопоставить с хурритским способом образования придаточных предложений путем номинализации спрягаемой формы глагола с помощью суффикса абстрактных имен -ṣe. Исходя из возможности образования наречий или деепричастий в урартском при помощи суффикса -še,[56] мы могли бы видеть в we(?)rṭuše искомое обстоятельственное слово, например 'добровольно' или что-либо подобное.

Следует серия императивов, обращенных, вероятно (ср. дательный падеж в стк. 4), через посредство заведующего всем дворцовым хозяйством Тейшебаини („держателя печати") к старшему пастуху, — очевидно, непосредственному начальнику раба Таты. Раб-пастух, пасший скот в горах, конечно, имел больше всего возможностей похитить девушку и укрыться с ней.

элемента как в значении 'похищать' (УКН 24, лиц. 27, об. 34; ср. наш глоссарий урартских слов), так и в значении 'изменять', в непереходном варианте 'быть измененным': [a-lu-še] e-si-né-e-i i-re-du-l[i-e] '[тот, кто] ее место (esi-ne-jə) изменил бы (ir-ed-u-l-ejə)' (УКН 20, об. 25); DUB-te ... a-le i-ru-ú-li-[e] 'надпись... которая была бы изменена (ir-o-l-ejə?)' (УКН 100, 5; ср. УКН 276, об. 22). Ср. акк. unakkir 'изменил', дословно 'сделал чужим, враждебным'. Таким образом, глагол irb-, возможно, содержит оттенок отчуждения, изменения места? Впрочем, и в цитированных контекстах возможен перевод '[тот, кто] (с) ее места похитил бы' и 'надпись... которая была бы похищена'.

55 A Comparative Survey, стр. 7.

56 Сомнительно, следует ли сюда же отнести наречие aiše(i) 'когда-либо', так как оно соответствует хурр. awes, с суффиксом -s, а не -ṣe.

Стк. 9. Приказание начинается с выражения ḫi-né a-la-GI z/ṣa-de-e. Вполне ясно здесь только z/ṣade 'сделай'; ḫine, как уже указывалось, по-видимому, означает 'теперь'.

То же выражение в начале цепочки императивов повторяется также в письмах № 5, *x*+9 — об. 1, № 7, об. 3—4, и № 8, об. *y*+2.

В отношении слова a-la-GI можно делать только предположения. Это может быть императив от неизвестной нам глагольной основы *alaj-; далее, это может быть какое-то образование от местоименной основы al- (ср. ale, alu-še, aluke, и т. п.); наконец, в нем можно видеть абсолютный, родительный или дательный падеж от отглагольного имени *alae, которое соответствовало бы хурр. allai, allae 'госпожа' (при отсутствии грамматического рода в хурритском и урартском это отглагольное имя, вероятно, могло бы означать и 'господин, хозяин'). Основа al- нам известна по субстантивизированному прилагательному alusi и по еще одному слову, встречающемуся в надписях в составе стандартной формулы, а именно a-la-ú-i-ni-né al-su-i-ši-né 'господским величием' (УКН 155 E, 6 и 46; ср. параллельное выражение a-lu-si-ni-né al-su-i-ši-né 'господским величием'). A-la-ú-i-ni-né обычно анализируется как отложительный падеж -ne от притяжательного прилагательного на -ine от слова *alawe, которое сопоставлялось с хурр. allai 'госпожа', хотя соответствие хурр. -ai/e- > ур. -awe не засвидетельствовано. Однако форма a-la-ú-i-ni-né образована не от прилагательного *alawine. Это показывает параллель с a-lu-si-ni-né, где прилагательное, от которого образован отложительный падеж -ne, не *alusine, а alusi (обычный в урартском суффикс прилагательных -usi, соответствующий хурр. uzzi), а первое -ni/e- является соотносительной частицей. Вероятно, a-la-ú-i-ni-né — форма, образованная от родительного падежа множественного числа ala(i)-we 'господ': ala-wi-ni-né alsui-ši-né 'с помощью величия господ' с соотносительной частицей -ni/e-.

В надписях встречается как слово a-la-e (абсолютный или дательный падеж единственного числа), так и слово a-la-ú(?)-e(?) (родительный или дательный падеж множественного числа): I nu-nu-li-e[57] a-la-e[58] mì-i ḫa-i-du-še '(из быков) 1 пусть достанется (придет) хозяину (?) пусть мы не будем (его) брать'[59] (УКН 142, 12—13); ^{m}Ar-giš-ti-še a-le A[^{me}]^{š}(?) ÍD ^{URU}*x*-*x*[-*x*]-al-*x*[-*x*] a-la-ú(?)-e(?) [. . . (*большая лакуна*). . . i-r]e-d[u]-le-ni [. . . . .] A(?)^{meš}(?) i(?)-ze-du-le-ni 'Аргишти вот что (говорит): вóды реки города (такого-то) (для) хозяев (?) [. . . . (*большая лакуна*) . . .] пусть за-[би]рают, [. . . . . .] водами пусть *повелевают* (??)'[60] (УКН 276, 18—23). Имея в виду сопоставления с хурр. allai и параллель alawe//alusi ('господ' // 'господский'), не исключаем возможность видеть в слове alae значение 'хозяин', 'господин' и в a-la-ú(?)-e родительный или дательный падеж множественного числа — 'хозяев', 'для хозяев', 'хозяевам'.

---

[57] Пожелательное наклонение от глагола nun- 'приходить', также 'доставаться'.

[58] Здесь, вероятно, абсолютный падеж loci.

[59] ḫa-ed-u-v(i)-šə — форма несовершенного вида 1-го лица множественного числа переходного глагола ḫa-, ср.: A Comparative Survey, стр. 5—6.

[60] Перевод глагола по Г. А. Меликишвили. Ср. там же, строки 38—45: [K]I^{meš} qu-ul-di-né ma-a-n[u] ú-i jè-e-i ab/p-se-e-[i G]ÁN GIŠ ŠAM ŠE ^{GIŠ}GEŠTIN ṣa-a-r[e i]š-ti-né ma-nu-ri ú-i P[A$_5$ i]š-ti-né a-ga-a-ú-ri [šú]-ú-ke ^{d}Ḫal-di-še i-ze-du-[me(?)] a-ru-me ^{d}Ḫal-di-še z/ṣa-du-ú-bé [ṣ]u-e. . . 'земля бесплодной была, ничего. . . ., (ни) поля, (ни) дерева, (ни) травы, (ни) хлеба, (ни) виноградника, (ни) рощи там не было, арыка там не было проведено. Мне же Халди *повелевает* (??), даровал мне Халди, (и) я устроил озеро. . .'. Или читать [šú]-ú-ke ^{d}Ḫal-di-še i-ze-du-[še(?)] a-ru-me 'мне Халди (устроить) орошение (??) даровал'? Но тогда непонятна функция второго ^{d}Ḫal-di-še.

Совершенно условно мы можем поэтому предложить для выражения ḫi-né a-la-GI z/ṣa-di-e перевод 'теперь хозяину (хозяйке) сделай'.

Стк. 10. Три императива ú-ši-e at-ḫi-e a-r[e(?)], из которых ясен последний: 'отдай'.

Uše весьма предположительно можно рассматривать как императив к глаголу ušt-, в непереходной форме означающему 'отправляться', в переходной — 'отправлять, передавать, дарить'. Для этого мы должны предположить, что -št- здесь суффикс,[61] как в am-(a)št- 'сжечь', šid-(i)št- 'соорудить' (√šid- 'строить') и др., причем ušt- < *uš-(u)št-. Следовательно, uše 'отправься (?)'.

Глагол atḫ- встречается в надписи УКН 92, 3 в контексте: ^{m}Mi-nu-a-še ... i-né-lé ta-ar-ma-né-le at-ḫu-a-le ši-di-iš-tú-a-le 'Минуа ... эти tarmanele atḫuale (и) соорудил'. Слово tar(a)mane/ale (plurale tantum) встречается и в других контекстах, всегда в связи с оросительными сооружениями, УКН 58, 19—26: pi-le-e a-gu-ú-bé-e ^{KUR}e-ba-a-ni-i-e ^{URU}A-li-a be-di-né ^{d}Qu-e-ra-a-i-n[a] ta-ra-ma-na be-di-n[é] ku-ṭu-u-be pa-re-e da-i-na-li-ti-i-né 'канал я провел для страны, со стороны (поселения) Али (и) со стороны taramanele (бога) Кверы (дословно: кверских) довел (его) до dainalitine';[62] УКН 127, IV, 72—74: [^{URU}]·^{m}Ar-giš-te-e-ḫé-né-le ši-du-bé [^{ID}m]u-na-né PA$_5^{m}$·'A-za-i-né-e KUR-ni-e a-gu-bé [^{PA}]^{P}tar(?)-ma-na-*x*[-*x* (?)][63] si-ra-a-né ḫa-i-la-ni '(Город) Аргиштихинили я построил, от реки[64] канал 'азайской стране я провел (и?) tarmanale (?), чтобы sira-ne могли брать'[65] (или: '...я провел в tarmanale, чтобы ... sirani могли брать'). УКН 128 B, 2, повторяет тот же текст, но здесь он еще худшей сохранности.

Надпись Минуи (УКН 92) находится на северном склоне Ванской скалы, у входа в искусственную пещеру.

Слово sira-, вероятно, связано с sir-še, sir-ši-ne (с закономерной элизией гласного) — словами, встречающимися в соседней надписи того же Минуа (УКН 63, 2—7): i-né e-si z/ṣa-du-ni si-ir-ši-né-e ... a-lu-še pa-ḫa-n[é-l]e iš-ti-ni-né ši-ú-li-a-le... 'Это место он сделал sir-še... тот, кто коров оттуда бы увел...'. Отсюда вероятен перевод 'пастбище' для имени абстрактного sir-še и 'стадо' для sira-.[66] Поэтому в УКН 127, IV, 74, речь идет, вероятно, о водопое для стад. О водопое или источнике речь идет, быть может, и в надписи УКН 92, соседней с надписью УКН 63, предположительно говорящей о пастбище.

Если наше предположение правильно и tarmanele означает 'источник(и)', 'водопой' или нечто в этом роде, то для контекста УКН 92 — ta-ar-ma-né-le at-ḫu-a-le ši-di-iš-tú-a-le — напрашивается перевод 'источник(и) на-

---

[61] В хурритском это суффикс совершенного вида. В урартском совершенный вид (повествовательная форма) не имеет специального показателя, но все глаголы с суффиксом -št- сохраняют оттенок завершенности действия.

[62] В dainali(tini) Г. А. Меликишвили видит 'название какой-то категории рек (?) (УКН, стр. 392), Ф. В. Кениг — название реки (HCI, стр. 179), а Н. В. Арутюнян — название верховьев р. Араҹани.

[63] Чтение ненадежное. Н. В. Арутюнян (Хорхорская летопись Аргишти I. ЭВ, VII, стр. 106) читает: [*x*] ^{KUR}Ma-na [...]si-ra-a-ni ḫa-i-la-ni. Совершенно неясен первый знак — детерминатив к слову tarmanale? Следы более похожи на GUD, чем на восстанавливаемое нами PAP (детерминатив арыков). После -na- читай либо -l[i], либо -š[e ...], либо -l[i ...] ▽▽.

[64] По Н. В. Арутюняну muna- — имя собственное реки.

[65] Значение формы см.: A Comparative Survey, стр. 5.

[66] Г. А. Меликишвили предполагает перевод 'стадо' для ур. didguši/didjuši, переводя ni-ir-bi di-id-gu-ši (УКН 155 C, 32), ni-ri-bi di-id-gu-ši (УКН 156 C, 15) и BI.BU di-id-gu-ši-i (УКН 158, 25) как 'скота стадо (?)'. Однако в приведенных контекстах нигде нет следов родительного падежа при слове nirbi (в одном случае можно было бы предполагать scriptio defectiva, но это написание повторяется трижды); поэтому, вероятно, надо переводить 'скот *и* didjuši'. Didjuši/e = didi-u-še, от глагола did- 'делить' (?) (см. ниже), — 'доля' (?), 'имущество' (?).

шел (и) соорудил', т. е. нашел естественный источник и оборудовал его как каменное сооружение (глагол šid- применяется, по-видимому, преимущественно к каменному строительству).

Отсюда aṯe 'найди', что прекрасно подходит к контексту: 'отправься (?), найди (?), отдай (похищенную девушку хозяину или хозяйке)'.

Печать. Текст из двух строчек (выше и ниже изображения) читается довольно четко, особенно верхняя строка, дающая имя владельца печати: 'Руса, Русин (сын)'. В нижней строке текст: 'печать (должностного лица) A.NIN-li'. Двойная идеограмма для звания ^{LÚ}A.NIN не известна из других систем клинописи, но поддается истолкованию: A = акк. aplu 'сын, наследник', NIN 'госпожа, царица'. Следовательно, ^{LÚ}A.NIN 'сын царицы', 'законный царевич'.

На древнем ближнем Востоке сыну обычно не давали имени еще живущего отца; и поныне у верующих евреев, сохраняющих, как известно, в своей религии множество древневосточных черт, дать ребенку имя еще живого лица — значит желать смерти последнему. То же верование сохранялось в старину, например, в Норвегии и в ряде других стран мира. Если подобный обычай существовал и у урартов, можно предположить, что царевич Руса родился после смерти отца. Если это предположение верно, то автор письма — сын Русы II (после правления Русы III Урартское царство если и существовало, то очень недолго, а письмо следует датировать временем не ранее как через 15—20 лет после смерти отца царевича Русы). Руса II впервые упоминается в ассирийских надписях под 673 г. до н. э.[67] и был еще жив в 655 (?) г.[68] Около 644 или 639 г. до н. э. в Ассирию прибыли послы уже следующего царя, Сардури III (отправителя письма № 1), признавшего ассирийского царя своим „отцом". Вероятно, посольство было отправлено по случаю вступления Сардури III на престол.[69] Таким образом, при нашем предположении относительно времени рождения царевича Русы, сына Русы, дата письма — не ранее 625—620 г. до н. э. Руса, сын Русы, упомянут также на оттиске печати на булле из Кармир-блура.

Текст № 5

Начало не сохранилось, строки $x+1$ — $x+7$ настолько разрушены, что не позволяют судить о содержании письма. Со строки $x+9$ начинается обычная серия заключительных приказаний.

Стк. $x+3$ содержит имя собственное ^{m}A.bi-li-u-qu-[né (?)], ср. урартское имя Abliuqnu в ассирийском письме (HABL 144), а также Abiliane в письме № 1.

Стк. $x+4$. É-jè — дательный падеж к É 'дом' (может быть и 'храм'). Следует название селения.

Стк. $x+5$ ú-i-me-e 'мне не...'; me здесь не равно отрицанию mì-i, а скорее передает энклитическое косвенно-объектное местоимение 1-го лица me, которое и в других случаях выносится вперед по отно-

---

[67] Th. Bauer. Ein Erstbericht Asarhaddons. ZA NF, VI (XL), 3/4, 1931, стр. 234.

[68] АВИУ, ВДИ, 1951, № 3, 76.

[69] M. Streck. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige, Bd. II. Leipzig, 1916, стр. 85; ср. HABL 1242: [ṭuppu ša $^{m.d}$Aššur-bān-apli šar ^{m}]^{āt}Aššur^{ki} [ana $^{m.d}$Ištar-dūri šar ^{māt}Ura]rṭi māri-šu [a-na ja-a-ši] ù māt Aššur^{ki} gab-bu [šul-mu a-na ka-a-ši] ēkalli-ka u māti-ka [lu šul-mu] issi bi-id ilu [šarru-tú] ša id-din-ak-kan-nī [. . . . .b]ēl ṭābti tu-ba-'u-ú-ni . . . '[Письмо Ашшурбанапала, царя] Ассирии [Сардури, царю Ур]арту, своему сыну. [Я] и вся Ассирия [благополучны, тебе], твоему дворцу и твоей стране [да будет мир.] С тех пор как бог [царство], которое он дал тебе, [. . . . ., д]руга ты ищешь. . .'.

шению к своему предикату: ^{d}Ḫal-di-iš-me-e uš-ḫa-a-nu-ni [e-'i ḫu-ṭu-tú-ḫi e-'i gu-nu-še] 'Халди даровал (?) мне [и власть (?) и битву]' (УКН 278, 8, ср. 127 V, 15—16 и 78; 156 A1 + A2, 28); i-ú ^{d}Ḫal-di-iš-me LUGÁL-tú-ḫe a-ru-ú-ni 'когда Халди мне царство дал' (УКН 155 G, 2; 156 A1 + A2, 26; 168, 3).

Стк. x + 6. Здесь, по-видимому, упоминалось два собственных имени в абсолютном падеже (ср. детерминатив лица и окончание -a-né, сохранившиеся от первого имени). Они были соединены союзом 'и, а также' (e'i).

Стк. x + 7. TUR-ḫe, очевидно, прилагательное (гетерограмма TUR 'малый' или DUMU 'сын' с адъективным суффиксом -ḫe).

Стк. x + 8. Начало строки нужно, возможно, читать L[Ú (?)]-ú (?)-tú-ḫe = tautuḫe (вар. tatuḫe), ср. УКН 155 A, 25; 155 C, 11 и 41; 155 E, 26; 155 F, 29 для гетерографического, УКН 155 B, 39; 155 D, 32 для фонетического написания. Г. А. Меликишвили, вслед за М. Церетели, понимает это слово как графическое сокращение предполагаемого слова *taršuatuḫe 'мужество', 'подвиг' (ср. LÚ = taršua 'человек, муж'). Однако повторяющийся контекст a-le ^{LÚ}ta-(ú-)tú-ḫe (вар. LÚ-tú-ḫe) iš-ti-né z/ṣa-du-bé 'вот каких (какой) tautuḫe там я сделал:' не подтверждает толкования tautuḫe как 'мужества', так как далее это выражение раскрывается следующим образом: *x* ub-še iš-ti-ni-né na-ḫu-ú-bé, *y* ^{f}lu-tú^{meš} *NAPḪARU* *z* ^{LÚ}UKÙ^{meš} a-le-ke za-áš-gu-bé a-le-ke TI a-gu-ú-bé *n* ANŠU.KUR.RA^{meš} *m* ^{GUD}pa-ḫe-né *x* ^{UDU}šú-še 'столько-то молодых людей оттуда я угнал, столько-то женщин — всего столько-то людей, одних убил, других живьем увел, столько-то лошадей, столько-то коров, столько-то овец'. Это не 'подвиг' царя (о воинских деяниях которого речь шла до этого), а его последствия. Нам кажется наиболее вероятным отождествление ур. ta(u)tuḫe с акк. šallatu 'добыча, полон', особенно 'добыча людьми; пленные'.

Суффикс -(u)tuḫe является одним из формантов для имен абстрактных; ср. LÚGAL-tú-ḫe 'царское достоинство, власть', ḫuṭutuḫe || gunuše 'битва', 'боевая доблесть'.

Из гетерографического написания LÚ-(ú-)tú-ḫe, казалось бы, действительно следует, что это слово должно читаться *taršua(u)tuḫe (так как и LÚ 'человек', и taršua 'человек'); однако как объяснить вариантное написание ^{LÚ}ta-ú-tú-ḫe? Как аббревиатура это написание кажется весьма странным. Обычно аббревиатуры дают начало слова, но не начало и середину — *ta(rš)u(a)tuḫe![70] Либо LÚ-(ú-)tú-ḫe следует все же читать tautuḫe, несмотря на то, что LÚ = taršua, либо было два параллельных термина — tautuḫe и *taršuatuḫe. Вполне возможно понимание термина *taršua(u)tuḫe как 'живого полона', ср. русское феодально-пренебрежительное 'люди', акк. nišūtu (имя абстрактное от nišē 'люди') со значением 'чады и домочадцы, челядь', и мн. др.[71]

---

[70] Толкование ^{LÚ}ta(-ú)-tú-ḫe как аббревиатуры от *tašmutuḫe, ср. tašmuše 'пленник, полон', вызывает то же возражение.

[71] Возможно, следует читать не LUGÁL-tú-ḫe, LÚ-tú-ḫe, а с аккадской гетерограммой — *ŠÁRRU.TÚ*-ḫe, *AMĒLU.TÚ*-ḫe, ср. акк. šarrūtu 'царская власть, царское достоинство', amēlūtu 'люди, человечество', в вавилонских текстах I тысячелетия до н. э. 'рабы'. Совпадение написания конца слова *AMĒLU.TÚ*-ḫe с произношением конца скрываемого за этой гетерограммой слова tautuḫe привело к тому, что знак TÚ стал в этом слове восприниматься как относящийся не к гетерографической, а к фонетической части написания, так что одно LÚ стало восприниматься как гетеро-

Следующее за тем слово ^{KUR}e-b[a-...] надо, вероятно, восстановить ^{KUR}e-b[a-ni-a] 'в стране' или каким-либо иным падежом от ebani 'страна'.

Стк. x+9 — об. 1. ma-nu-le — 3-е лицо множественного числа от глагола man- 'быть, становиться'.

Далее обычной серией императивов начинается приказание исправить неправомерное положение или злоупотребление. Известное уже нам выражение ḫi-né a-l[a-j]è...z/ṣa-de-e здесь расширено: перед z/ṣade 'сделай' вставлено еще áš-ka-ṭè ka-i-pi-ú(?). Первое слово не понятно ни по форме, ни по значению (может быть, áš-ka-de$_x$ — супин непереходного глагола *ašk-?). Для второго ср. kai-uke 'передо мной'. Так как 'перед ним' должно было бы звучать *kai-je, то здесь скорее всего надо видеть выражение 'перед тобой', 'пред тебя', 'к тебе'. Притяжательное местоимение 2-го лица в урартском нам не известно, в хурритском оно звучало, по-видимому, -w. Последний знак слова, действительно, может быть -ú; если это -ú || -w означает местоимение 2-го лица,[72] то в kai-pi/e можно видеть двойной предлог 'перед - под' (ср. русское 'из-под', 'из-за', 'по-за').

Следующий императив — уже знакомое нам uše — предположительно 'отправься'. Затем перед императивом bi-di[-e] 'верни' в строке 2 оборота, стоит слово šú-i-né, которое много раз встречается в надписях; однако контекст нигде не ясен в достаточной мере для определенного суждения о значении этого слова. Обычный перевод 'весь, все, каждый', поддерживаемый хурр. šue-, хорошо подходит к нашему контексту, но ненадежность остальных контекстов заставляет быть осторожным. Следует взвесить также возможность перевода 'другой, чужой', предложенного И. Фридрихом и принятого Г. А. Меликишвили для падежных форм šú-ja-i-di, šú-ja-ṣe,[73] но во всяком случае подходящего также еще и в контексте УКН 62, об. 6, 8: šú-ú-i-né e-si-né pi-i-le-e a-gu-b[é] 'из другого(?) места канал я провел' (Г. А. Меликишвили: 'всей территории канал я провел').

Стк. об. 2. Три императива, — по-видимому, 'верни, [оты]щи(?), отдай'.

Стк. об. 3. Строка начинается с несохранившегося теофорного имени собственного, за которым следует звание данного лица, выраженное идеограммой ^{LÚ}ŠE.NUMUN 'человек посева' с фонетическим комплементом -ḫu.

Человек с тем же званием упомянут и в письме № 7, 3 рядом с неким Алунатой, уркийцем. Обозначение места происхождения указывает обычно на то, что данное лицо является свободным общинником, поэтому в ^{LÚ}ŠE.NUMUN-ḫu следует, в противоположность этому, видеть государственного сельскохозяйственного работника (неизвестного ранга).

Печать. Читается в высшей степени неясно. В начале текста довольно четко $^{m.d}$Sa[r$_5$-], — очевидно, начало имени $^{m.d}$Sar$_5$-du-ri. После лакуны следует отчество. Детерминатив лица в нем не сохранился, далее следует детерминатив божества, — очевидно, опять теофорное имя. Далее два знака (второй, по-видимому, du) и затем окончание отчества

грамма для tautuḫe, а знаки -tú-ḫe — как фонетический комплемент; отсюда возможность написания LÚ-ú-tú-ḫe, если правильно наше чтение стк. x+8 нашего документа. Тогда нет надобности постулировать существование слова *taršuautuḫe.

[72] Его же, по-видимому, нужно видеть в форме ANŠU.KUR.RA^{meš}-ú-ú 'твои лошади(?)' в тексте УКН 36, 20.

[73] См. УКН, стр. 407. Следует отметить, что указание Г. А. Меликишвили: „в билингве Топузава это слово, по-видимому, соответствует ассирийскому kullatu 'совокупность', 'все'" — основано на недоразумении, — в ассирийском тексте билингвы лакуна, и слово kullatu восстановлено М. Церетели на основании урартского šuine, которое и само по себе в тексте надежно не читается.

-ḫe. Таким образом, *$^{m.d}$Sar$_5$-du-ri-ḫe прочесть нельзя; следы знаков более похожи на $^{m.d}$S[a]r$_5$-d[u]-ḫe — описка или сокращенное имя?

По-видимому, царь Сардури IV, сын Сардури III, действительно существовал. В 1957 г. на Кармир-блуре найден щит с надписью (УКН, дополн. № 69). Надпись фрагментирована; первоначально предполагалось, что она искажена резчиком и не дает смысла. Это мнение основывалось главным образом на том, что в ней упомянут царь Сардури (IV), сын Сардури, о котором ранее не было известно. Наши материалы, по-видимому, подтверждают реальность существования этого царя. Что касается надписи на щите, то можно получить вполне удовлетворительный ее текст, если несколько иначе, чем в издании Г. А. Меликишвили, разместить фрагменты. Единственное необходимое текстуальное исправление — чтение знака 'e' вместо похожего знака 'a'; здесь, действительно, нужно видеть описку писца. Получающаяся формула текста несколько отличается от формул, известных по надписям на щитах Аргишти I и Русы III, однако текст ее грамматически и логически безупречен: [^{d}Ḫal-di-e EN.ŠÚ (или e-ú-ri-e) i-ni a-še ul-gu-ši-ja-ni]-e-di-né ^{d}Ḫal-di-ni-né al-[su-ši-né] $^{m.d}$Sar$_5$-du-re-e!-[še!] $^{m.d}$Sar$_5$-du-ri-ḫi-ni-še LUGÁL ⌜*DAN.NU*⌝ LUGÁL al-su-i-né a-lu-si ^{URU}Ṭu-uš-pa-[e URU] uš-tú-ni ['Халди(ю), своему владыке, этот щит] за [свою жизнь] Халдиевым ве[личием] Сардури, Сардуриев (сын), царь сильный, царь великий, правитель Тушпы-[города] посвятил'. Менее вероятно, что обычные части формулы — собственно посвящение и титулатура — были переставлены (поскольку надпись была круговой, не было надобности выносить имя божества вперед): ^{d}Ḫal-di-ni-ni al-[su-ši-né] $^{m.d}$Sar$_5$-du-re-e!-[še!] $^{m.d}$Sar$_5$-du-ri-ḫi-ni-še LUGÁL ⌜*DAN.NU*⌝ LUGÁL al-su-i-né a-lu-si ^{URU}Ṭu-uš-pa-[e URU ^{d}Hal-di-e EN.ŠÚ i-ni a-še] uš-tú-ni [ul-gu-ši-ja-ni-]e-di-né.

Если надпись на печати нами прочитана правильно, то надо полагать, что письмо относится именно к годам царствования Сардури IV, так как для титула „царевич" (^{LÚ}A.NIN-li) на печати, как кажется, не было места. По соображениям, приведенным выше относительно имени Русы, сына Русы (см. комментарий к печати на письме № 4), можно предполагать, что Сардури IV родился уже после смерти своего отца. Возможно, именно этим объясняется, почему Сардури III-му наследовал его дядя (?) или, скорее, брат (?), Эримена. Тогда Сардури IV должен был царствовать уже после Русы III, сына Эримены, и быть последним царем Урарту.

Текст № 6

Этот маленький фрагмент сохранил только заголовочную часть письма, формула которой уже комментировалась. Речь идет, по-видимому, о (жертвенном?) козленке. Письмо адресовано к начальнику царского хозяйства в Тейшебаини — „держателю печати".

Текст № 7

В отличие от предшествующих, это письмо не поддается связному переводу даже предположительно. Текст отличной сохранности, но содержит много новой, совершенно незнакомой лексики и новых глагольных форм, а в некоторых случаях скорописные знаки отождествляются с неуверенностью.

Стк. 1. Имя отправителя Inuš-šila — имя-предложение, как это характерно для Древнего Востока, может быть, сокращенное. Перед нами

два слова, составляющих одно имя собственное. Это видно из того, что урартский язык не терпит удвоения согласных. Inuš < *inu-še 'бог'[74] в эргативном падеже; šilā, вероятно, глагольное прилагательное šilae, с обычным стяжением ae > a, от неизвестного глагольного корня šil-. Далее следует обычная формула „Инуш-шила слово послал — скажи...", рассматривавшаяся выше (примечание к № 2, 1—2).

Стк. 2. Адресат письма — наместник; имя и звание (переданное обычной идеограммой для акк. peḫātu 'областеначальник')[75] — с показателем направительного падежа. Звание адресата соответствует содержанию письма — не хозяйственно-административному, а политическому.

Имя наместника, по-видимому, ^{m}Ur-ma-a, но первый знак отождествляется несколько неуверенно.

Стк. 3—4. Следуют имена двух лиц — ^{m}A-li-a-ú-né ^{LÚ}ŠE.NUMUN-ḫu и ^{m}A-lu-na-ta-a[-né] ^{URU}Ur[76]-ki-a-né 'Алиау, „человек посева", и Алуната, уркиец (житель поселения или общины Urkia)'.

В каком падеже стоят эти имена? Ожидался бы, по аналогии с другими письмами, отложительный падеж, однако определяющие эпитеты при обоих именах собственных не имеют окончаний отложительного падежа. Надо полагать, что здесь перед нами случай несогласования имени с его приложением, видимо, нередкий в урартском.

Ни Алиау, ни Алуната более в письме не упоминаются, но, по-видимому, именно они являются источником излагаемых в нем сведений. Эти сведения исходят, таким образом, *от* них, как осведомителей Инуш-шилы. Это делает вероятным то предположение, что имя, стоящее в головной части также и других писем в отложительном падеже, можно толковать как имя лица, *от* которого исходят сведения или *от имени* (по просьбе) которого выступает адресат, а не *о котором* идет речь, как мы предлагали толковать соответствующую форму в других случаях (см. примечания к № 1, 4; № 2, 5; № 3, 3). Перевод 'от (имени)' мог бы подойти в № 2, 5; № 3, 3, но вряд ли в № 1, 4.

Следует обычное благопожелание.

Стк. 5—6. Эти две строки составляют предложение. Сказуемое — переходный глагол 'aldulule — 1-е лицо единственного числа субъекта и

---

[74] Слово 'бог' в раскрытом (не гетерографическом) написании в надписях не засвидетельствовано, однако несомненно, что его основой было in- (в хурритском eni): ср. DINGIR^{meš}-na = ina 'среди богов' (УКН 89, 5); ḫa-lu-le-e [^{d}]Ḫal-di-na KÁ i-ne-ri-ḫi-né ti-né 'трапеза в Халдиевых воротах, божественной называемая' (УКН 96, 2—3); i-ú ^{d}Ḫal-di-še ma-a-si ^{d}i-né-ri-a-še uš-tú-ni 'когда Халди свою божественность проявил' (УКН 128 A4, 2; ср. также УКН 127, 12 и 52; 128 A4, 11). В формулах проклятия inai-ne 'божественное (существо)' противопоставляется nara 'человеку'. Пока трудно объяснима огласовка второго слога и суффикса: ineri < *ine-(u)ri, как словосложение ini + ewri, или ini + eria, или пермансивная форма на -uri от глагола *ine- 'быть божественным' (??); неясно также -a- в -aše, — ср. ušm-a-še (??). Легче объяснить форму inai-ne; -ne соотносительная частица, основная форма — прилагательное inae от *in(e)-. Возможно, inu-š надо читать *inš; так и в хурритском окончание эргативного падежа -š после основы на согласный получает (графически?) форму -uš.

[75] Гетерограмма NAM (как обычно в урартском, имеющая форму, характерную для вавилонской группы пошибов) имеет значение 'судьба' и употребляется для передачи акк. šīmtu 'судьба' и peḫātu 'должность, обязанность, служба'. Bēl peḫāti (EN.NAM) означало первоначально 'исполняющий службу', с середины II тысячелетия до н. э. стало применяться как звание начальника области. В просторечии такой начальник нередко назывался просто peḫātu. Термин этот не был в употреблении в Ассирии начала I тысячелетия и был вновь введен в VIII в. в связи с административной реформой Тиглатпаласара III, проведенной, как полагают, под урартским влиянием. В Урарту наместник со званием ^{LÚ}EN.NAM засвидетельствован уже при Минуе (УКН 42 A, 12) и Аргишти I (УКН 128 B1, 17); ^{LÚ}NAM — сокращенная идеограмма, соответствующая аккадской сокращенной форме peḫātu вм. bēl peḫāti. Урма был, вероятно, начальником области, центром которой был Тейшебаини.

[76] Чтение знака ur и здесь неуверенное.

3-е лицо множественного числа объекта, основа 'ald- плюс глагольный суффикс -ul- (-ol-).[77] О вероятном значении этого глагола говорилось выше (примечание к № 1, 9—12). В зависимости от отождествления глагола 'ald- с акк. le'û или акк. še'û можно понимать 'aldulule двояко. В первом случае наиболее подходящим переводом кажется 'я дал им распоряжение'. (Это — приблизительный перевод, так как глагол имеет прямой, а не косвенный объект; точнее, вероятно, 'я принудил'). Во втором следует переводить 'я отыскал'. Объектом глагола являются два человека, обозначенных термином šiardiale (во множественном числе) с детерминативом занятия LÚ. Они названы и поименно — это Халдипура и Уради. Этот Халдипура, конечно, только тезка Халдипуры, „человека денег", упоминающегося в письме № 3, 2. Теофорные имена с именем бога Халди были, по-видимому, часты в Урарту и даже в пограничных с собственно урартской территорией областях.[78]

Слово šiardiale анализируется как образованное от глагола ši- 'ходить' с глагольным суффиксом -ar- плюс неясная суффиксальная группа -dia- (где -di-, может быть, из герундивного показателя -edi- с выпадением -e- после r-); таким образом, šiardiale должно значить что-либо вроде 'долженствующие ходить', 'гонцы' или, может быть, 'лазутчики', как асс. dajjālu 'лазутчик' от глагола dālu 'расхаживать, ходить кругом, бегать'.

Возможно, сокращенным написанием этого же термина является слово LÚši-a, встречающееся в надписи УКН 155 D, 29, в контексте URUÚ-ra-ja-né É.GAL ši-di-iš-tú-bé LÚir-di iš-ti-i-né a-šú-ú-bé KURÚ-i-ṭé-ru-ḫi-né-i LÚši-a iš-ti-né e-er-ṣe-du-bé 'Крепость Урайа я отстроил, людей irdi (гарнизон?) я там оставил, витеруйских šia- я там стал сажать'.[79] Г. А. Меликишвили (УКН, стр. 282) предлагает для LÚši-a перевод 'правитель, начальник', однако это маловероятно: речь идет о разгроме страны Витеру, и вряд ли урартский царь поселил бы в построенной им для покорения Витеру крепости местного правителя. Для местных правителей обыкновенно употребляется просто прилагательное, образованное от названия их страны („витеруец" — „правитель Витеру") или идеограмма LUGÁL 'царь'; для наместников-урартов — идеограмма LÚEN.NAM 'областеначальник'; для правителей, по-видимому, также идеограмма GAR (акк. šaknu 'наместник': LUGAL a-le i-si i-ku-ka-né e-di-né GAR-ú-e manu-le 'всякий царь, который впоследствии был бы (из числа) правителей', — УКН 167, 5; 169, 3; 170, 2) и субстантивизированное прилагательное alusi. Как известно, древневосточные цари нередко селили в пограничных крепостях лазутчиков, в том числе и урартские цари.[80] Поэтому вероятно, что 'витеруйские LÚši-a' — это 'витеруйские лазутчики' или, иначе говоря, лазутчики *против* Витеру.[81] В LÚši-a можно было бы при этом видеть либо графическую аббревиатуру, либо, скорее, параллельное образование к ši-ar-(e)di-a (с опущением суффиксов -ar- и -(e)di-).

---

77 A Comparative Survey, стр. 5.

78 АВИУ. ВДИ, 1951, № 3, стр. 244—245.

79 Erṣedube соответствует в формуляре надписей либо акк. ušēšib 'посадил, поселил', либо акк. utirra 'повернул, обратил, увел (в обратном направлении); вернул'. В Топузавинской билингве (УКН 264, ур. 8 = асс. 8) урартскому [e-e]r-ṣe-du-ú-bé соответствует асс. [*x*]-še-[*xxx*], т. е., по-видимому, [ú]-še-[ši-ib-šú] 'посадил его', или [*x*]-t[ir-*xx*], т. е., по-видимому, [ú]-t[ir-ra-šú].

80 F. Thureau-Dangin. Une rélation de la huitiéme campagne de Sargon II. Paris, 1912, строки 297—305.

81 В ассирийских разведывательных донесениях урартские начальники часто характеризуются не по месту их службы, а по противолежащей им не-урартской области или населенному пункту, см.: АВИУ, ВДИ, 1951, № 2, №№ 50, 1, 3, и др. (HABL 646, 380 и др.).

Стк. 7. LUGAL-ka, очевидно, значит 'перед царем', 'у царя'. Сказуемое выражено глаголом pa-ru-ul-tú-ú-bé (1-е лицо).

Здесь перед нами несомненно глагольная основа par- 'уводить', 'приводить' с глагольным суффиксом -ul-,[82] дающим какой-то дополнительный оттенок значения. Сложнее обстоит дело с объяснением показателя -t-, встречающегося почти во всех глагольных формах этого письма перед показателем переходности -u- и показателем лица субъекта и объекта. В цепочке показателей -t- занимает место, которое как в хурритском, так и в урартском глаголе занимают видо-временные показатели. Однако он не совпадает ни с одним из известных нам показателей: ни с показателем совершенного вида (хурр. -oz̄- для переходных, -oz̄-t- для непереходных глаголов; ср. в урартском пережиточный показатель завершенности действия -št-?), ни с показателем несовершенного вида (хурр. -ed- для переходных, -ett- <-ed-t- для непереходных глаголов; в урартском, в связи с отсутствием удвоения, -e/id- как для переходных, так и для непереходных глаголов).[83] Однако можно отметить, что все известные нам глагольные формы с -ed- содержат оттенок возможности или пожелания и иногда сочетаются с формой пожелательного наклонения -o/u-le.[84] Поэтому не исключено, что видо-временной показатель -ed- выражает будущее несовершенного вида, а показатель -t-, место которого в цепочке формантов также заставляет считать его видо-временным, выражает настоящее или же будущее совершенного вида. Этимологически, как нам кажется, его следует сопоставить с хурр. -ett-, но если в хурритском разница между -ed- и -ett- заключается в переходности или непереходности глагола, то в урартском возникло новое семантическое различие по линии завершенности или незавершенности действия. Ср. примечание к № 2, 8.[85]

Объектом глагола pa-ru-ul-tú-ú-bé является слово ú-ú-ša-a-le — имя во множественном числе и абсолютном падеже.

Ú-ú-ša-a-le следует рассматривать как множественное число от ú-ú-še (*wušə или *wošə < wuša или *woša). Это слово встречается в надписях дважды:

УКН 36, 19-23: Ka-am-na-a-ḫe a-le ^{m}di-a-ú-e-ḫi-né-i ANŠU.KUR.RA^{meš}-ú-ú ^{LÚ}A.SI^{meš} 'a-a-ḫa-a-ú ^{LÚ}A.SI^{meš}-áš-te ú-i-ú-ni a-šá-a-zi-e ḫi-i-né-e ši-ú-bi ^{LÚ}ḫu-ú-ra-d[i-n]a-a ma-a-si-né-e-i-a-ni a-šá-zi-e [ú-ú-]še.[86]

УКН 128 B1, 26 (после перечисления дани, установленной для 'правителя диавской страны' — [^{m}di]-a-ú-ḫi-né-di — столько-то золота, меди, быков, коров, овец, верховых лошадей[87]): [^{LÚ}A.]SI^{meš}-na-a ú-ú-še ma-si-ni-i-a-ni áš-zi-e (УКН 128 B1,26).

До сих пор все исследователи оставляли обе фразы без перевода, поэтому для того, чтобы извлечь из них смысл, необходимо подвергнуть их детальному анализу.

Kamnaḫe ... ḫine..., как уже указывалось, по-видимому, означает 'прежде... теперь...' (ср. УКН 58, 27, и, может быть, УКН 96, 4).

---

[82] A Comparative Survey, стр. 5.

[83] Непереходные: man-ed-o 'бывал' (УКН 155 C, 28); zan-ed-a-be 'да будет *любезна*' (?) в письмах passim; nik-ed-o-le '(пусть) разольются' (УКН 281, 17). Переходные: mi ḫa-id-u-še 'пусть мы не будем брать' (УКН 142, 13); ar-(e)d-i-l-a-ni 'чтобы он давал' (УКН 128, B 1, 23); batq-ed-u-le-ni 'пусть его восстановят' (УКН 100, 7); šep-ujar-(e)d-ia-ni 'намеревается испортить' (УКН 169, 5).

[84] A Comparative Survey, стр. 6—7.

[85] Сюда же, может быть, относится и форма 'a-al-tú-bé (УКН 158, 26). Напротив, ašdube и aštube, очевидно, два разных глагола.

[86] Восстановление Г. А. Меликишвили; Ф. В. Кениг читает i-[e-]še и относит к следующей фразе.

[87] PIT.ḪAL.LU, acc. 'верховые (люди)', но в этом контексте, как и в УКН 36, речь идет, очевидно, о 'верховых лошадях'.

Ale здесь либо вводит прямую речь, либо является подчинительным союзом 'который', выдвинутым, по урартскому обыкновению, перед словом, к которому он относится.

^{m}di-a-ú-e-ḫi-né-i могло бы быть родительным или дательным падежом, но поскольку нет слова, которое могло бы в данном случае управлять родительным падежом, постольку это, очевидно, дательный: 'диавейскому (правителю)'.

ANŠU.KUR.RA^{meš}-ú-ú — 'лошадь' с суффиксом -w или -wu (так, очевидно, надо понимать удвоенное написание -ú-ú, ср. šá-tú-ú-ú-le — šatuwle).[88] Это могло бы быть фонетическим комплементом к слову "лошадь" или суффиксальным местоимением. Более вероятным кажется нам второе, имея в виду, что в хурритском суффиксальное притяжательное местоимение 2-го лица звучит как -(a)w, следовательно, здесь 'твои лошади', 'твоих лошадей'.

^{LÚ}A.SI^{meš} 'воины'; слово написано гетерографически и поэтому может стоять в любом падеже, хотя падежи, особенно локативные и направительные, могут обозначаться фонетическими знаками и при гетерограммах. В параллельном тексте — локатив.

'a-a-ḫa-a-ú — форма от глагольной основы 'aḫ-, которая, как кажется, означает 'собирать', ср. УКН 65, 24—32: a-še ^{GIŠ}ul-di te-šú-ḷe-e GUD III UDU ^{d}Ḫal-di-e ur-bu-li-i-ni ḫa-lu-le áš-ḫu-li-ni... [a-]še GEŠTIN^{meš} šú-ú-ḫe-e ['']a-ḫu-le-e qar-me-ḫe ^{d}Ḫal-di-e áš-ḫu-li-ni 'когда виноградник созреет(?), быка (и) 3 баранов Халди(ю) пусть пожертвуют, трапезу пусть учредят[89]... [ко]гда виноград новый соберут(?), qarmeḫe Халди(ю) пусть учредят'. До сих пор в урартском нам не были известны глагольные формы с окончанием -aw, однако возможно, что и здесь может прийти на помощь хурритский, где -aw — показатель 2-го лица субъекта в глаголе; -a- может здесь рассматриваться как показатель непереходности (тогда 'aḫ-a-w 'ты собирался'?) или как часть субъектного показателя, вытеснившая показатель переходности -u- — явление, наблюдающееся и в хурритском (тогда 'aḫ-(u)-aw 'ты собрал').

Если правильно наше толкование этих форм, то здесь несомненно прямая речь.

Следует ^{LÚ}A.SI^{meš}-aš-te '(к) воинам'.

В ú-i ú-ni или ú-i-ú-ni нужно видеть глагол. При первом чтении это могло бы значить 'не просил',[90] при втором — это переходный глагол,

---

[88] A Comparative Survey, стр. 6.

[89] Хурр. aš̱- 'жертвовать' в урартском, по-видимому, имеет значение 'совершать обрядовые действия, учреждать обряд, жертву'. Ср. УКН 27,30. Для ḫalule см. УКН 96, 2—3: a-lu-še ḫa-lu-le-e gu-di GÙB-di a-tú-li-i-e 'тот, кто трапезу справа (или) слева стал бы вкушать...'.

[90] Если правильно чтение Топузавинской билингвы, то глагол u- (wu/o-?) значит 'просить'; ср. ур. di-ru-ni (читать di-ru-še?!) DINGIR^{meš}-ka ^{m}Ur-za-na-še... ka-[i]-ú-ke ú(?)-ni(?) 'милости (?) перед богами Урзана... у меня просил', acc. [^{m}]Ur-za-na maḫar DINGIR^{meš}... ina pāni-ja ú-ṣal-[li] 'Урзана перед богами... у меня молил' (УКН 264, ур. 13, acc. 12; чтение ú-ṣal-[li] предпочтительнее, чем ú-ni-[qi] 'совершал жертвоприношение путем возлияния', так как это чтение не вяжется с выражением ina pāni-ja 'предо мной', 'у меня'). Для основы dir- ср. в надписи Мехеркапусы (УКН 27, 13 и 53) ^{d}Ḫal-di-né di-ru-ši-e 'халдиевой милости' параллельно ^{d}Ḫal-di-né i-né-ri-a-ši-e 'халдиевой божественности' и ^{d}Ḫal-di-né al-su-i-ši-e 'халдиевому величию'; в надписи из Кешиш-геля (УКН 268, 16—17): šu-i-né-i ^{LÚ}DUMU-e [i-b]i-ra di-re 'другим гражданам всё уступи' (отсюда значение dir- примерно соответствует акк. magāru 'быть милостивым, благосклонным, уступчивым, соглашаться'). Слово ú-ni неоднократно встречается во фрагментированной и непонятной надписи УКН 142, 7: ...a-le ta-a-še a-ma-ni bi-di [*(следует пропуск не менее 10 знаков)* ...]-i-ni te-er-du-le-ni e-si-i ú-ni ^{LÚ}ur-bi-ka-ni-ka-a-i .... '"дар, который amani, верни(?)... пусть установят место", просил(?) перед людьми urbika'; УКН 142, 9—13: ...ú-ni ^{LÚ}ur-bi-

каузативный по отношению к ú-i-ja-bé (УКН 127, VI, 15: i-ú LUGÁL-nu-a-di [a]-le-e-me ^{d}[Ḫal]-di-še a-ru-ni ú-i-al-di-né-e 7566 ^{GUD}[pa]-ḫe-ni^{meš} 51878 UDU^{meš} ^{m}Ar-gi-iš-[ti-še] a-le-e i-na-né MU.MU ú-i-ja-bi 'когда я стал царем, вот какой мне ujaldine (=uj-al-edi-ne?) дал Халди: 7566 (голов) крупного и 51878 (голов) мелкого скота. Аргишти вот что (говорит): это ежегодно ujabe' (Г. А. Меликишвили ошибочно считает „я" подлежащим к ujabe: это глагол непереходный в 3-м лице субъекта). Отсюда uj-, вероятно, 'поступать', 'платить налог', 'доставлять доход' или что-либо подобное, а в переходной форме 'назначать поставку, налог' и т. п.; ujuni в тексте УКН 36 употреблено, возможно, безлично: 'man hat festgesetzt', 'назначил(и)'.

Aš(a)ze в других контекстах, кроме двух приведенных, не встречается; предположительно 'доля (в добыче)' (??), 'кошт' (??).

Ḫine 'теперь' нам уже известно.

Šiubi 'я послал', — здесь, может быть, в смысле 'приказал, велел, распорядился', ср. аналогичный круг значений акк. šapāru — 'посылать', 'писать (письмо)', 'давать распоряжение', 'управлять'.

ḫuradina — локатив множественного числа 'в воинах', 'среди воинов', 'в числе воинов', 'у воинов'.

masi-ne-ja-ne 'из его (их) собственных'.

Далее повторяется ašaze и ú-ú-še.

Из вышеизложенного достаточно ясна трудность понимания этого контекста и шаткость возможных выводов. Все же попытаемся предложить связный перевод, который отвечал бы тому, что нам известно о каждом слове и его грамматической форме: 'раньше вот что (говорили) диавейскому (правителю): „твоих лошадей воинам ты соберешь!" [91], для воинов было это назначено в долю, [92] теперь я приказал, (чтобы) у воинов из своей собственной доли (?) (было) ú-ú-še'.

Соответственно текст УКН 128 B1, 26 переводится: '(а) у воинов ú-ú-še из своей собственной доли'.

Таким образом, если ú-ú-šá-a-le связано с ú-ú-še, то переводить следует 'снабжение', 'довольствие', 'обеспечение' или что-либо в этом роде.

Стк. 8—10. Форма LUGAL-li/e более всего похожа на абсолютный падеж (*erele), но может быть рассматриваема также как родительный (*ereli < *ereli-ji), либо дательный (*ereli < ereli-je), хотя подобные стяженные формы редки. Если бы писец хотел сказать, что перечис-

---

ka-a-še ma-šá-ni ti-iš-ni a-ma-ni e'-[(*следует пропуск не менее 10 знаков*)...]-li-a-le bi-di áš-ta-nu-la-le-e ú-ni ^{LÚ}b/pu-ru-nu-ur-da-di [(*пропуск не менее 10 знаков*)...] -li-a-le bi-di aš-ta-nu-la-a-le GUD-ni-né i-ra-di-ni-né III a-[le(?) ^{LÚ}še]-lu-ú-i-ni-e ú-ni I nu-nu-li-e a-la-e mi-i ḫa-i-du-še... 'просил(и) (?) люди urbika: 'mašani tišni amani и (?)..."(*что-то сделал*) бы — верни aštanalulale"; просил по отношению к людям b/purunurdele... "(*что-то сделал*) бы — верни aštanulale" — из быков iradine трех, к[оторые(?)] для человека šeluine просил, 1 пусть приходит (достается) хозяину (?) — мы пусть не возьмем...'. Как бы ни был неясен этот текст, кажется несомненным, что в нем содержится прямая речь, а потому слово 'просил' здесь вполне к месту. Наконец, слово ú-ni встречается, может быть, в надписи УКН 167, 8: a-[l]u-še ḫa-ú-li-e ú-ni ú-ru-li-e SUM-ni-né I ú-i-du-še su-pa 'тот, кто возьмет, (кто) попросил(?): „пусть обработают", (тот) пусть отдаст 1 ú-i-du-še su-pa'. Контекст этот неясен (не исключено, что слова должны делиться иначе) и пока не может дать помощи при решении вопроса о значении ú-ni. Таким образом, ú-ni предположительно значит 'просил'.

[91] Перевод неуверенный, так как трудно аргументировать оттенок долженствования, без которого нелегко добиться связного смысла. Однако повествовательная форма глагола выражает совершенный вид, и хотя мы в переводе обычно передаем ее прошедшим временем, нет причин, почему бы эта форма не могла выражать совершенный вид в настоящем или будущем времени, особенно когда речь идет о высказывании, сделанном в прошедшем. Конечно, известная натяжка в переводе остается.

[92] Собственно 'доле', 'для доли' (дательный падеж).

ленные ниже предметы принадлежат царю, то он скорее употребил бы не родительный падеж, а форму притяжательного прилагательного на -ine. Абсолютный падеж также не подходит по контексту, поэтому следует остановиться на дательном падеже. Следует перечисление: 1 лошадь, 1 большой (tar-a-né < *tar-ae-ne) suḫurḍaḫe (субстантивированное прилагательное — вероятно, эпитет колесницы или транспортного животного?), 1 dauše, 1 мул, 30 деревянных предметов или орудий sule, 20 suri с эпитетом ḫilḫili, 2 kapitu(ne). Последнее слово (или вторая его часть) может быть и переходным глаголом: 2 KA [чит. ZÚ 'зубов, (слоновых) бивней (??)'] pi-tú-ni. Но глагол pit - означает 'разрушать', к тому же нет подлежащего в эргативном падеже, поэтому естественнее видеть в kapi-tú-né название предмета. Смущает лишь наличие здесь соотносительной частицы (?) -ne, отсутствующей в остальном перечислении, как это и характерно для урартского языка в перечислениях. Может быть, однако, здесь перед нами субстантивированное прилагательное *kapitu-(i)ne.

Стк. 10—11. Следует NÍG^{meš} nu-[n]a-a-le pa-re-e ^{KUR}Ar-ṭè-né-e '... (все эти) вещи (*или*: имущество) дошли до страны (*или*: горы) Артейской'.[93]

Слово du-di-GI-e-di (dudi-jedi) 'к dudi, для, по направлению к dudi и т. п.' — неясно. В надписях это слово встречается один раз (УКН 268, 17) в неясном и фрагментированном контексте: i-ú ^{m}Ru-sa-[ḫi-]i-né-l[e š]i-du-ú-le i-ú i-né ṣu-e ta-nu-[bé te-]ru-bé ^{LÚ}DUMU-še ^{URU}Ṭu-uš-pa-i-ni[-še] ú-ru-lu-ni i-si-i[94] KI[^{tim}] ^{m}Ru-ṣa-ḫi-na-ka-i e-'i i-nu-s[i] [ṣ]u-i-né-i e-si gu-né qu-ul-di-[né šú]-le ma-nu ^{LÚ}DUMU^{meš}-ni-še a-lu-še [ú](?)-ru-lu-ni šu-i-né-i ^{LÚ}DUMU-e(?) [i-b]i-ra di-re[95] ^{URUDU}du-de-e te-ra-jè-e 'Когда (город) Русахинили я построил, когда это озеро я соорудил, (тогда) я установил: „гражданство тушпское возделывало (?) всякую землю около Русахинили, а так[ое о]зерное место поистине заброшенн[ым (и) бесп]лодным было; гражданство, которое возделывало! Другим гражданам все уступи! (?)". — (В связи с этим?) (бронзовое) dude поставлено'. Ср. хурр. ur- 'делаться'.

Если этот очень гипотетический перевод правилен, то dude — род мемориальной стелы или межевого знака?

Далее, по-видимому, начинается совершенно новое сообщение.

---

[93] Правила согласования предлога pare не вполне ясны. Он может согласовываться, по-видимому, с родительным падежом (во всяком случае с падежной формой на -(i)e, может быть дательным?): ku-ṭé-i-a-di pa-a-re-e ^{KUR}A-la-ṭé-i-e ^{KUR}ba-ba-a-né 'достиг до Алате-горы' (УКН 128 B2, 28, и др.); ka-ru-ni ^{KUR}Ṭu-a-ra-a-ṣi-né-e-i ḫu-[b]é pa-re ^{KUR}Gur-qu-e 'покорил туарацийцев долину до (горы) Гурку' (УКН 127 V, 12—13, и др.); ср. также ku-ṭu-ni pa-re ^{m}Mi-nu-a-i-né-e ḫu-bé-i (УКН 59, 5—6, 'достиг до Минуиной долины'? Сюда же надо отнести ряд случаев, где слово, управляемое предлогом pare, стоит в форме на чистую основу -a или -u: здесь следует видеть ассимиляцию падежного окончания -e (-э). (Сюда ли относится контекст УКН 127, V, 25: ku-ṭè-a-di pa-re ^{URU}Ú-i-ḫi-ka-a ^{KUR}Bu-uš-tu-e 'достиг до (города) Вихика (< Wiḫi-ka(-i)) (страны) Бушту'?). Но предлог pare согласуется также с одной из форм с окончанием -ni/e (притяжательным прилагательным на -(i)ne? Ср.: ku-ṭu-bé pa-re ^{KUR}Ur-ṭè-ḫi-i-né, — УКН 161, 5) и — в выражении „от ... до ..." — с направительным падежом: [^{m}Ar-giš-ti-]še... [^{GIŠ}]GAG^{ti} ma-ku-lu-ni i-nu-ka-né e-si-ni-né... pa-re ^{m}Iš-pi-li-né... ^{GIŠ}NU.KIRI$_{6}$-né-di 'Аргишти... стрелу выстрелил от этого места... до Ишпилиева... сада' (УКН 277). Сомнительны случаи согласования предлога pare с локативом: ku-ṭè-a-de pa-re ^{KUR}Ba-ru-a-ta-i-né-a 'достиг я до (страны) баруатской' (УКН 155 A, 5 — читай ^{KUR}Ba-ru-a-ta-i-né-e?). Неясен также контекст УКН 36, 10 и др.

[94] LUGAL ale isi ikukane edine GAR-ú-e manule (УКН 167—170) 'цари всякие, которые впоследствии (из числа) правителей будут' (GAR = акк. šaknu); i-si i-bi-ra-né 'все и всякие' (УКН 89, 11).

[95] Di-re — повелительная форма к глаголу *dir-? Ср. выше, стр. 69 и прим. 90.

Стк. 12. šiabe 'пришел' (в начале предложения, перед подлежащим, может выражать и множественное число).[96]

Ka-ja-né. Для объяснения этой формы решающее значение имеет показатель -ne. Имеет ли он здесь соотносительное или отложительное значение? Более вероятным кажется второе. Kai означает 'перед', -ja- — энклитическое местоимение 3-го лица. Таким образом, ka-ja-né — дословно 'от-перед ним', т. е. 'от него'. Имеется в виду либо упомянутый ниже Ципа, либо царь.

V Ṣipa-(i)ne ^{LÚ}aḫupa '5 людей aḫupa, принадлежащих некоему Ципе'. Чтение должностного обозначения ненадежно.

Стк. 13. ^{LÚ}DUMU ^{URU}Ir-di-ú-né 'граждане (буквально 'сыновья') ирдивские' (граждане общины Ирдив или Эрдиу). „Сыновья" той или иной общины или города — обычное на древнем Востоке обозначение для „граждан", ср. цитированную выше (примеч. к стк. 10—11) надпись УКН 268. Речь идет, очевидно, о тех же людях aḫupa. Населенный пункт Irdiw(u), Erdiw(u) (с характерным для закавказских районов суффиксом -iw)[97] не известен. Вряд ли он тождествен с г. Er(e)dia, который следует искать в центральной части Урартского царства.[98]

Sud-(u)št-u-ni — переходный глагол 3-го лица единственного числа объекта и субъекта повествовательной формы. Основа sud- не известна. Объект, — очевидно, те же „люди aḫupa" (собирательное единственное число, зависящее от числительного), субъект — очевидно, „он" из стк. 12 (= Ципа?).

Стк. 14. ibira-ne 'всех (их)'.[99]

На этом предложение кончается. Кто бы ни мыслился субъектом глагола sud-, но ^{m}Ú-ra-di-né в стк. 14 к этому предложению не относится, так как стоит в абсолютном падеже, а следовательно, не может быть субъектом переходного глагола sud-. Не может он быть и объектом этого глагола, так как в данном случае, несмотря на форму единственного числа объекта в глаголе, обусловленную собирательностью слова aḫupa, речь идет о множественном объекте, что видно из слова ibira-ne 'всех (их)'.

Стк. 14—15. ^{m}Ú-ra-di-né ka-ru-ú ḫu-tú-né-pe.

Основа kar- несчетное число раз встречается в урартских надписях в формуле ^{d}Ḫaldi-ne ušt-a-be masine-je šuri-je kar-u-ni (такую-то страну) '(бог) Халди выступил, своему оружию kar-u-ni такую-то страну'; ср. варианты: ^{d}Ḫal-di-né uš-ta-bé ma-si-ni-e ^{GIŠ}šú-ri-i-e ka-ru-a-le IV LUGÁL^{meš} 'Халди выступил, своему оружию kar-u-a-le четырех царей' (УКН 155 D, 45—40); uš-ta-de ^{m}Ar-qù-qi-né-e KUR-né-di ka-ru-bé ^{m}Ar-qù-qi-i-né KUR-ni 'выступил я на аркукийскую страну, ka-ru-bé аркукийскую страну' (УКН 155 F, 22); LUGÁL ^{KUR}Ú-e-li-ku-ḫe kar-u-bé ERÈ áš-tú-bé 'царя великуйского я kar-u-bé, (в) раба обратил' (УКН 265, 2—3). Из этих контекстов с полной ясностью вытекает, что глагол kar- означает 'покорять', 'подчинять'.

Значительно более сложен вопрос о форме karu. Случаи употребления форм на -u от глагольных основ весьма редки в надписях и в боль-

---

96 УКН 19, 17.

97 См.: Г. А. Меликишвили. Наири—Урарту, стр. 116.

98 Он упоминается как место культа бога Тейшебы в надписи Мехер-капусы (УКН 27, 16 и 59) после Мусасира, Кумме (в долине Большого Заба), Тушпы (Вана) и Арцуни и перед Виши (около совр. Битлиса).

99 Именно 'их', что видно из частицы -ne, соотносящей слово ibira с предыдущим ^{LÚ}a-ḫu-pa.

шинстве сомнительны ('aḫu: УКН 306 b, 1;[100] aniqu или, лучше, niqu: УКН 281, 21; ašdu: УКН 127, III, 1 и 25; aštiu: УКН 127, V, 42; ašu: УКН 158, 6; aṭu: УКН 155 B, 58; 155 D, 53; 155 E, 57; ḫupadu: УКН 142, 13; ḫušu: УКН 97, 4; 142, 4; naru: УКН 278, 4).

Форма 'aḫu образована, видимо, от глагола 'aḫ- 'собирать', но контекст не сохранился; глагольный характер формы aniqu или niqu сомнителен, и к тому же она тоже встречается в совершенно неясном контексте. То же касается и форм ḫupadu и naru (последнюю форму Г. А. Меликишвили, под вопросом, отождествляет с nara 'люди', что кажется маловероятным).

Ašdu имеет, по-видимому, значение послелога: $^{K[UR]}$*ÁŠ*.[*ŠUR* UR]U^{meš} -ṣe-e ^{KUR}e-ba-ni-[ú-]ke áš-du ^{LÚ}[ḫu]-ra-di-né-e-le ú-e-li-du-ú-bé; ^{KUR}šú-re-[e-l]e-i iš-pu-ú-i-ú-bé ^{KUR}*ÁŠ*.*ŠUR* ^{LÚ}ḫu-ra-di-n[é-le-]e[101] ^{KUR}e-[ba-]ni-ú-ke áš-du[102] 'в ассирийских городах, моей страны ašdu, воинов я собрал'; 'вооруженные силы ее[103] я укрепил(?)[104] ассирийскими воинами, моей страны ašdu'. Отсюда вытекает перевод ašdu — 'ради', 'для', менее вероятно 'подобно' ('подобно воинам моей страны'). Н. В. Арутюнян, следуя за И. Фридрихом,[105] переводит 'подобно', связывая с глаголом ašt-, ašd- 'обращать', 'уподоблять'. Однако более вероятно, что ašt- и ašd- — два разных глагола. См. в Топузавинской билингве (УКН 264, ур. 23, асс. 22) в ассирийском тексте: [šá(?) ^{U}]^{DU}SIZKUR^{meš} DÙ(!)-ni nap(!)-ḫar(!)[106] [ ] ^{URU}Mu-ṣa-ṣir a-ti-d[in isinnu(?) a-]na(?) ^{LÚ}UKÙ^{meš} i-na ŠÀ-bi ^{URU}Mu-ṣa-ṣir áš(?)-[ku-u]n(?)[107] 'жертв[ы, которые] я принес,[108] всему(?) Мусасиру я отда[л, праздник(?) д]ля людей в Мусасире я у[строи]л(?)'; в урартском тексте: a-le-e [^{UDU}SIZKUR^{meš}] z/ṣa-du-ú-bi PAB ^{URU}Ar-di-ni-e a-ru-ú-[bé ^{LÚ}UKÙ^{meš}][109] ^{URU}Ar-di-ni-né a-ṣu-né[110] áš-du-[bé] '[жертвы], которые я сделал, всему Мусасиру я отда[л; людям] мусасирским праздник(?) [я] ašd-u-[be]'. Значение 'уподоблять, превращать' здесь явно не подходит. Лучше 'предназначать'.

Что касается глагола ašt-, то он встречается исключительно в формуле b/pura[111] ašt-u-be 'в раба я обратил'.

---

[100] О форме 'a-a-ḫa-a-ú = 'aḫaw (УКН 36, 20) см. выше, стр. 69.

[101] Или читать ^{KUR}*ÁŠ*.*ŠUR* ^{LÚ}ḫu-ra-di-n[i-i-]e, дословно 'Ассирии, воинами ее'?

[102] Читаю по восстановлению Н. В. Арутюняна (Хорхорская летопись Аргишти I. ЭВ, VII, стр. 96—98). Г. А. Меликишвили читает: [^{KUR}]*ÁŠ*.[*ŠUR* ^{LÚ}A.S]I(?)^{meš}-ṣi-e ^{KUR}e-ba-ni-[ú-]ki áš-du ^{LÚ}[ḫu-]ra-di-ni-e-li ú-e-li-du-ú-[b]i; ^{KUR}šú-ri-[ši]-li-[ni-]i iš-pu-ú-i-ú-bi ^{KUR}Áš-šur ḫu-ra-di-i-e ^{KUR}e-[b]a-ni-ú-ki áš-du. Однако это чтение, по-видимому, не дает смысла.

[103] О šurele см. ниже, комментарий к № 12. Здесь ^{KUR}šú-re-[e-l]e-i = šure-le-jə, дословно 'его (ее) šurele'; 'ее' относится к коллективному множественному É.GAL^{meš} 'крепости' в предыдущем предложении.

[104] Основа išp-uj- (глагольный суффикс -uj- соответствует хурритскому -ug-). Наш контекст не согласуется с предлагавшимся переводом 'осчастливить, облагодетельствовать'.

[105] J. Friedrich. Einleitung ins Urartäische. MVAG, XXXVII, 3, Leipzig, 1933.

[106] Чтение по М. Церетели и Г. А. Меликишвили; Ф. В. Кениг, вслед за К. Ф. Леманн-Хауптом, читает pa-ni-it(?)-tu 'прежняя'.

[107] Чтение по М. Церетели и Г. А. Меликишвили; Ф. В. Кениг, вслед за К. Ф. Леманн-Хауптом, читает a-di. . . . и не дает перевода. Так или иначе, здесь требуется глагол.

[108] Обратить внимание на урартизм в синтаксисе!

[109] Ф. В. Кениг восстанавливает здесь следы знаков как [^{LÚ}ḫ]u-[r]a-di-e 'воинам'.

[110] Ф. В. Кениг: UD.ME šu-i-ni-ni a-ši-ḫi-ni; перевода не дает.

[111] Падеж состояния, — см.: A Comparative Survey, стр. 4.

Aštiu, возможно, также послелог: ḫa-šú-bi ^{KUR}E-ti-ú-né[-i] ^{URU}Ar-di-né-e-i áš-ti-ú zi-ir-bi-la-[ni] 'я услышал aštiu (страны) этивской (и города) Мусасира, что они намерены восстать(?)'[112] (следует описание похода на этивскую страну). Отсюда aštiu — 'относительно'? Связан ли этот послелог с вышеупомянутым глаголом ašt- — неясно и сомнительно.

Ašu, напротив, несомненно связано с глаголом aš-. Последний имеет в большинстве случаев бесспорное значение 'оставлять', 'покидать'. Исключение составляют два контекста: [s]u-ú-i-du-lu-bé a-šú-ú-bé [pa]-re ^{URU}.....(УКН 130, 13—14); ši-a-bé ka-ú-ki-i gu-nu-ši-i-né-e su-ú-i-du-lu-ú-bé a-šú-ú-bé pa-re-e ^{URU}Li-ib-li-ú-né-e 'пришло против меня войско, я (его) отбросил, aš-u-be до г. Либлиу' (УКН 155 E, 9—11). Здесь для aš- напрашивается, напротив, значение 'преследовать'. Семантическая связь между этими двумя значениями, предлагаемая Г. А. Меликишвили (УКН, стр. 391), не кажется нам вполне убедительной. Предпочтительнее видеть здесь два омонима (вспомним, что урартское 'š' соответствует двум хурритским звукам, 'š̄' и 'z̄').

Непереходная форма от глагола aš- должна, очевидно, означать 1) 'оставаться', 2) 'бежать, обращаться в бегство'.

Теперь можно перейти к слову ašu. Оно встречается в следующем контексте: a-šú ^{LÚ}b/pu-ra na-di-tú ḫé(!)-eš$_{15}$-ḫe ma-nu ú-i a-i-né-e-i LUGÁL iš-ti-né ka-ú-ri ašu 'раб(ы) (*что-то делали*), мятежными[113] были, ни один царь там[114] (не) (*причастие*)'. Непереходное (?) причастие kauri соответствует непереходному глаголу ka-a-di в той же надписи (УКН 158, 11: DINGIR^{meš} z/ṣa-tú-me KASKAL-e ka-a-di ^{LÚ}A.SI^{meš}-ṣe ^{URU}Ṭu-mi-iš-ki-né ka-i 'боги сделали мне путь, я ka-a-di среди воинов перед г. Тумишки'). Напрашивается значение 'встал', 'появился'.

В свете того, что было сказано выше о глаголе aš-, разбираемую фразу можно перевести приблизительно так: 'беглых рабов (там) укрывали (?), мятежными были, ни один царь там (не) появлялся'.

Aṭu не связывается ни с одним из известных нам глаголов. Сравним контексты:

...i-né [e-di-]né-e a-zi-i-bé-e i-na-a-i-n[é] te-ra-[i-e] (УКН 127, I, 1) 'вслед за этим (вследствие этого) azibe божественное (было) установлено'.

I-nu-ka-né e-din na-ḫe-di-né a-ṭ[u] (УКН 155 B, 58) 'Вслед за этим (вследствие этого) naḫidine aṭu'. Naḫidi — очевидно, супин глагола naḫ- 'вступать', каузативно 'приносить'.

[I-nu-ka-]né e-di-né a-[zi]-b[é] s[al]-m[a-at-ḫe ḫa-ra-ri t]e-ra-i-e (УКН 155 C, 54—55) 'Вслед за этим (вследствие этого) a[zi]b[e], a [т]а[кже мир] (были) установлены'.

I-nu-ka-né e-din tar-né a-ṭu (УКН 155 D, 53) 'Вслед за этим (вследствие этого) tarne aṭu'.

I-nu-ka-né e-di-né a-zi-bé e-da-né ḫa-ra-ri a-ṭu (УКН 155 E, 56—57) 'Вслед за этим (вследствие этого) azibe, edane (и) мир (?) aṭu'.

---

[112] Наклонение цели, — см. там же, стр. 7. — Ф. В. Кениг переводит ^{URU}Ar-di-né-e-i áš-ti-ú zi-ir-bi-la-ni 'мусасирский жертвенный праздник (?) был нарушен (?)'. Но в таком случае слово aštiu требовало бы соотносительной частицы -ne. К тому же ḫa-šú-bé ^{KUR}E-ti-ú-né[-x] вряд ли может означать, как этого хочет Ф. В. Кениг, 'я услышал (нечто плохое об) Этиуни'. Объектом переходного глагола ḫaš-u-be, которого ищет Ф. В. Кениг, является придаточное предложение „что они намерены восстать". То обстоятельство, что далее не говорится о походе на Мусасир, объясняется, очевидно, тем, что сам царь туда не ходил, так как не мог быть сразу в двух местах, а направил туда одного из полководцев.

[113] Написание i-iš-ḫi противоречит обыкновениям урартской орфографии — читать, очевидно, ḫé(!)-iš-ḫe.

[114] В стране Мелитеа.

I-nu-ka-né[115] e-di-né sal-mat-ḫi-né ḫa-ra-ri te-ra-jè (УКН 264, ур. 32) 'Вслед за этим (вследствие этого) вместе с тем (и) мир (?) (был) установлен'. В ассирийской версии эта фраза гласит (по М. Ц̌еретели): [i]-na [ar]kā-[niš (?)..... šú]-ul-m[u (?) i]š-š[á]-ki-n[u]. Чтение ненадежно; если оно верно, то перевод фразы: 'Впосле[дствии (?)..... (и) м]ир[116] были установлены'.

Все эти контексты не оставляют сомнения в том, что слово aṭu, что бы оно ни значило, параллельно явно причастной форме teraje.[117]

Ḫušu встречается дважды: в надписи УКН 97 — в разрушенном и непонятном контексте (^{m}Mì-nu-a-i ga-la-zi šu-i-ni-né ḫu-šu mu-[...]); в надписи УКН 142 — в еще худшем контексте (UZU ḫu-šu DUB-ni-ni-né e-si-né XX ku-ur-né ^{LÚ}še-e-lu-i-né[...]). Это слово, очевидно, связано с глаголом ḫuš- 'бросать'.

Таким образом, из приведенных выше контекстов грамматический характер слов (a)niqu, ḫupadu и naru не может быть установлен. Ašu, aṭu, по-видимому, являются пассивными причастными формами; ḫušu и 'aḫu, по всей вероятности, тоже — во всяком случае это, по-видимому, отглагольные формы; ašdu и aštiu являются послелогами, причем для ašdu можно также предположить причастное происхождение ('предназначенный кому-либо' > 'для кого-либо').

Значение пассивного причастия (вернее — причастия состояния) для форм, образованных с помощью окончания -u от глагольной основы, подтверждается и тем, что и в хурритском эта форма употребляется как непереходное причастие.[118]

Сюда же, может быть, следует отнести и agunu-ne 'укрепленный', а также anijardu-ne 'непокорный (?)', 'независимый (?)' (от основ ag- и an- с суффиксами -un- и i/ujar-, -ed-).

Из всего изложенного следует, что karu, скорее всего, причастие состояния 'подчиненный'. Это подтверждается и тем, что следующее слово стоит с сублативным показателем -pe 'под'. Ḫutu-ne, очевидно, выражает, кому Уради подчинен. Основа ḫut- известна в глаголе так называемого „среднего залога" ḫut-ia-di 'я взмолился' или 'я вопросил (для себя)', 'я обратился с запросом (к оракулу)'.[119] Исходя из вышеизложенного, ḫutu могло бы значить 'запрошенный', 'вымоленный', однако это не дает смысла. Может быть, речь идет о 'допросе' прибывших ирдивских граждан? Судя по письмам куюнджикского архива, такова была обычная процедура в случае прибытия гонцов, перебежчиков, свидетелей каких-либо событий из-за рубежа и т. д. В таком случае, не значит ли вся фраза 'Уради подвергнут допросу'? Это толкование можно предложить лишь как в высшей степени гадательное.

Система причастий в урартском, по-видимому, была сложной — в еще большей мере, чем в хурритском. Предположительно эта система следующая:

Переходное причастие: *R-i.[120]

---

115 Так по М. Ц̌еретели; Ф. В. Кениг вслед за К. Ф. Леманн-Хауптом читает [...] a-li; смысл почти не меняется ('вслед за которым').

116 Если верно отождествление ḫarari = šulmu 'мир', то можно дать вероятные объяснения также словам azibe 'закон, порядок' и salmatḫe 'совместно, вместе с тем'. Такое значение довольно хорошо подходит во всех контекстах, кроме неясного фрагментированного контекста УКН 311 для azibe.

117 Формы на -ae, -aje как в урартском, так и в хурритском носят характер герундивного причастия или отглагольного прилагательного. См. ItH, § 167.

118 ItH, § 127.

119 В хурритском соответствующий корень ḫude- '(благоприятно) отмечать, записывать (?)' (E. Laroche. Tešub, Ḫebat et leur cour. JCS, II, 2, стр. 125).

120 Восстанавливается на основе хурритского; пока трудно установить, являются ли многочисленные урартские слова на -i, все или частично, причастиями;

Непереходное причастие: R-u.

Герундивное (результативное) причастие: R-aje.[121]

Кроме того, имеются стативные (пермансивные, результативные) формы, не засвидетельствованные в хурритском: от непереходных глаголов R-ori, от переходных R-a(j)uri; эти формы также весьма близки к причастным; пока они засвидетельствованы только с отрицанием. Ср., однако, ka-ú-ri (= ka-ori) в приведенном выше примере УКН 158, 6, стр. 74.

Г. А. Меликишвили постулирует также причастие на -u(w)e, однако существование его мне пока не ясно.

Стк. 15. III-še U_4.*ME* na-ú-bé $^{m.d}$Ḫal-di-ERÈ — показатель -še здесь, вероятно, фонетический комплемент, выражающий окончание (порядкового?) числительного,[122] U_4.*ME* — идеограмма, акк. U_4^{me}, ûme^{me} 'дни', na-ú-bé — переходный глагол в повествовательной форме 1-го лица субъекта и 3-го лица объекта: '3 дня я....л (его)'. Глагол na- не известен; может быть, 'ждать'. Объектом является, очевидно, имя собственное Ḫaldipura, стоящее в абсолютном падеже.

Стк. 16. Глагол irḫamatuni — от неизвестной основы irḫ- с глагольным суффиксом (наращением) -am-[123] — все в той же загадочной форме с суффиксом -t-, которую мы предложили считать настоящим или будущим временем совершенного вида. Хотя это глагол переходный, но имени в эргативном падеже при нем нет, поэтому вероятно, что подлежащим этого глагола является объект предыдущего, т. е. Халдипура. Слово ḫine, как уже указывалось, по-видимому, значит 'теперь'; zabzi-jedi — направительный падеж от неизвестного слова zabzi: 'к zabzi', 'для zabzi'; ḫuš-aje — герундивная форма от глагола ḫuš-, известного в значении 'бросать'; вероятно, однако, что этот урартский глагол, подобно своему аккадскому эквиваленту nadû, имел более широкий круг значений (в аккадском — 'класть, основывать; лежать').

Стк. 17. I ANŠU.KUR.RA ir-bu-ú-ni — оазис понятного текста в пустыне сомнительного и непонятного: 'одну лошадь он похитил'.

Стк. 18. Слово išane встречается в надписях неоднократно:

^{URU}Ḫu-ul-me-e-ru-ú-né ^{m}Tú-ú-šú-re-e-ḫe [.....] i-šá-né ap-ti-né ^{KUR}Mar-ma-a-né (*следует дальнейшее перечисление городов*) ^{KUR}Ú-li-ba-a-né ḫa-ú-bé 'г. Хульмеру, принадлежащий (царю или племени) Тув-

---

ср., однако, слово ewri 'господин, владыка', которое в хурритском существует параллельно с ewru 'владение'. См.: Н. Б. Янковская. Землевладение большесемейных общин в клинописных источниках. ВДИ, 1959, № 1, стр. 38.

[121] Обычно, по-видимому, имеет значение 'сделанный чем-либо': ter-aje 'установленный', tu-aje 'очищенный', ar-(e)d-aje 'приносимый', dur-b-aje 'возмущенный', 'восставший'; ср. отыменные формы in-a(e)-ine 'божественный, установленный богами', tar-aje 'могучий'. Ср. для хурритского: ItH, § 165 и сл.

[122] Ср. прилагательное šištine, которое, по-видимому, означает 'в третий раз' — по крайней мере выражение „в тот же год šištine собрал я воинов" относится к третьему походу за год в контекстах УКН 127, VI, 1 (= УКН 128 A4, 17), УКН 155 A, 22 и 155 F, 21; не совсем ясны не полностью сохранившиеся контексты УКН 155 B, 27; 155 D, 17 и 155 E, 20, и соотношение между словом šištine и встречающимися в параллельных контекстах словами tarane (УКН 155 A, 13), šišuḫane (УКН 127, I, 5, V, 43; 128 A 1, 14, и, вероятно, УКН 28, л. с. 2) и šurḫane (УКН 127, III, 49). Порядковое числительное „три" надо, вероятно, читать *šiše, ср. чтение А. Гетце в тексте УКН 128 B 1, 33—34: a-le-e-le LUGÁL^{meš} [a]r-nu-i-a-le ^{m}Di-a-ú-ḫi-ni-e ši-ši-né(!) MU(!) [ḫa]-u-bé, что можно перевести: 'царей, которые были союзниками [arnuja(r-a-)le] диавейца, (в) три года я покорил'. Однако Г. А. Меликишвили, по расчету которого речь идет о втором годе правления Аргишти I, вместо ši-ši-né читает здесь ŠI.ŠI DÙ = акк. abikta ēpuš 'разгромил'. Впрочем, в аккадском обычно употребление слова abiktu не с epēšu, а с šakānu.

[123] A Comparative Survey, стр. 5.

шури [.....] с той стороны гор Марма, и (*такие-то города*), (составляющие) страну Улиба, я захватил'[124] (УКН 28, 8—10).

Ku-ṭu-bé pa-re [.....i-šá(?)-]né ap-ti-i-né ^{URU}Qu-me-nu-ú-né pa-re ^{KUR}A-šú-ri-i-né [KUR-ni (? — или al-ga-né?)] 'дошел я до ..... с той стороны г. Кумену, до ассирийской [земли (*или*: границы)]'[125] (УКН 28, 13).

I-šá-a-né bi-di-i-a-de uš-ta-a-de ^{KUR}Iš-te-lu-a-ni-jè-di 'На той стороне[126] я повернул и выступил на (страну) Иштелуа(ни)' (УКН 155 F, 13—14).

Наконец, в надписи УКН 266 IV LUGAL^{meš} i-na-né ap-ti-né ṣu-i-ni-a-[né] '4 царя с этой стороны приозерья' противопоставлены [XIX] LUGAL^{meš} i-šá-né ap-ti-né ṣu-i-ni-a-né '19 царям с той стороны приозерья'.

Поэтому для išane перевод 'та сторона', 'на той стороне', 'по ту сторону' несомненен. Зависящее от него слово стоит в форме на -ne (неясно — в абсолютном падеже или в отложительном, но скорее в абсолютном).

В нашем письме дальше стоит слово ebani 'страна, область, гавар' в абсолютном падеже, затем глагол paratube, что в свете сказанного выше относительно форм с суффиксом -(a)t- должно означать 'отведу'.

Стк. 19. Если man-u-be, как мы предположили, — каузатив к man- 'быть', то всю фразу можно перевести: 'Ципу у царя (дословно 'перед царем') я оставил', или 'Ципе у царя я дал быть'.

Стк. 1 оборота. Эта строка — одна из самых трудных в этом и без того трудном тексте.

Didaje, — очевидно, герундивная форма от глагола did-, один раз встречающегося в надписях: a-lu-še ḫa-lu-le-e gu-di GÙB-di a-tú-li-i-e di-du-le-ni ur-bu-le-ni ^{d}Ḫal-di-na KÁ KÚ-ni 'кто трапезу справа (или) слева (т. е. по соседству) стал бы вкушать, (пусть) didule-ni, (пусть) жертвует ее, в Халдиевых воротах (пусть) ест ее' (УКН 96, 3—4). Здесь для didule-ni подходит значение 'пусть отделит ее', или 'пусть разделит ее'; если это толкование правильно, тогда didaje — 'то, что отделяется, что следует отделить; доля'. Ср. выше о didguši = *didi-u-še.

Следующее слово читается неуверенно. Последний знак похож на ḫu, перечеркнутое горизонтальным клином, или на en, в котором один косой клин превратился в горизонтальный (видеть в этом знаке ri трудно, однако ср. стк. 5 оборота; описка?). О значении этого слова мы не решаемся высказать никаких предположений.

Последнее слово, если мы правильно разделяем знаки — переходный глагол повествовательной формы 3-го лица единственного числа субъекта и объекта sid-u-ni. Этот глагол один раз встречается в издаваемых письмах, см. примечание к № 2, 8. Подлежащее, видимо, Ципа.

Стк. 2 оборота. LUGAL-ka 'перед царем', ú-i отрицание 'не'.

Сложнее обстоит дело со словом GI-ni-ni (читай jè-ni-né). Нам хорошо известно урартское выражение uj je(i) 'ничто, ничего'. Значение этого выражения установлено Г. А. Меликишвили (УКН, стр. 394—395) и оно прекрасно подтверждается тем, что и в хурритском je- — местоименная основа (ItH, § 146).

---

[124] Речь идет об областях по обе стороны отрога Армянского Тавра, который, очевидно, и имеется в виду под горами Марма. Хульмеру, вероятно, = акк. Кульмеру, арм. Khłimar; Улиба = акк. Уллуба, а упоминаемая в этом же контексте Дирью = = акк. Дирриа и Кербуни = акк. Курбан — области к югу от Армянского Тавра. Ср. для отождествления: АВИУ, ВДИ, 1951, № 4, указатель, s. v.

[125] Город Кумену = Кумме лежал по другую сторону еще одного отрога Тавра — в верхней части долины Верхнего Заба, севернее Ассирии.

[126] По-видимому, за Араксом.

Суффикс -ne здесь, очевидно, выражает отложительный падеж; труднее объяснить второе -ni/e: по-видимому, это соотносительная частица -ne; но правила употребления этой частицы еще очень неясны.[127] Во всяком случае, uj jenine должно означать 'ни от чего', 'ни из чего', 'ни в чем'.[128]

Основа pal- в урартском не известна. Здесь можно попытаться привлечь на помощь хурритский, в котором эта основа означает 'лгать'. Форма — 3-е лицо медиального глагола: 'перед царем ни из чего (ни в чем) он не лгал (для себя)'. Речь идет, очевидно, все о том же Ципе.

Дальнейший текст связному переводу не поддается даже предположительно. Можно лишь разъяснить отдельные слова и формы.

Стк. 3 оборота. te-er-tú-ú-bé переходный глагол ter- 'ставить, устанавливать' в 1-м лице единственного числа субъекта с видо-временным показателем будущего(?) времени -t- и с элизией гласного после r- согласно правилу.

Следующее слово qa-sa-a-ni/e непонятно.

Последнее слово в этой строке — ^{KUR}e-ba-ni 'страна'.

Стк. 4 оборота начинается с выражения LÚ(-)i-né ú-na-u + e (считая последний знак лигатурой u + e, см. выше, стр. 43, иначе ú-na-di). Это выражение встречается и ниже: стк. 6 — LÚ(-)i-né ú-na-i(?)-né; стк. 10 — LÚ(-)i-né ú-le и стк. 14 — LÚ(-)i-né ú-ni-le.

Первая часть выражения может читаться LÚ i-né 'этот человек' или LÚ-i-né 'человеческий, человеков, принадлежащий человеку'; как известно, прилагательные на -ine в урартском нередко заменяют обыкновенный родительный падеж (УКН, стр. 81) — в таком случае в переводе LÚ-i-né можно передать просто родительным падежом 'человека'.

Вторая часть, очевидно, представляет различные грамматические формы одного и того же слова, причем ú-né-le, разумеется, есть абсолютный падеж множественного числа, а ú-na-u + e — родительный или дательный падеж множественного числа (если чтение u + e правильно; в противном случае надо читать ú-na-di и понимать как направительный падеж множественного числа). Труднее объяснить формы ú-na-i-(?)-né (от герундивно-причастной формы *unae?) и ú-le (из *un-le, или описка вместо ú-<né->le?).

Согласование этой второй части выражения с первой также совершенно неясно. Следует учесть возможность понимания всего выражения как одного слова LÚ-i-ni-ú-né-le.

Далее начинается серия императивов, вводимая выражением ḫi-né a-la-jè-e (ср. № 4, 9 и др.), однако между этим выражением и первым из несомненных императивов z/ṣade стоят еще два непонятных слова a-di-ri ši-ú-di-li; затем z/ṣa-de ú-ši-e 'сделай, отправься'.

Со *строки 6 оборота*, видимо, начинается придаточное предложение, вводимое местоимением ale; ú-še, возможно, 'желание, просьба'; su-du-uš-tú-ú, согласно изложенному выше (стр. 68), — причастие состояния от глагола sud- с показателем завершенности действия -št-; от этого же корня и именная форма в направительном падеже su-du-me-ni-e-di, которую можно сопоставить с хурритским инфинитивом на -umme: sud-ume-ne-edi.

В *строке 9 оборота* te-re-e ba-ú-ši-né-le, очевидно, означает 'установи речи (*или*: дела, обстоятельства)'; ^{giš}z/ṣa-lu-i-na — локатив множественного числа прилагательного, образованного от названия деревянного предмета (?) ^{giš}z/ṣa-lu.

---

[127] Ср. e-si-ni-né 'с места' от esi 'место'.

[128] Принимая здесь предлог „в" в партитивном значении.

Строки 10—11 оборота. '... и LÚ(-)i-né ú<-né?>-le, которые, когда этот дом(?) a-gu(?)-le te-e (ср. строку 7 оборота!) поистине перед царем .... должен (должны) был(и) ..... пусть доставят их (par-u-le-le)...'.[129]

Печать. Надпись имени не содержит, а только титул „сына царицы", — такой же, что и в № 4 (см.).

Текст № 8

Этот текст ранее понимался нами как фрагмент юридического документа. Однако, как теперь выяснилось, наличие оттиска печати было в Урарту возможно и в письме, а сохранившиеся остатки формулы ḫine alaje в строке *y*+3 заставляют определенно рассматривать текст как часть письма.

Строка y+1 оборота. šú-ke 'мне, у меня, передо мной', см. выше стр. 53.

Строка y+2 оборота: ^{m}Iš-ta-a-jè, по всей вероятности, дательный падеж имени собственного *Išta.

Текст № 9

По-видимому, также фрагмент письма.

Текст № 10

Почерк грубый и небрежный, много сокращений, описок. Документ, очевидно, черновой.

Стк. 1. ^{d}'A (?). Существование такого бога, тем более столь значительного, чтобы по нему был назван город, куда округ 'Aza сдает свои поступления, — сомнительно и никакими другими текстами пока не подтверждается. По всей вероятности, описка вместо ^{d}IŠKUR; ^{d}IŠKUR URU-e 'городу бога Тейшебы', т. е. городу Тейшебаини (тогда понятно, что этот документ найден в хозяйственных помещениях дворца Тейшебаини). Читать Teišebā(i) patarie; однако ввиду общего аббревиативного характера текста не исключено, что идеограммой ^{d}IŠKUR выражено образованное от имени бога Тейшебы прилагательное; тогда читать Teišeba(i)ne patari-e.

Стк. 2. ^{KUR}e-ba, очевидно, аббревиатура вместо ^{*KUR}e-ba-ni-a или ^{*KUR}e-ba-ni-né; ^{m}'A-z/ṣa-a ^{KUR}e-ba<-ni-a> 'в стране 'Аза (или 'Аца)'; ^{m}'A-z/ṣa-a ^{KUR}e-ba<-ni-né> 'из страны 'Аза'.

Стк. 3—4. XXVI KUŠ GUD ZAG ŠI AB '26 кож воловьих ...': ZAG ŠI AB — сокращенное обозначение качества кож. Ниже вместо ZAG ŠI AB написано только ZAG ŠI.

Стк. 4. XII:TÚG SÍG '12 тканей шерстяных'. Весьма интересно сохранение архаических особенностей знака TÚG, что роднит урартский курсив с некоторыми хурритскими: в ассирийской скорописи знак TÚG совпал с KU еще в начале II тысячелетия до н. э.

XIV *x* UDU. Знак после цифры неясен; может быть, небрежно написанный знак повторения? Тогда '14 того же овечьих' (первые 12 тканей были, возможно, из козьей шерсти; или 'того же' относится к кожам?).

---

[129] См.: A Comparative Survey, стр. 6.

Следует разделительная черта, затем перечисляется следующая партия тех же произведений скотоводства и ремесла:

Стк. 5. I ME LX XXX VIII[130] ZAG ŠI. Здесь ZAG ŠI, очевидно, вместо *KUŠ GUD ZAG ŠI AB.

Стк. 6. вместо KUŠ описка — ZU; šú-še 'овца' раскрывает гетерограмму UDU в стк. 4.

Стк. 7. В цифре VI — описка.

Текст № 11

Видимо, часть счетного документа. Вертикальные клинья в начале строк $x+2$ и $x+4$ могут быть цифрами 'I' или детерминативами собственных имен. В строках $x+3$ и $x+5$ названия профессии; в первом случае, возможно, строка представляла итог (начинается, отступя от края); если I a-šu значит '1 беглый', то перед этим, возможно, было перечисление рабов, и итог в стк. $x+3$ надо восстановить ^{LÚ}E[RÈ^{meš}] 'р[абы]'(??); к ^{LÚ}qu-[... в стк. $x+5$ ср. quṭurele в письме № 1 (??).

Текст № 12

Стк. 1. Знаки, стоящие перед царским именем, могут составлять либо одно, либо два слова. Но *a-ku-ki-mu, по-видимому, не укладывается в нормы урартского словообразования; *a-ku ki-mu означало бы, скорее всего, два причастия состояния подряд, что́ для начала текста тоже маловероятно. Поэтому надо читать a-ku-ke MU, где MU, надо полагать, означает šale 'год'.

Слово akuke, образованное как inuke (ср. inukane) 'этот мой, этот близкий' и *ikuke (ср. ikukane) 'тот самый', 'тот мой', следует рассматривать как местоимение; это подтверждается также и наличием местоименной основы akk- в хурритском.[131] Синтаксическая конструкция — как при местоименно-подчинительной частице ale 'вот какой', '(вот) тот, который', с вынесением местоименного элемента вперед: 'год, в который...', 'год, когда...', '(вот) тот год...'

Знак, стоящий после ^{m}Ru-sa-a, по-видимому, идеограмма URU (patare 'город'); после -ḫi в отчестве Русы отчетливо видно начало обломанного -né. Следовательно, ^{m}Ru-sa-a (род. падеж!) URU ^{m}Ar-giš-te-ḫ[i]-n[é] 'Из Русы города, Аргиштиева сына'. Это, по-видимому, „Малый город Русы", упоминаемый в надписи УКН 280 и 285, находившийся, возможно, у сел. Бастан в округе Маку.

Стк. 2. Строка начинается с имени собственного, ранее ошибочно читавшегося ^{m}Šá-ga-as-tar-a или ^{m}Šá-ga-áš-tar-a. В действительности, судя по фотографии и по сверке Г. Р. Мейера, в тексте читается ^{m}Šá-ga-TUR-tar-a (более вероятно ^{m}Šá-ga DUMU tar-a 'Шага, сын старший'). Далее звание — LUGÁL Iš-qu-gu-ul-ḫi-e 'царя ишкугульского' (в родительном падеже -ḫi-je!). Имеется в виду страна Išqigulū, упоминаемая в надписях дважды (УКН 127, V, 49 и 133, 5). Она находилась около совр. Ленинакана, но севернее стран Эриа и Катарца. Сын царя этой страны, очевидно, был на урартской службе в качестве наместника.

---

130 Так согласно сверке с оригиналом!

131 akku-... akku-... 'один ... другой...', см.: J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952, стр. 319.

Стк. 3. В начале строки, по-видимому, непереходный глагол 3-го лица единственного числа ú-la-b[é] 'пришел'. Подлежащим, очевидно, является сын царя ишкугульского.

Следует указание, куда сын ишкугульского царя пришел: ^{KUR}Ma-na-i-di 'в страну Мана'; далее (стк. 3—4) еще одно обстоятельственное уточнение: ^{m}A-ka-'a-a e-si-i '(на) место (некоего) Ака'а'. Форма e-si-i должна, скорее всего, рассматриваться как абсолютный падеж места, может быть, с местоименным суффиксом -jə 'его'; ср. УКН 40, лиц. B 9; 128 B1, 40; 155 C, 39.

Стк. 4. A-še LUGAL-né ^{d}Ḫal-di-né a-šú-me ясно: 'когда царя Халди(я) оставил(и) мне' (*или*: 'поселили мне'). Но весьма вероятно, что энклитическое местоимение -me означает не только 'мне', но и 'нам', что лучше подойдет здесь к контексту.

Следует отметить, что здесь глагол стоит после aše в изъявительном, а не в условном наклонении, как в надписях, где aše вводит условное будущее.

Стк. 5 начинается с указания, где именно был „оставлен" или „поселен" бог Халди — ^{m}Ru-sa-a-ḫi-na 'в Русахинили'. Далее (стк. 5—6) указывается, откуда кумир Халди, очевидно, был доставлен: ^{KUR}Qi-il-ba-a-né-ka(!) É.BÁR-ni-i-né 'из святилища, (находящегося) перед страной кильбайской'. В É.BÁR-ni-i-né одно -ni/e — возможно, первое? — соотносительная частица, второе — отложительный падеж.

Все вместе составляет описательную датировку по событиям, близко напоминающую шумерские и старовавилонские формулы, по которым в Двуречье велись датировки и летоисчисление в конце III — начале II тысячелетия до н. э.[132]

Далее после черты идет список персонала дворцового хозяйства, — вероятно, Русахинили, где найден текст, — по разделам.

В *первом* разделе (стк. 7—9) названы 1113 людей ^{LÚ}ma-ri-GI (родительный ^{LÚ}ma-re-jì; название категории перечисляемых людей всюду в родительном падеже: tardašḫi-e, kirine-i, mare-ji и т. д., или же в притяжательной форме на -(i)ne; абсолютный падеж, следовательно, ^{LÚ}ma-ri/e). Возможно сопоставление с хурр. mari-an-ne 'знатный' (индоиранское происхождение этого слова следует считать сомнительным).[133] С таким переводом согласуется и то обстоятельство, что список начинается с людей mari.

Люди mari делятся на две подгруппы: 104 человека tardašḫe и 1009 kirine.[134]

Во *втором* разделе (стк. 10—14) названо 3784 евнуха (^{LÚ}ŠÁ.RĒŠ J^{meš}), в числе которых 2409 'юношей' (^{LÚ}ub-še или ^{LÚ}ár-še: так обычно переводится этот термин), 119 человек, подчиненных „человеку счета" (^{LÚ}NÍG.ŠID.DA, если мной правильно прочитана гетерограмма), т. е., очевидно, писцов-канцеляристов, 68 ^{f}GAD-ḫe, дословно 'женщин (льняной) одежды' (странным образом они попали в общее число 3784 евнухов! Может быть, речь здесь идет не о действительных женщинах, а о евнухах, исполнявших женскую работу — портновскую или ткаческую?) и, наконец, целых 1188 псарей (^{LÚ}UR.ZÍR, — должность, извест-

---

[132] См.: RLA s. v. Datenlisten.

[133] См. это слово с хурритским суффиксом -ardi: E. Laroche. Fragment hourrite provenant de Mari. RAss, LI, 1957, стр. 105 и сл.

[134] Прилагательное от kiri 'чаша', ср. гетерограмму SÌL.ŠU.DU$_8$ (шум. sagi) 'чашеносец' ='приближенный', 'личный слуга'?

ная и у хеттов;[135] обратить внимание, что псари на куюнджикском рельефе, изображающей охоту Ашшурбанапала,— евнухи).

Третий раздел состоит из краткой записи '300 ^{LÚ}KUR.KUR^{meš}-e'. Чтение и тем более толкование ее представляет трудность. С одной стороны, KUR.KUR^{meš} множественное число 'страны' (от KUR = ebani 'страна'), но с другой стороны в урартской клинописи именно данная форма множественного (с удвоением знака KUR), по-видимому, употребляется специально и для передачи множественного числа от šure 'оружие', причем šurele имело специфическое значение, соответствуя акк. kiššāti 'множества' в царском титуле šar kiššāti = ур. erele šurawe. Но KUR.KUR^{meš} встречается и вне царского титула: [ḫu-ti-a-d]i... DINGIR^{meš}-áš-te ^{KUR}Bi-a-i-na-áš-t[e] a-la-ú-i-ni-né al-su-i-ši-né a-le a-ba-d[i KUR.] KUR^{meš}-ṣe šú-ja-ṣe-e ḫa-ši-al-me-e DINGIR^{meš} za-tu-me ḫa-a-re-e '[взмолился] я... к богам биайнийским, (о том, что) их господским величием я *намеревался* (совершить) в странах чужих, прислушались (ко) мне боги, дали мне путь' (УКН 155 E, 4—7; в стк. 47 та же формула; в параллельном контексте, в той же надписи, вместо KUR.KUR^{meš}-ṣe šú-ja-ṣe-e — KUR lu-lu-i-na-ṣe 'во вражеской стране', УКН 155 F, 4); [$^{m.d}$Sar$_5$-du-ri-še LUGÁL-tú-ḫi-né ^{d}UTU-ni-ka-i te-ru-ni tar-jè]-né KUR. KUR^{meš}-di šú-ja-i-di '[Сардури царское достоинство (свое) под солнцем установил велик]ое для стран чужих' (УКН 171, 9—10 — восстановлено по УКН 172, 7—8); mì-i a-le KUR.KUR^{meš}-a-še i-re-du-tú[136] i-ú É.GAL^{meš} áš-ú-la-a-ni 'кроме того, что KUR.KUR^{meš} похищали, когда он (царь) оставлял крепости' (УКН 24, лиц. 27, об. 34; в параллельных контекстах вместо KUR.KUR^{meš}-še — ^{LÚ}A.SI^{meš}-še 'воины (ополчения)'.

Таким образом, хотя KUR.KUR^{meš} и может значить просто 'страны', однако эта гетерограмма имеет и другое значение: 'множества, воинские силы',— очевидно, в чтении šurele. Это слово и в фонетическом написании тоже встречается вне титулатуры: в УКН 155 G, 3 в не совсем ясном контексте ^{KUR}šú-ra-a-ni-e-di-né стоит параллельно с ^{LÚ}A.SI^{meš}-na-ni-e-di-né; в УКН 127, V, 18 канал проведен для ^{KUR}šu-ra-ú-e; в УКН 128 A4,4 мы встречаем фразу: i-ú ^{d}Ḫal-di-še... DINGIR^{meš}-ú-e tar-a-i(?) ^{KUR}šú-re-e-le za-šú-a-le 'когда Халди... для богов очень(?) ^{KUR}šú-re-e-le умножил...'. Все это подтверждает для šurele значение 'вооруженные силы', может быть 'полноправные граждане, способные носить оружие'. Напомним, что в единственном числе šure (обычно с детерминативом ^{GIŠ}) значит 'оружие'.

В итоге мы можем считать, что 300 KUR.KUR^{meš}-e значит '300 вооруженных свободных'.

Четвертый раздел содержит также только одну запись: 90 ^{LÚ}UKÙ^{meš}-še. Гетерограмма ^{LÚ}UKÙ (в шумерском 'племя', в других видах клинописи 'люди', 'народ') читается, как показал Г. А. Меликишвили (УКН, стр. 384, 402), nara; она широко употребляется в надписях со значением 'люди' (например, в итоге цифр мужчин и женщин, также УКН 155 F, 26) или 'население' (например, города Мусасира и др.,— УКН 155 D, 8; 264,

---

135 J. Friedrich. Churritische Märchen und Sagen in hethitischer Sprache. ZA NF, XV, 1949, стр. 253.

136 Чтение KUR.KUR^{meš}(?)-a še-i-ri-du-tú (в УКН) невозможно, так как KUR. KUR^{meš}, конечно, стоит в эргативном падеже. KUR.KUR^{meš}-a-še = šuraše (эргативный падеж множественного числа); ir-ed-utu не от глагола šer- (ср. в параллельном тексте še-ri pa-ar-tú), а от ir- 'похищать'.

ур. 21, 23, 25; 276, об. 32), иногда в сдвоенном употреблении с taršua 'люди': ^{LÚ}ta-ar-šú-a na-ra-né GIBÍL-bi 'людей-население сжег'. Таким образом, ^{LÚ}UKÙ-še (с обобщающим суффиксом -še), скорее всего, 'население'. Возможно, речь идет о жителях, хотя и живущих на территории дворца, но принадлежащих не к его персоналу, а к окружающему населению.

Пятый раздел называет „168 ^{LÚ}e-ši-a-te (?—*последний знак по фотографии читается неясно*) дворца". Слово ^{LÚ}e-ši-a-te(?) не известно; условно можно перевести 'слуги дворца', так как речь идет, судя по месту в перечислении, о низкопоставленных людях. В их числе — 108 „евнухов дворца", 35 ^{LÚ}ḫal-bi-ú, 10 ^{LÚ}É.TIN^{meš} и 15 ^{LÚ}ṣi-ṗi-ka-a. Из них только ^{LÚ}É.TIN 'виноделы' или 'виночерпии' известны по тексту № 1, где, по-видимому, они отнесены к числу „рабов-quṭurele" (?— см. комментарий к № 1 и № 11).

Шестой раздел включает 52 ^{LÚ}un-qa-i-ta-a-né (можно также читать ^{LÚ}UKÙ qa-i-ta(?)-a-né 'люди или население qaita'). В их числе 15 человек, находящихся (в подчинении) у некоего ^{m}Ú-bi-a-bi, 7 погонщиков мулов, 20 людей, связанных с каким-то орудием ^{GIŠ}x-ru-ur-da-a, причем первый знак после детерминатива плохо различается на фотографии (qar-?, bi-?, ga? Ср. УКН 155 G, 11, где читается 336 ERÈ^{meš} ^{LÚ}ú-ru-ur-da-né e-di-né 'в отношении 336 рабов ururdele',— может быть, описка либо в УКН 155, либо в нашем № 12?).[137] И, наконец, 10 LÚ ^{KUR}b/pu-li-ú-ḫi-e[138] '10 людей пуливской страны' (род. падеж!).

В итоге указано 5507 человек (LÚ^{meš}, т. е. вероятно, taršua). Очевидно, в это число не включены члены семейств.

По-видимому, разделы перечня расположены в нисходящем порядке социального значения перечисляемых категорий лиц, причем надо думать, что по крайней мере до четвертого раздела включительно речь идет о свободных. Интересно было бы установить, какой процент состава персонала царского хозяйства составляли рабы (как посаженные на землю, так и рабы в полном смысле слова).

Текст № 13

Местонахождение оригинала этой таблетки, бывшей в прошлом веке у частного лица, не известно; автографии ее также не имеется; приходится основываться на весьма несовершенной транскрипции Сэйса по

---

[137] С переводом соответствующего места в тексте УКН 155 G у Г. А. Меликишвили трудно согласиться. Мы предлагаем читать: i-ú ^{d}Ḫal-di-iš-me LUGÁL-tú-ḫe a-ru-ú-ni na-ḫa-a-di ^{LÚ}AD-si-né e-si-i LUGÁL-tú-ḫi-né a-le ar-da-i-e i-né i-si-ú-še ^{KUR}šú-ra-a-né e-di-né tu-ru-ú-bé 'когда Халди мне царскую власть даровал, (и) я взошел (на) отцовское место царское, вот какую даваемого (= дани, повинности) эту тяготу (? — isiuše) для полноправных свободных я уничтожил' (следует перечень: 92 колесницы, 3600 конюших воинов, 352 011 воинов, конных и пеших). Далее i-na-né ar-da-i-e ^{LÚ}A.SI^{meš}-na-né e-di-né tu-ru-bé a-le i-si-ú-še ma-a-nu ḫu-šú-bé 'то даваемое для воинов ополчения я уничтожил, что было тяготой (?), я отбросил (его)' (следует перечисление: 121 человека — ^{LÚ}UKÙ,— далее определенное количество скота, продуктов и 336 рабов) — 'все это для людей ururdele(?) я уничтожил'. Таким образом, речь здесь идет о том, что Сардури II при вступлении на престол облегчил налоговый гнет и воинские повинности для полноправных свободных, носящих оружие (šurele), для ополченцев (ḫuradinele), введя, вероятно, постоянное войско взамен ополчения. Интерпретация смысла этого сообщения у Г. А. Меликишвили, несмотря на иной перевод, аналогична нашей.

[138] Для этого чтения ср. „пулийцев", упоминаемых в ассирийском разведывательном донесении (HABL, 112; АВИУ, ВДИ, 1951, № 3, стр. 2, стр. 339, № 8).

не дошедшей до нас копии Иверна́ (Hyvernat). В этой транскрипции имеются заведомые ошибки,— во всяком случае, в цифрах,— объясняющиеся, вероятно, неточностью либо транскрибирования, либо копирования.

По данным Сэйса, таблетка была каменной, однако сам Сэйс ее не видел; незнакомый с внешним видом клинописных таблеток владелец мог принять плотную глину за камень, что случается нередко.

В документе четыре раздела. Каждый раздел делится на два подразделения: 1) скот для того или иного бога (стк. 1) или лица (?) — во всяком случае, впереди соответствующего слова в стк. 8, 13 и об. 6 стоит вертикальный клин, обычно означающий детерминатив личного или племенного имени; однако возможно, что здесь, как в некоторых счетных документах Двуречья, этот клин имеет выделяющее значение, для удобства подсчета. Во всех трех выделенных этим клином словах первый знак ясно не читается; в первом случае это, возможно, qa, во втором — ni(?), в третьем — ul(?); но я сильно подозреваю, что во всех случаях стоит одно и то же слово ^{m}qa(!)-di(!)-e-di 'для qadi'; 2) скот KUR-né gu-né-e-i 'правильному KUR'[139] или, может быть, 'областного правильного', — нечто вроде обязательного налога-жертвоприношения 'правильного' (ginû, шум. gi-na), распространенного в Двуречье?

Перечисленный скот распределяется следующим образом:

		Быков	Коров	Баранов
Раздел I	^{d}[. . . . -di]	7	2	—
	KUR-ni gu-né-e-i	3	3	5
	Итого	[10]	[5]	5
Раздел II	^{m}x-ni(?)-e-di	1?	—	—
	KUR-ni gu-né-e-i	3	3	6
	Итого	[4?]	3	6
Раздел III	^{m}x-di-e-di	—	[5]	—
	KUR-ni gu-né-e-i	[1(?)] бык [2(?)] слона	—	5
	Итого	3	5	5
Раздел IV	^{m}x-di-e-di	[3]	1	—
	KUR-ni gu-né-e-i	2	2	5
	Итого	5	3	5

Приведенные в строках 11—14 оборота общие (?) итоги не сходятся (19 быков, 13 коров, 20 баранов вместо 22 быков, 16 коров и 21 барана). Неясно, имеется ли здесь ошибка (писца или копировщика?), или же здесь не подводится общий итог, а сообщается итог еще одного, пятого раздела. Конец текста поврежден и потому неясен. Упоминается селение (община) Шупа, которой, видимо, принадлежит скот или его часть. Гетерограмма U_6 (IGI.É) 'смотреть, проверять' встречается и в счетных документах других клинописных систем и означает 'проверено, проверенный'.

Значение документа неясно — помимо того, что он посвящен скоту и является счетным.

---

[139] Или читать kur-né, ср. ku-ur-né (УКН 142, 5)?

Текст № 15

В строке 1 гетерограмму SIG_7 'зеленый', судя по аналогии с № 4, 6, следует читать $GAŠAN_x$ 'госпожа' [с притяжательным суффиксом -(i)ne?]. В стк. 4 надо, вероятно, читать [^{L}]^{Ú}ma-ri-ḫe — притяжательное прилагательное к ^{LÚ}ma-ri 'знатный'(?)— ср. № 12, 9.

Тексты №№ 14 и 16

Ничтожные фрагменты счетных документов из Русахинили.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ГЛОССАРИИ

Первая цифра ссылки на контекст, если не оговорено иначе, относится к номеру текста по настоящему изданию, вторая — к строке текста. Ссылка на контекст в прямых скобках означает, что слово не сохранилось, но реконструировано в транскрипции; если в прямых скобках стоит только вторая цифра, то это означает, что в оригинале слово повреждено. УКН перед цифрами означает, что ссылка относится к текстам, изданным Г. А. Меликишвили в „Урартских клинообразных надписях“.

Сокращения

и. с. — имя собственное.
неизв. — неясная грамматическая категория или неясное значение.
чт. — урартское чтение гетерограммы.
Ablat. — отложительный (и инструментальный) падеж.
Abs. — абсолютный (именительно-винительный) падеж.
adj. — прилагательное.
adv. — наречие.
Allat. — направительный падеж.
Cond. — условно-оптативное наклонение.
conj. — союз.
Dat. — дательный падеж.
Ergat. — эргативный (активный) падеж.
Gen. — родительный падеж.
Gerund. — герундий глагола.
Imper. — повелительная форма глагола.
n. — имя (существительное).
n.abstr. — имя абстрактное (в том числе отглагольное).
n.adj. subst. — субстантивированное прилагательное.
n.Plur. tant. — имя, по форме во множественном числе, по содержанию в единственном.
num. — числительное.
num. ord. — числительное порядковое.
Opt. — пожелательное наклонение.
Part.act. — глагольное причастие действия (на -i).
Part.perm. — глагольное причастие длительного состояния (на -uri, -auri).
Part.stat. — глагольное причастие состояния (на -u).
pass. — неоднократно.
Pl. — множественное число.
postp. — послелог.
postp.encl. — энклитический послелог.
prep. — предлог.
pron. — местоимение.
pron.encl. — энклитическое притяжательное местоимение.
pron.pers.Dat. — энклитическое личное местоимение дательного падежа.
Sup. — супин.
v. — глагол.
v.intrans. — непереходный глагол.
v.med. — медиальный глагол.
v.trans. — переходный глагол.
Volunt. — наклонение намерения.

I. Глоссарий урартских слов

В этот глоссарий включены: 1) все урартские слова, значение которых более или менее точно установлено (без ссылки на контекст, см. глоссарий в УКН); 2) все урартские слова издаваемых текстов; 3) урартские слова, новое толкование которых предложено в комментарии. Опущены урартские слова, значение которых нам представляется недостаточно выясненным, и не разбиравшиеся в настоящей работе.

Слова расположены в порядке корней. Наращения основы к корню не отнесены.

Порядок алфавита: a; '; b (бесспорные); d; e; g/j; ḫ; i; j (бесспорные); k; l; m; n; p и b/p; q; r; s; ṣ (бесспорные); š; t; ṭ; u (также o) и w; z и z/ṣ.

A

abil- *v. trans.* присоединять.
adire *неизв.* a-di-re 7, об. 5; a-di-AL (?) 7, об. 1.
ag- (aj-?) *v.trans.* проводить, уводить. Хурр. ag- вести. *Неясная форма* a-gu-le *или* a-gu-le-te-e 7,об.7,11.
ag-un- *v.trans.* укреплять.
aḫupa *n.* род профессии или группа людей; LÚ a-ḫu-pa 7, 12.
ai-št- *v.intrans.* прыгнуть.
aine(i) *pron.* кто-нибудь. Хурр. awenne.
aiše(i) *pron.* когда-нибудь. Хурр. aweš.
ak- *местоименная основа.* Хурр. akk-.
ak-uke *pron.* вот этот самый (?); a-ku-ke 12, 1.
ala(j)e *n.adj.subst.* хозяин (??). Хурр. allae; a-la-e УКН 142, 13; a-la-jè 4, 9; 8, $y+3$; 5, [$x+9$]; a-la-jè-e 7, об. 4. *Gen. Pl.* a-la-ú-e УКН 276, об. 20; *с соотн. частицей и Abl.* a-la-ú-i-ni-né УКН 155 E, 6 и 46; Комм. 4, 9.
al(a)sui-(i)ne *adj.* великий.
alsui-še *n.* величие.
ale *pron.* который, вот какой, вот который; *частица, вводящая прямую речь*; a-le 3, 1; a-le-e 7, об. 6; *Pl.* a-le-le 7, об. 8; *Erg.* aluše.
alga *n.* граница (?). Комм. 7, 18.
ali- I (?) *неизв.* a-li-a-še 7, об. 10.
ali- II *неизв.*; a-l[i]-ú-ni 3, об. 2. *Ср.* al(i)-usi *n.adj.subst.* правитель.
ali-ke *pron.*: ali-ke... ali-ke... одни... другие...
al(i)-uke *pron.* тот, кто.
aluša-ine *adj.* ? *или* aluš-ae(-ne) *Gerund.* ? *неизв.*; a (?)-[l]u (?)-[š]á-i-né 3, 11.
am-(a)št- *v. trans.* сжечь.
an-u/ijar- *v.*; *Part.stat. вида -ed-* a-ni-ja-ar-du- непокоренный (?) УКН 155 E, 42; Комм. 3, 10; прим. 49.
aqarqe *n.* мера емкости.
ar- *v. trans.* давать. Хурр. ar-; *повест. форма 3-го л. субъекта и объекта* a-ru-ú-ni 1, 3; *Imper.* a-re-e 5, об. 2; 3, [об. 1]; a-r[e (?)] 4, 10; *Volunt.* a-ri-a-ni (!) 4, 8; *Gerund. вида -ed-* ar-(e)d-ae дань, налог, повинность; Комм. 12, VI раздел; прим. 137; *n. abstr.* ar-u-še благодеяние.
armuzi *n.* семья, потомство (?).
arni-u-še *n. abstr.* деяние.
arnu- *v. med.* приходить на помощь.
ar-š- *неизв.* aršudiaše *n.abstr. или adv.* ?; ar-šú-di-a-še-né 7, об. 7.
ar-še см. ubše.
aṣ-u(-še) *n.* праздник (?).
aš- I. *v.intrans.* бежать; *Part.stat.* a-šú беглый УКН 158, 6; 11, $x+2$; Комм. 7, 14—15, 11, $x+2$.
aš- II *v. trans.* оставлять, поселять; *повеств. форма 3-го л. ед. ч. субъекта с косв. объектом 1-го л.* a-šú-me 12, 4.
aš(a)ze *n.* доля, кошт (??) УКН 36, 19—23; Комм. 7, 7.
ašd- *v.trans.* предназначать (?); Комм. 7, 14—15.
ašdu *postp.* ради, для; Комм. 7, 14—15.
aše *n.* щит.
aše *pron.* когда (*относ.*); a-še 12, 4.
ašḫ- *v.trans.* жертвовать, учреждать (жертву). Хурр. ašḫ-; Комм. 7, 7.
ašk- *v. intrans.* ? *Sup.* áš-ka-de$_x$ 5, $x+10$.
ašt- *v. intrans.* направляться (?); *v. trans.* обращать, уподоблять; Комм. 7, 14—15.
aštiw *postp.* относительно (?); Комм. 7, 14—15.
at- *v.trans.*, *гетерограмма* KÚ есть, пожирать, истреблять.
atere *неизв.* a-te-re 9, об. 2.
atḫ- *v.trans.* разыскивать (?), находить (?); *Imper.* at-ḫe-e 4, 10; 5, [об. 2].
atibi *num.* 10 000.
atq-an(a)- *v.trans.* посвящать в жертву (?).
aṭ- *v.* ? *Part.stat.* aṭu; Комм. 7, 14—15.
awer-a-še *n. abstr.* ? род воинской профессии?
awje(i) *pron.* куда-либо. Хурр. *местоименная основа* aw-.
azibe *n.* закон, порядок; Комм. 7, 14—15.

'

'aḫ- *v.trans.*? собирать — *повеств. форма 2-го л. субъекта* 'a-a-ḫa-a-ú УКН 36, 20; Комм. 7, 7.
'al(a)d- *v.trans.*; *повеств. форма 3-го л. мн. ч. субъекта, 3-го л. ед.* (?) *ч. объекта* 'a-al-di-tú-ú-[ni] 1, 12.
'al(a)d-ul- *v.trans.*; *повеств. форма 1-го л. ед. ч. субъекта, 3-го л. мн. ч. объекта* 'a-al-du-ú-lu-le 7, 6.
'ari *n.* зернохранилище.
'aše *n.* мужчина.

B (см. также P)

baba(ne) *n.* гора, *гетерограмма* KUR. Хурр. paba(n) гора.
badg-ul- *v.trans.* осаждать (?).

batq- *v.trans.* восстановить; *Opt. вида -ed-* ba-at-qe-du-le-ni УКН 100, 7; Комм. 3, 5.
ba-u-še *n.abstr.* слово, приказ; дело; вещь; ba-ú-še 2, 1; 4, 1; 6, 1; 7, 1; *притяж. прилаг. мн. ч.* ba-ú-ši-né-le 7, об. 9.
bedi *n.* сторона (?); *postp.* в сторону, по отношению к чему-либо.
bid- *v.med.* возвращаться; *v.trans.* возвращать; *повеств. форма 3-го л. ед. ч. субъекта* bi-du-ú-ni 3, 9; *Imper.* bi-di-i 1, 7; 5, об. 2; bi-di 3, об. 1.
bid-uja(r)-še *adv.*(*отглаг.*) на обратном пути.
bura *см.* pura.
burgala *n.* союзник (?), подкрепление (?).

D/Ṭ

d- *v.trans.* делать.
da-u-še *n.abstr.*? *неизв.*; da-ú-še 7, 9.
dera *n.*сила (??); de-e-ra УКН 276, об. 36; Комм. 2, 10; прим. 31.
did- *v. trans.* делить; *Opt. 3-го л. ед. ч. субъекта и объекта* di-du-le-ni УКН 96, 4; *Gerund.* di-da-jè-e доля (?) 7, об. 1; *n.abstr.* did(i)j-u-še/i доля, имущество (*не* стадо!); di-id-jù-ši УКН 155 C, 32 и др.; Комм. 4. 10; прим. 66.
dir- *v.intrans.* быть согласным, уступать (?); Комм. 7, 7; прим. 90.
dir-u-še *n.abstr.* согласие, милость УКН 27, 13; Комм. 7, 7; прим. 90.
dirṭ-u-še (?) *adv.*, *см.* werṭuše.
dude *n.* межевой столб (?); *Allat.* du-di-jè-e-di 7, 11.
dur-b- *v. intrans.* восставать, быть мятежным. Хурр. tur-(u)b-.

E

e'i *conj.* и, а, а также; e-'i 2, 11; 7. об. 10.
ebane *n.* страна, область, гавар, *гетерограмма* KUR. ^{KUR}e-ba-né 7, 18, об. 3; *Locat.*? ^{KUR}e-b[a-ni-a (?)] 5, $x+8$; *аббревиатура* (?) ^{KUR}e-ba 10, 2.
edi *postp.* к; из-за; после, и т. д. Хурр. edi.
egur-uḫe/u *adj.* свободный (?).
ekure *неизв.*; e-ku-ri-e 7, об. 12.
elia'i (?) *неизв.*; e-li-a-'i/a 2, 9.
er- *v.intrans.* являться (?).
erele *n.* царь, *гетерограмма* LUGAL, LUGÁL; LUGAL 12, 2; LUGAL-né 12, 4; *Ergat.* LUGAL-še 3, 1; 3, 9; *Dat.*? LUGAL-le 7, 8; *с послелогом* -ka(i): LUGAL-ka 7, 7, 19, об. 2, 11.
erṣ- *v.trans.* сажать, селить (?); возвращать (?); *повеств. форма вида -ed-, 1-го л. ед. ч. субъекта* e-er-ṣe-du-ú-bé УКН 155 D, 30; 264, ур. 8 и др.; Комм. 7, 5—6; прим. 79.
esi *n.* место; e-si-i место его (?) 12, 4.
ešiate (?) *n.* слуга (?); ^{LÚ}e-ši-a-te/la 12, об. 1.
ewri *n.* господин, *гетерограмма* EN. Хурр. ewri хозяин, царь.

G (см. также J, ср. Комм. 3, 10)

gargara- *n.* панцирь.
garurda-(?) *неизв.*; *Gen.* $^{LÚ.GIŠ}$ga(?)-ru-ur-da-a 12 об. 9.
gazu *adj.* хороший, добрый, прекрасный, acc. damqu.
gu-(e)di *adv.* направо; Комм. 2, 6.
gu-, gu-(i)ne *adj.* правый, правильный, истинный, регулярный; *Dat.*? gu-né-e-i 13, 4, 10, об. 1, 8; *Pl.* gu-le УКН 27, 26; *adv.* поистине, воистину; gu-né 2, 6; 3, 4; 4, 5; 7, 4, об. 11; Комм. 2, 6.
gun-u-še *n.abstr.* битва, война.
gurbe *n.* колчан (неизд.).

H

ḫa- *v.trans.* брать, забирать, захватывать. Хурр. ḫa-.
ḫalbiw *n.* род профессии или группа людей; ^{LÚ}ḫal-bi-ú-né 12, об. 3.
ḫalule *n.* трапеза; Комм. 7, 7; прим. 89.
ḫarare *n.* мир, благополучие.
ḫare *n.* дорога, поход. Хурр. ḫari.
ḫarḫar-š- *v.trans.* разрушать.
ḫaš- *v.med.* прислушаться, внять; *v.trans.* слышать. Хурр. ḫaž-.
ḫeš-ḫe (?) *adj.* мятежный (?); ḫé (!)-eš$_{15}$-ḫe УКН 158, 6; Комм. 7, 14—15.
ḫilḫile *неизв.*; ḫi-il-ḫi-le 7, 10.
ḫine *adv.* теперь. Хурр. ḫenne; ḫi-né(-e) 3, 8; 4, 9; 5, $x+9$; 7, 16; об. 4; 8, $y+1$, $y+3$; Комм. 3, 8.
ḫube *n.* долина.
ḫurade *n.* воин, войско. Хурр. ḫuradi.
ḫur-ul- *v.trans.*; *Gerund.* *ḫur-ul-ae; *n.abstr.* *Pl.* ḫu-ru-la-a-i-ší-le УКН 27, 84; Комм. 2, 6.
ḫur-(i)š(e)-ḫe *adj.* орошающий.
ḫuš- *v.trans.* бросить, положить; отбросить, отменить; *Gerund.* ḫu-šá-a-jè-e 7, 17; *Part.stat.* ḫu-šú УКН 97, 4; 142, 4; Комм. 7, 14—15.
ḫut- *v.med.* взмолиться, вопросить. Хурр. ḫude- отмечать (?); *Part.stat.* ḫutu допрос (??); *с послелогом* -pe: ḫu-tú-né-pe 7, 15.
ḫuṭ-u-tuḫe *n.abstr.* удача. Хурр. ḫut-an-.

I

ibira *n.* совокупность, всё; i-bi-ra-a-né 7, 14.
ik- *местоименная основа*; ik-uke/a- *pron.* вот тот, тот же; ik-uka-ḫe *pron.* тот самый.
in- *местоименная основа.* Хурр. in-; ine/a- *pron.* этот; i-né 7, об. 4, 6, 10, 13; *ср.* in-uke/a-, ina-ḫe-, in-usi.-
in(u)- *n.* бог, *гетерограмма* DINGIR. Хурр. eni; DINGIR [2, 6]; 3, 4; 4, 5; 7, 4; ср. имя собств. In(u)-š(e)-šila(e);
*inae, inaine *n.adj. subst.* божественный, божество. Комм. 3, 5; прим. 39; ^{d}ineriaše *n. abstr.* божественность; ineri-ḫe *adj.* божественный; Комм. 7, 1; прим. 74.

ipḫ *v.trans.* разбивать.
ipt- *v.trans.* скрывать.
ir- *v.intrans.* быть измененным УКН 100, 5; Комм. 4, 7; *v.trans.* изменять, похищать УКН 20, об. 25; 24, об. 27, об. 34; *повеств. форма вида -ed-, 3-го л. мн. ч. субъекта* KUR.KUR^{meš} -a-še i-re-du-tú УКН 24, лиц. 27; Комм. 12, III раздел; *Opt. вида -ed-, 3-го л. ед. ч. субъекта и объекта* [i-r]e-d[u]-le-ni УКН 276, об. 22; Комм. 4, 9.
ir-b- *v.trans.* похищать; *повеств. форма 3-го л. ед. ч. субъекта и объекта* ir-bu-ni 4, 7; ir-bu-ú-ni 7, 17.
irḫ-am- *v. trans.*; *повеств. форма вида -t-, 3-го л. ед. ч. субъекта и объекта* ir-ḫa-ma-tú-ú-ni 7, 16.
isi *pron.* всякий УКН 167—70; Комм. 7, 11; прим. 94.
isi-u-še *n.abstr.* тягота (?); Комм. 12, VI разд.; прим. 137.
iṣi *n.* арык.
iša-ne *pron.* та (сторона); i-šá-né 7, 18.
išp-uj- *v.trans.* укреплять, усиливать (?); Комм. 7, 14—15; прим. 104.
ištine *adv.* там; также *postp.* Хурр. īštane середина (?).
iu *pron.* когда.
iz- *v.trans.* повелевать (?); *повеств. форма вида -ed-, 3-го л. субъекта с 1-м л. косв. объекта* i-ze-du-[me?] УКН 276, 43; *Opt. 3-го л. ед. ч. субъекта и объекта* i (?)-ze-du-le-ni УКН 276, об. 23; Комм. 4, 9.

J (см. также G)

-ja- (*под ударением*), -je (*без ударения*) *pron. encl.* его. Хурр. -(i)ja, -je; ka-ja-a-né перед ним 7, 12; ul-gu-ši-i-a-né e-di-né ради его жизни УКН 19, 13 и др.; na-(a-)pa-(a-)ḫi-(i-)a-i-di для его усмирения *pass.*; ma-a-si-né-e-i-a-né из его собственного УКН 36, 23; MÍN-e его жена 3, 7; ^{d}IM-a E[N-j]ė-e Тейшебе, своему господину УКН 267, 1; ^{d}Ḫal-di-e e-ú-ri(-i)-e Халдию, своему господину *pass.*; GIŠšur-jė-ni-ka-i-né перед его оружием УКН 155 F, 26; e-si-né-i с его места УКН 20, об. 25; Комм. 3, 7; je(i), je-ne *pron.* какой-либо, что-либо; jė-[n]i-né 7, об. 2; прим. 41.
jara(ne) *n.* род святилища.
je (?) *n.* (вино)хранилище. Хурр. ke < *ge.
ješe/a *pron.* я. Хурр. (j)iža-š (*Ergat.*), (j)iž-te (*Abs.*).

K

ka- *v.intrans.* вставать, являться (?); *повеств. форма 1-го л. ед. ч.* ka-a-di УКН 158, 11; *Part. permans.* ka-ú-ri УКН 158, 7; Комм. 7, 14—15.
-ka(i) *postp. encl.* перед, у; ^{LÚ}NÍG.ŠID.DA-ka-i 12, 12; ^{m}Ú-bi-a-bi-i-ka-i 12, об. 7; LUGAL-ka 7, 7, 19, об. 2, 11; ^{KUR}Qi-il-ba-ni-ka 12, 5.
kai *praep.* перед, у; ka-ja-a-né перед ним 7, 12; *двойной предлог* kai-pe у; ka-i-pi-ú у тебя (?) 5, *x* + 10.
kam(a)ne/a- *adj.* прежний (?), ранее упомянутый УКН 96, 4; 155 F, 1; kam(a)-na-ḫe *adv.* раньше УКН 58, 27; Комм. 3, 8; прим. 43.
kape *n.* мера сыпучих тел. *Сюда ли* ka-pi-e 7, об. 7?
kapitu *неизв.*; ka-pi-tú-né 7, 10.
kar- *v.trans.* покорить, подчинить; *Part. stat.* ka-ru-ú 7, 14.
ked-an- *v.trans.* посылать.
kire *n.* чаша; kir-ine род профессии или группа людей, м. б. „чашеносец", *Gen.* ^{LÚ}ki-ri-né-e-i 12, 8.
kubuše *n.* шлем.
kui *conj.* даже; mì ku-u-i ti-né ma-nu-ni даже имени не оставит УКН 280, 12, *ср.* man-.
kul- *v.trans.* покидать.
kul-u(j)ar-š- *v.med.* бежать. Комм. 3, 10; прим. 49.
kulme *n.* богатство (?)
kure *n.* нога.
kurne *см.* KUR-né.
kuru(ne) *adj.* сильный.
kuš- *v.trans.* воздвигать.
kuṭ- *v.med.* доходить; *v.trans.* то же.

L

lak- *v.trans.* повредить.
lulu, lulu-ine *adj.* вражеский.
lutu *n.* женщина.

M

mak- *v.trans.* бросать, выстреливать. *Ср.* хурр. mag-ann-i подарок; *Part. permans.* makuri оставленный (в живых), пощаженный; Комм. 1,12; прим. 14.
man- *v.intrans.* быть, иметься. Хурр. mann-; *повеств. форма 3-го л. ед. ч.* ma-nu (mano) 13, 2, 9, 14, [об. 2], 7; *повеств. форма вида -ed-, 3-го л. ед. ч.* ma-né-du (manedo) УКН 155 C, 28; *v.trans.* заставить быть, сделать; оставить; *повеств. форма 1-го л. ед. ч. субъекта* ma-nu-ú-bé 3,7; 7,19; *то же, 3-го л. мн. ч. субъекта* ma-nu-le 5, *x* + 9.
mare *n.* знатный (?). *Ср.* хурр. mari-an-ne. *Gen.* ^{LÚ}ma-re-jì 12, 9; mari-ḫe *adj.*; ^{LÚ}ma-ri-ḫé 15, 4.
mane *pron. adj.* его. Хурр. mani; также ma-(u)si (его) собственный.
-me *pron. encl.* мне; ú-i-me-e мне не... 5, *x* + 5; a-šú-me поселил(и) мне (нам) 12, 4.
meb/p- *v.trans.* зарывать.
meš- *v.trans.* собирать; *n.abstr.* meše [< *me(š-u)-še] дань.
mi *conj.* (пусть) не; ни; кроме; mì-i 3, 11.
muná *n.* река.
mure *n.* род строения, м. б. = É.GAL (*см.*)? Комм. 3, 8; прим. 47.
muṣe *adj.* верный, истинный.

N

na- *v. trans.; повеств. форма 1-го л. ед. ч. субъекта* na-ú-bé 7, 15.

naḫ- *v.intrans.* вступать; *v.trans.* вносить; *Sup.* na-ḫe-di-né УКН 155 B, 58; Комм. 7, 14—15.

nap-aḫ- *v.trans.* усмирять(?); *Sup. с притяж. местоимением* na-a-pa-a-ḫi-i-a-i-di для его усмирения УКН 127, II, 34 и др.; Комм. 3, 7; прим, 41.

nara *n.* люди, народ, население, *гетерограмма* LÚUKÙ; LÚUKÙ qa-i-ta-a-né 12, об. 6, *ср.* unqaita-; *n.abstr.* LÚUKÙ-še 12, 16.

nik- *v.trans.* разлиться (?).

nips- *v.trans.* зарезать (?).

nir(i)be *n.* скот.

nul-d- *v.trans.* править (?) (*м. б. вид -ed-*: nul-d- < *nul-ed-?).

nul-(u)št- *v.trans.* править (?) УКН 127, II, 42.

nun- *v.intrans.* прибывать; быть доставленным; *повеств. форма 3-го л. мн. ч.* nu-n[a]-a-le 7, 10.

P (B/P)

pal- *v.med.* лгать. Хурр. pal-. *Повеств. форма 3-го л. ед. ч.* pa-li-a-bé 7, об. 2.

pan-ed-ḫe *adj.* пустынный УКН 58, 28; Комм. 3, 8; прим. 43.

paḫe/ane *n.* бык, крупный рогатый скот, *гетерограмма* GUD; GUD 2, 8; 10, 3; 13, 3, 5, 9, 11, 12, об. 2, 5, 7, 9, 10, 11. *Ср.* GUDÁB.

par- *v.trans.* уводить; *повеств. форма вида -t-, 1-го л. ед. ч. субъекта* pa-ra-tú-ú-bé 7, 18.

par-ul- *v.trans.* уводить; *повеств. форма вида -t-, 1-го л. ед. ч. субъекта, 3-го л. ед. ч. объекта* pa-ru-ul-tú-ú-bé 7, 7; *Opt. 3-го л. ед. ч. субъекта, 3-го л. мн. ч. объекта* (?) pa-ru-le-le 7, об. 12.

pare *pron.* до; pa-re-e 7, 11.

patare *n.* город, селение, община, *гетерограмма* URU; *Abs. или Ablat.* URU 12, 1; *Ergat.* URU-ri-še 2, 10; *Dat.* URU-e 10, 1.

-pe *postp. encl.* под; ḫu-tú-né-pe 7, 15.

pile *n.* канал. Хурр. pala?

piṣ-u-še *n.abstr.* радость. Хурр. pis- радоваться.

pit- *v.trans.* разбивать, уничтожать. Хурр. pitt-ugar-?

b/pul-usi *n.adj.subst.* стела; NA,b/pu-lu-si-né-[e(?)] 1, 11.

b/purá *n.* раб, *гетерограмма* LÚERÈ. Хурр. purame; LÚERÈ 4, 6; *Pl.* (?) LÚE [RÈ^meš (?)] 11, *x*+3; *Dat. Pl.* (*или Allat. Pl.*?) LÚERÈ-u+e (LÚERÈ-di?) 1, 6. *Ср. имя собств.* Ḫaldi-p/bura.

Q

qabq-ar-(š-) *v. trans.* окружать, стоять кругом, присутствовать, свидетельствовать (?) *наклонение -lalani* [qa-ab-qa-]ar-šú-la-la-ni УКН 34, 3; qa-ab-qa-šú-la-la-ni УКН 30, 10; Комм. 4, 8; *Part. act. Pl.* (?) qa-ab-qa-ri-le-né УКН 27, 25; Комм. 2, 6.

?qaita- *n.* род профессии или группа людей; LÚUKÙ qa-i-ta-a-né 12, об. 6. См. также unqaita-.

qarbe *n.* скала(?).

qarme-ḫe *n.adj.subst.* празднество (?).

qasa *неизв.* qa-sa(?)-a-né 7, об. 3.

qewrá *n.* земля, *гетерограмма* KI^tim. Хурр. ḫawr-; *Pl.* KI^tim.meš 1, 5.

qulde *adj.* бесплодный.

quṭure *n.* категория рабов? *Dat. Pl.* (*или Allat. Pl.*) qu-ṭu-ra-u + e (qu-ṭu-ra-di?) 1, 6; *ср.* LÚqu-[. . . .] 11, *x*+5.

S

salm-(a)t-ḫe *adj.,adv.* совместный, вместе с; Комм. 7, 14—15.

se *n.* пастырь, пастух (?).

selá *n.* дочь. Хурр. šala; ^f se-la-a 3, 5.

sid- *v.treans.*; *повств. форма 3-го л. ед. ч. субъекта и объекта* si-du-ú-ni 7, об. 1; *повеств. форма вида -t-,1-го л. ед. ч. субъекта* si-di-tú-bé 2, 8.

si(j)- *v.intrans.* бояться; Комм. 2, 10; прим. 31.

silw- *v.intrans.* проявить благосклонность(?); Комм. 1, 12; прим. 14.

sira- *n.* стадо УКН 127, IV, 74; Комм. 4, 10.

sir(a)-še *n.abstr.* пастбище i-né e-si z/ṣa-du-ni si-ir-ši-ni-e УКН 63, 2; Комм. 4, 10.

suid- *v. trans.* сдвигать, отбрасывать (*вид -ed-*: su-i/ed-?).

sud- *v.trans.* (?); *Allat. Infinitivi* (*?*) su-du-me-né-e-di 7, об. 8. *Ср.* хурр. *окончание Inf.* -umme.

sud-(u)št- *v.trans.*; *повеств. форма 3-го л. ед. ч. субъекта и объекта* su-du-uš-tú-ú-ni 7, 13; *Part. stat.* su-du-uš-tú-ú 7, об. 8.

suḫurda-ḫe *n.adj. subst.*; su-ḫur-da-ḫe 7, 8.

sul-(u)št- *v.intrans.* склоняться, падать ниц; *v.trans.* положить; предназначить (?); *повеств. форма 3-го л. ед. ч. субъекта и объекта* su-l[u]-uš-t[ú]-ú-[ni(?)] 2, 12.

sule *n.* род орудия или дерев. предмета; GIŠsu-le-e 7, 9. *Ср. Allat.* su-li-e-di УКН 128 A, 4, 6.

sure *неизв.*; su-re 7, 9.

suse *n.* святилище.

suṭ(u)q- *v.trans.* вырвать (?).

Ṣ (см. также Z)

ṣipi(ka)- *n.* род профессии или группа людей; LÚṣi-pi-ka-a-né 12, об. 5.

ṣir-ab-ae *adj. или Gerund.* необитаемый (?).

ṣue *n.* озеро; *adj.* ṣu-ine; *n.abstr.* *ṣu-ini-še.

Š

šale/a *n.* год, *гетерограмма* MU. Хурр. šawala; MU 12, 1.

ša(ne) *n.* сосуд.

šat- *v. trans.* брать, схватывать. *Ср.* šuḫe.

šeḫe (?) *n.* чистый; хурр. šeḫ-al- очищать; *Allat.Pl.* še-ḫa-di DINGIR-a-né чистым богам УКН, 281, 25.

šeḫe-ere *adj.* живой, *гетерограмма* TI, TI.LA; še-ḫe-[re(?)] 13, об. 3. *Ср.* TI.

šep/b-ujar- *v.trans.* портить; *Volunt. вида -ed-, 3-го л. ед. ч. субъекта и объекта* še-p/bu-ja-ar-di-a-ni УКН 169, 5; *Cond. 3-го л. ед. ч.* še-p/bu-ja-li-e = *šep/b-uja(r-u)-l-ejə УКН 169, 20; Комм. 3, 10; прим. 49. *Ср.* хурр. ši/ep- заклинание (?).

šeri *adv.* отдельно.

ši- *v.intrans.* уходить, отправляться; *повеств. форма 3-го л. ед. ч.* ši-a-bé 7, 12; *v.trans.* посылать; *повеств. форма 3-го л. ед. ч. субъекта и объекта* ši-ú-ni 2, 2, [10]; 4, [2]; 6, [2]; 7, [1]; 9, [об. 1]; *3-го л. ед. ч. субъекта и 1-го л. мн. ч. объекта* ši-ú-di-le 7, об. 5.

LÚšia *аббревиатура* (?) от šiardia, *см.*(?).

ši-ar-(e)di-a *adj. от Sup.* *ši-ar-(e)di посылаемый, лазутчик(?); *Pl.* LÚši-ar-di-a-le 7, 5.

šid- *v.trans.* строить; šid-(i)št- *v.trans.* построить.

šil- *v.*; *Gerund.* šilae; *см. имя собств.* In(u)-š(e)-šila(e).

šine *неизв.*; ši-ni-né 7, об. 11.

*šiše *num.* три, *гетерограмма* III; III-še 7, 15; ši-ši-né(!) MU три года УКН 128 B1, 34; *ср. num. ord.* šištine (< *šiše ti-ne „три по имени"?), *šiš-uḫe/a- третий (*Ablat.* ši-šú-ḫa-né); Комм. 7, 15.

š(u)- *v. trans.* насыпать (?)

šu-ḫe *adj.* новый; Комм. 3, 5; šuḫe šat- = = акк. ana eššūti ṣabātu заново заселять.

šu(i)- *местоименная основа косвенных падежей 1-го л.* Хурр. šu-; š(ui)-uke/a *Pron. pers. Dat.* мне; š(ui)-usi мой; Комм. 8, *y* + 1 и стр. 53.

šu(i)-ine *adj.* иной, чужой, другой (?); всякий (?). Хурр. šue всё; šú-i-né 5, об. 1.

šule *adj.* заброшенный, необработанный (?).

šure *n. Sg.* оружие; *Pl.* вооруженные силы, племенное ополчение, народ, *гетерограмма* (LÚ) KUR.KUR(meš); *Gen. Pl.* LÚKUR.KURmeš-e 12, 15; Комм. 12, III раздел. *Ср.* šuri-š(e)-ḫe *n. adj. subst.* арсенал (?).

šuse *num.* один; *adj.* некий; šú-se-e 3, 5.

šuše *n.* баран, *гетерограмма* UDU; šú-še 10, 6; UDU 10, 4.

T

tamḫ- *v.trans.* удалять, полонить.

tan- *v.trans.* сооружать. Хурр. tan- делать.

tara(e) *adj.* большой, старший; tar-a 12, 2; tar-a-né 7, 8.

tara-ne *num. ord.* второй (?).

tar(a)mana/e-le *n. Pl. tant.* источник (?) *или* водопой (?); Комм. 4, 10.

tarde/a *adj.*; tar-di-né 13, об. 3. *Сюда ли* tarda-š(e)-ḫe *n.adj. subst.* род профессии или группа людей(?) *Gen.* LÚta[r](?)-da-áš-ḫi-e 12, 7.

taršua(ne) *n.* люди, мужи, *гетерограмма* LÚ. Хурр. taršuwa; LÚ 7, [об. 4], 6, 10, 13; 12, об. 10; *Pl.* LÚmeš 12, об. 11; *taršua-tuḫe *n. abstr.* люди, челядь, полон. *Существование этого слова сомнительно.* Комм. 5, *x* + 8.

taše *n.* дар. Хурр. tašše.

tašm- *v.trans.* полонить (?); tašm-u-še *n. abstr.* пленный.

tautuḫe *n. abstr.* (живая) добыча, полон, *гетерограмма AMĒLU-TÚ*-ḫe, LÚ-ú-tú-ḫe; L[Ú(?)]-ú-tú-ḫe 5, *x* + 8.

te (?) *неизв.*; te-e 7, об. 7, 11. *См.* ag-!

ter- *v.trans.* положить, установить, устроить, *гетерограмма* GAR (УКН 27, 25); *повеств. форма вида -t-, 1-го л. ед. ч. субъекта* te-er-tú-ú-bé 7, об. 3; *Imper.* te-re-e 7, об. 9; *Opt. вида -ed-, 3-го л. ед. ч. субъекта и объекта* te-er-du-le-ni УКН 63, 5 и др.

teš- *v. intrans.* созревать (?); хурр. teža-ḫe старший, главный (?); УКН 65, 24—32; Комм. 7, 7.

ti(ja)- *v.trans.* говорить. Хурр. tiwe слово; *Imper.* ti-i-e 3, 1; 2, 2; 4, 2; 6, 2; ti-e 7,2.

ti-(i)ne, *n.adj. subst.* имя.

tur- *v.trans.* уничтожать.

tuw-ae *adj.* чистый.

Ṭ

ṭe-ae *adj.* большой. Хурр. te-ae.

ṭer-usi *n.adj. subst.* мера емкости.

ṭub-ar- *v.trans.* вручать (?), укреплять (?). *Ср.* хурр. tupp- быть сильным.

U, W

u- *v.trans.* просить, *ср.* акк. uṣal[li]; УКН 264, ур. 3, Комм. 7, 7; прим. 90.

-w *pron. encl.*, *показатель 2-го л.*; ka-i-pi-ú (?) 5, *x* + 10; *ср.* Комм. 7, 7; прим. 90.

ubše *n.abstr.* юношество, юноши (?);

ub-ar- *v.trans.* приказывать (?).

wedia- *n.* женщина.

weli *n.* отряд, ополчение (?)

werṭuše (?) *adv.* u + e-(? *или* de-)er-ṭu-še 4, 8.

ui *отрицание* не; ú-i 2, 10; 4, 7; 7, об. 2; ú-i-me-e мне не 5, *x* + 5; *О синтаксисе см.* Комм.

uj- *v. intrans.* поступать (в доход); Комм.

7, 7; *v.trans.* доставлять (доход) УКН 36, 19—23; Комм. 7. 7.
*uj-al- *v. intrans.* поступать (в доход) (?); *Sup.* uj-al-(e)di доход (?) УКН 127, VI, 15; Комм. 7, 7.
-uká- (*второй слог под ударением*), -úke (*второй слог без ударения*) *pron. encl.* мой.
ul- *v.intrans.* пойти, прийти; *повеств. форма 3-го л. ед. ч.* ú-la-b[é] 12, 3; ú-le 7, об. 10 *см.* une-.
ul- *v. trans.* увести.
ul-(u)št- *v.intrans.* пойти; предшествовать.
uldi/e *n.* виноградник; *сюда ли* ul-d/ṭa 2,8 — *Loc. Pl.*?
ulg-u-še *n.abstr.* жизнь.
ule *pron.* иной, другой. Хурр. oli.
ulṭu *n.* верблюд; *сюда ли* ul-d/ṭa 2, 8 — *Loc. Pl.*?
une- *неизв.; Pl.*? ú-né-le 7, об. 13; *Pl. Dat. или Gen.* ú-na-u + e (*или Pl. Allat.* ú-na-di?) 7, об. 4; *неизв.* ú-na-i-né 7, об. 6; ú-le 7, об. 10. *Ср.* ú-né УКН 36, 21; 142 *pass.*; 167, 8; 264, ур. 13.
unqaita-? *Ср.* qaita-; LÚun-qa-i-ta-a-né 12, об. 6.
ur-ul- *v.trans.* обработать, возделать (?). Хурр. ur- делаться; *повеств. форма 3-го л. ед. ч. субъекта и объекта* ú-ru-lu-ni УКН 268, 12, 16.
ur-i-š(e)-ḫe *n.adj. subst.* орудие.
ur-i-š(e)-ḫ(e)-usi *n.adj. subst.* относящийся к орудиям, склад орудий.
urbu (*не* urpu!) *n.* жертва. Хурр. urb-ar- жертвовать. Комм. 2, 11.
urb(u)-ine *adj.* жертвенный; *Allat.* ur-bi-né-e-di 2, 11.
u(š)-št- *v.intrans.* выходить, выступать; *v.trans.* посылать; *повеств. форма 1-го л. субъекта* uš-tú-ú-bé 2, 9; *Imper.* ú-ši-e 4, 10; 5, об. 1; 7 об. 5.
u-še *n.abstr.* мольба, просьба, акк. [ut]-nēnu; *Ablat.* uš-ji-né УКН 19, 20; *сюда ли* ú-še 7, об. 6?
ušḫ-an- *v.trans.* жаловать, даровать (?). *Ср.* хурр. ušḫu серебро?
ušm-a-še *n.abstr.* сила, могущество (?).
wula- *неизв.*; ú-ú-la-ni 7, об. 12.
wuša/e- *n.*снабжение, довольствие, обеспечение (?) УКН 36, 23; 128 B1, 26; Комм. 7, 7; *Pl.* ú-ú-šá-a-le 7, 7.

Z/Ṣ

zabzi/e *n.; Allat.* za-ab-zi-jè-e-di 7, 16.
z/ṣad- *v. trans.* делать, строить; *повеств. форма* z/ṣa-du-[. . .] 8, *x* + 2; *Imper.* z/ṣa-de-e 4, 9; 5, об. 1; [8, *y* + 3]; z/ṣa-de 7, об. 5.
zainuedi *adv.* сверху.
z/ṣaluine *n.adj. subst.* род орудия или дерев. предмета; *Loc. Pl.* (?) GIŠz/ṣa-lu-i-na 7, об. 9.
z/ṣan- *v.intrans.* быть любезным (??); *повеств. форма вида -ed-, 3-го л. ед. ч.* za-né-da-bé 2, 6; 3, 4; 4, 5; 7, 4.
z/ṣana-ne *adj.* любой (??) УКН 96, 4; Комм. 3, 8; прим. 43.
z/ṣare *n.* сад, роща.
z/ṣaš- *v.trans.* укреплять, усиливать; z/ṣaš-(a)e *Gerund.* сильный, *Pl.* z/ṣa-šile УКН 20, 32; z/ṣa(š)-še *n. abstr.* сила.
z/ṣašg- *v.trans.* убивать.
zeld- (*или вид -ed- от* zel-?) *v. trans.* утеснять.
zil(i)be *n.* семя, потомство.
zir-b- *v.* восставать; Комм. 7, 14—15.

II. Фрагментарные слова в издаваемых текстах

a-[. . . 15, 4.
al-[. . . 8, *x* + 1.
bi(?)-[. . . 9, об. 2, 3.
da(?)-[. . . 16, *x* + 2.
e'-[. . . 5, *x* + 6.
ḫar-[. . . 15, 5.
i-[. . . . .]-nu 13, об. 12.
li(?)-li(?)-[. . . (*или читать* ka-ka = INIM.INIM?) 16, *x* + 3.
šú-šú-*x*-[. . . 11, *x* + 4.
t[a(?)- . . . 8, *y* + 1.
tar(?)-ur(?)-[. . . 16, *x* + 3.
u + e(?)-[. . . 5, *x* + 5; 9, об. 4.
u + e(?)-n[i(?)-... 5, *x* + 7.
LÚ*x*-[. . . 1, 9.
LÚ*y*-[. . . 11, *x* + 3.
[*x*-r]u-[*x*] 1, 3.
. . .]-a 15, об. 3.
. . .]-*x*-da-a 9, об. 4.
. . .]-*x*-le 9, об. 3.
. . .]lijaše = акк. pal[ḫiš] почтительно УКН 264, ур. 12; Комм. 4, 8.

III. Гетерограммы

Приводятся только гетерограммы, встречающиеся в издаваемых текстах или разбираемые в комментариях к ним.

А. Шумерские

II *num.* два; *Dat.* II-u + e (*или Allat.* II-di?) 1, 6.
III *num.* три, *см.* šiše (?).
LÚA.NIN-li *n.* царевич 4, печ. 2; 7, печ.
ÁB, GUDÁB *n.* корова 13, [3], 5, 7, 11, 12 (!), 14, об. 5, 9, 10, 11, 13.
AM.SI *n.* слон; AM.SImeš слоны 13, об. 3.
LÚANŠU.GÌR.NUN.NA *n.* погонщик мулов 12, об. 8.
ANŠU.KUR.RA *n.* лошадь 2, 7; 7, 8, 17.

BABBAR (=UD, U_4) *adj.* белый; ÁB.BABBAR белая корова 13, об. 7.
DINGIR *n.* бог, *см.* in(u)-.
DUMU *n.* сын 12, 2; ^{LÚ}DUMU 7, 13.
É *n.* дом, хозяйство, участок; É 7, об.10; É-né 1, 7; É-jè 5, *x*+4.
É.BÁR *n.* святилище; *Ablat.* É.BÁR-ni-i-né 12, 6.
É.GAL, *чт.* mure (??) *n.* дворец, крепость; дворцовое хозяйство; *Gen.* É.GAL 12, об. 1, É.GAL-i 12, об. 2; *Ablat.* É.GAL-né 3, 8.
É.GAL^{meš}-a-ši-le *производное имя на -a(e)-še-le, не „дворец“!* Комм. 3, 8.
^{LÚ}É.TIN *n.* винодел(ы) (?) 1, 4; ^{LÚ}É.TIN^{meš}-né 12, об. 4.
^{LÚ}ERÈ *n.* раб, *см.* b/purá.
ERÉN *n.* люди, воины, отряд 16, *x*+4; *Allat. Pl.* ERÉN-a-di 2, 7.
^{f}GAD *n.* „женщина полотна“, ткачиха (?), ткач (?); *Gen.* ^{f}GAD-ḫi-e 12, 13.
GAR *n.* = акк. *ŠAKNU* наместник УКН, 167, 5; Комм. 7, 5—6.
GAŠAN$_x$ (*так читать? В тексте* SIG$_7$) *n.* госпожа; GAŠAN$_x$(?)-né 15, 1; *Gen.* (?) GAŠAN$_x$(?)-i 4, 6.
GÌR.NUN.NA *n.* мул 7, 9; *ср.* ^{LÚ}ANŠU.GÌR.NUN.NA.
GÙB-di *adv.* налево УКН, 96, 3; Комм. 2, 6.
GUD, *чт.* paḫa/ene *n.* бык; крупный рогатый скот 2, 8; 10, 3; 13, 3, 5, 9, 11, 12, об. 2, 5, 7, 9, 10, 11; *ср.* ^{GUD}ÁB.
IGI.É *см.* U_6.
^{d}IŠKUR (*так читать! В тексте* ^{d}'A) *n.* бог Тейшеба 10, 1.
KIŠIB *n.* печать 2, печ. 2; 4, печ. 2; 7, печ.
KI^{tim} = акк. *ERṢETIM^{tim}*, *чт.* qewrá, *см.*
^{LÚ}KUG^{meš} *n.* „человек денег“, назв. должности 3, 2.
KUR-né *неизв.* 13, 4, 10, об. [1], 8; *ср.* ebane.
^{LÚ}KUR.KUR^{meš} *см.* šure(le).
KUŠ *n.* кожа 10, 3, 6, 7 (*один раз* описка: ZU вм. KUŠ).
LÚ *n.* люди, мужи, *см.* taršua.
L[Ú(?)]-ú(?)-tú-ḫe = акк. *AMĒLU-Ú-TÚ-ḫe n.abstr.* (живая) добыча, полон, *см.* tautuḫe.
LUGAL, LUGÁL *n.*, *чт.* erele, *см.*
MÁŠ.TUR *n.* козленок 6, 4.
MÍN *n.* женщина, жена; *Abs.+pron.encl.* MÍN-e жена его 3, 7.
MÍN-TUR *n.* девочка, девушка 4, 7.
MU *n.*, *чт.* šale, *см.*
^{LÚ}MU(^{meš}), собственно ^{LÚ}MUḪALDIM(^{meš}) *n.* пекарь, повар; ^{LÚ}MU 3, 6; ^{LÚ}MU^{meš} 3, 3.
^{LÚ}NA.KAD *n.* старший пастух.
^{LÚ}NA$_4$.DIB *n.* „держатель печати“, назв. должности — заведующий персоналом царского хозяйства (?) 1, 10; 2, 3; *Allat.* ^{LÚ}NA$_4$.DIB-di 6, 3; 4, [3].
NAM *n.*; Комм. 7, 2.
^{LÚ}(EN.)NAM *n.* наместник, начальник области; *Allat.* ^{LÚ}NAM-di 7, 2.
NÍG *n.* вещь, нечто; имущество *Pl.* NÍG^{meš} 7, 10.
^{LÚ}NÍG.ŠID(.DA) *n.* „человек счета“, название должности; ^{LÚ}NÍG.ŠID 2, 4; *с послелогом* -kai: ^{LÚ}NÍG.ŠID.DA-ka-i (находящиеся) у „человека счета“, 12, 12.
PAP *знак итога* 12, 9, об. 11; 13, 7, 12, об. 5, 10, 11.
SÍG *n.* шерсть 10, 4, 6.
^{LÚ}ŠE.NUMUN-ḫu *n.* „человек посева“, назв. должности или профессии 5, об. 3; 7, 3.
ŠI.AB *неизв.* 10, 4; ср. ZAG.ŠI(.AB).
TI *n.* жизнь?, живой (*в посл. случае чтение* šeḫere, *см.*) [2, 6]; 3, 4; 4, 5; 7, 4.
TÚG *n.* ткань, одежда 10, 4, 6.
TUR *adj.* малый; *чт. также* DUMU, *см.*; ^{m}TUR-ta-ta-a-še имя собственное (*Ergat.*) 6, 1.
TUR-ḫe *adj.* малый, маленький 5, *x*+7.
UDU *n.* баран, *чт.* šuše, *см.*
UDU.GAL *n.* баран-производитель 13, 6, 7, 11, 12, об. 4, 9, 10, 11.
^{LÚ}UKÙ *n.* люди, народ, *чт.* nara, *см.*; ^{LÚ}UKÙ qa-i-ta-a-né 12, об. 6 (*чтение сомнительное, ср.* qaita-, unqaita-!).
^{LÚ}UR.ZÍR *n.* псарь 12, 14.
URU *n.* город, селение, община, *чт.* patare, *см.*
ÙZ *n.* коза 10, 7.
ZAG.ŠI(.AB) *неизв.*; ZAG.ŠI.AB 10, 3—4; ZAG.ŠI 10, 5.
ZÍZ *n.* эммер, полба; [. . . Z]ÍZ(??) 2, 7.

Б. Аккадские

AMĒLU(.Ú).TÚ-ḫe (= LÚ-ú-tú-ḫe) *n.abstr.* (живая) добыча, полон, *см.* tautuḫe.
ERṢETIM^{tim} (= KI^{tim}) *n.* земля, *см.* qewra.
^{LÚ}*ŠÁ.RĒŠI* *n.* евнух; ^{LÚ}*ŠÁ.RĒŠI* 12, об. 2; ^{LÚ}*ŠÁ.RĒŠI^{meš}* 12, 10.
U_4.ME *n.* день, дни; 7, 15.

IV. Имена собственные лиц, упомянутых в издаваемых текстах

A

Abiliane *и. с. „держателя печати“* (^{LÚ}NA$_4$.DIB); *Ergat.* ^{m}A-bi-li-a-ni-še 1, 10.

Abiliuqu(ne) *и. с.*; ^{m}A-bi-li-ú-qu-[né (?)] 5, *x* + 3.

Aka'a *и. с. наместника области Мана (?)*; *Gen.* ^{m}A-ka-'a-a 12, 3.

Aliaw *и. с. „человека посева“* (^{LÚ}ŠE.NUMUN-ḫu); *Ablat.* ^{m}A-li-a-ú-né 7, 3.

Aluane *и. с. пекаря (повара); Dat.* ^{m}A-lu-a-ni-jè 3, 10; *Ablat.* ^{m}A-lu-a-ni-né 3, 3.

Alunata (?) *и. с. общинника*; *Ablat.* ^{m}A-lu(?)-na-ta-a-[né] 7, 3.

Argište/i *и. с. царя Аргишти II*; *притяж. прилаг.* ^{m}Ar-giš-t[e-ḫ]i-n[é] (*Abl. ?*) 12, 1; ^{m}A[r(??)-. . . . . .] 3, печ. (??).

Aru. . . (?) *и. с. (?)*; ^{m}(?)A(?)-r[u. . . 8, *x* + 3.

D

Didine (?) *и. с., см.* Wedine (?).

E

Erimena *и. с. царя*; ^{m}E-[r]i-me-n[a-n]é 3, печ.

Ḫ

Ḫald(e)i-b/purá *и. с. „человека денег“* (^{LÚ}KUG^{meš}); *Allat.* $^{m.d}$Ḫal-di-ERÈ-di 3, 2.

Ḫa[ld(e)i-b/purá(?)] *и. с. „человека счета“* (^{LÚ}NÍG.ŠID); *идентичен с предыдущим?*; *Allat.* $^{m.d}$Ḫa[l-di-ERE(?)-di] 2, 4.

Ḫald(e)i-b/purá *и. с.*; $^{m.d}$Ḫal-di-ERÈ-a-né 7, 5; $^{m.d}$Ḫal-di-ERÈ 7, 15.

Ḫanun[e. . .] *и. с. общинника; Ablat.* ^{m}Ḫa-nu-n[é. . .] 2, 5.

Ḫuká *и. с. раба-quṭure(?)*; *Gen.* ^{m}Ḫu-ka-a-i 1, 8.

I

In(u)š(e)-šila(e) *и. с.*; *Ergat.* ^{m}I-nu-uš-ši-la-a-še 7, 1.

Ištá *и. с.*; *Dat.* ^{m}Iš-ta-a-jè 8, *y* + 2.

K

Kulu (?) *и. с. старшего пастуха* (^{LÚ}NA.KAD); *Dat.* (?) ^{m}Ku(?)-lu-jì-i 4, 4.

M

Muidá *и. с. пекаря (повара); Gen.* ^{m}Mu-i-da-a-i 3, 6.

B/P

B/Pu. . . *и.с. „держателя печати“* (^{LÚ}NA$_4$.DIB); *Allat.* ^{m}B/Pu-*x*[-*x*-di] 2, 3.

Q

Qadi(?) *и. с. (?); Allat.* ^{m}Qa(?!)-di(!)-e-dī 13, 8; ^{m}Qa(?!)-di-e-di 13, 13, об. 6.

Qutubile *и. с. раба-quṭure(?); Gen.* ^{m}Qu-tú-bi-le-i 1, 8.

R

Rusá *и. с. царя Русы II*; ^{m}Ru-sa 1, печ.; *Gen.* ^{m}Ru-sa-a 12, 1; *притяж. прилаг.* [^{m}Ru-sa-]a-ḫé 2, печ. 2; ^{m}Ru-sa-ḫe 4, печ.,1; *Ergat.* ^{m}Ru-sa-a-[ḫi]-n[i-še] 1, 2; ^{m}(?)R[u-(??). . . . . .] 3, печ. (??).

Rusá *и. с. царевича (сына Русы II?); Gen.* ^{m}Ru-sa-a-i ^{m}Ru-sa-ḫe 4, печ. 1; *Ergat.* [^{m}Ru-sa-]še (??) 4, 1.

S

Sardure/i *и. с. царя Сардури III*; ^{m}Sar$_5$-du-ri 1, печ.; [^{m}]·^{d}Sa[r$_5$]-d[u-r]i 2, печ. 2; *Ergat.* $^{m.d}$Sar$_5$-du-ri-i-še 1, 1; *притяж. прилаг.* [^{m}]·^{d}S[a]r$_5$-d[u(?)]-ḫe 5, печ.

Sardure/i *и. с. царя Сардури IV*, $^{m.d}$Sa[r$_5$-du-ri(?) ^{m}]·^{d}S[a]r$_5$-d[u(?)]-ḫe 5, печ.

Ṣ

Ṣipa *и. с.*; ^{m}Ṣi-pa-a-né 7, 19; *притяж. прилаг.* ^{m}Ṣi-pa-a-né 7, 12.

Š

Šaga (Šaja) *и. с. сына царя ишкугульского (?)*; ^{m}Šá-ga DUMU tar-a LUGAL Iš-qu-gu-ul-ḫi-e 12, 2 (*или читать* ^{m}Šá-ga-TUR-tar-a LUGAL Iš-qu-gu-ul-ḫé-e?).

T

Tata *и. с. раба; Ergat.* ^{m}Ta-ta-a-še 4, 6.[1]

TUR-tatá *и. с. Ergat.* ^{m}TUR-ta-ta-a-še[1] 6, 1.

U, W

Ubiabi *и. с. должностного лица*; ^{m}Ú-bi-a-bi-i-ka-i (находящиеся) у Убиаби 12, об. 7.

---

[1] Из *tatae, *Gerund.* от глагола *tat- 'любить'? Ср. хурр. tad- 'любить'. Аналогично образованы, вероятно, имена Ḫu-ka(e), Mu-ed-ae и др.

Wedine (?) *и. с. должностного лица; Ergat.* ^{m}U + e-di-i-ni-še (или читать ^{m}Di(!)-di-i-ni-še?) 1, 9.

Urade/i *и. с.*; ^{m}Ú-ra-di-né 7, 6, 14.

Urma(?) *и. с. наместника* (^{LÚ}NAM); *Allat.* ^{m}Ur(?)-ma-a-di 7, 2.

Z

Zu[. . .]a *и. с.*; *Ergat.* ^{m}Z[u-*x*]-a-[š]e 2, 1.

[. . . . . .]a, *и. с. отца* Ḫanun[e. . .]; *притяж. прилаг. Ablat.* [. . . . . .]-a-ḫi-né 2, 5.

[. . . . .]a (?), *и. с.* (?); ^{m}(?)[*x*-*x*]-a-né 5, *x* + 6.

[. . . . .]le/i, *и. с. „держателя печати“; Allat.* [^{m}. . . . .]-li-i-di 4, 3.

(Неизвестное теофорное имя), и. с. царя (?); . . .]$^{m.d}$[. . .(?); 9, печ.

(Неизвестное теофорное имя), и. с. $^{m.d}$[*x*-*x*-*x*]-né 5, об. 3.

(Неизвестное имя), и. с. „держателя печати“; [^{m}*x*-*x*]-*x*-di 6, 3.

V. Имена собственные божеств, упомянутых в издаваемых текстах

'A см. Teišeba (^{d}IŠKUR).

Ḫäldi; ^{d}Ḫal-di-né 12; *см. также теофорное имя* Ḫald(e)i-b/purá.

Sardi (?) *в теофорном имени* Sarduri, *см.*

Teišeba (^{d}ISKUR) 10,1.

VI. Имена собственные географические, упомянутые в издаваемых текстах и комментарии, и производные от них

A

Arṭe(ne) *и. с. горы; Dat. (?)* ^{KUR}Ar-ṭè-ni-e 7, 11.

'Az/ṣa *и. с. области около городища Армавир; Loc. (?)* 'A-z/ṣa-a ^{KUR}e-ba 10, 2.

D

Dirju *и. с. области*; ассир. Dirria; Комм. 3, 10.

I

Ija(ne) *и. с. страны*; ^{KUR}I-ja-a(-né) = ^{KUR}I-ja$_{9}$-a(-né), ^{KUR}I-ga-a(-né); Комм. 3, 10.

Irdiw *и. с. общины в Закавказье; притяж. прилаг.* ^{URU}Ir-di-ú-né 7, 13.

*Išqi/ugul(u) *и. с. области в Закавказье; притяж. прилаг. Gen.* Iš-qu-gu-ul-ḫi-e 12, 2.

M

Mana *и. с. области у Урмийского озера; Allat.* ^{KUR}Ma-na-i-di 12, 3.

B/P

B/Puliw *и. с. области; притяж. прилаг. Gen.* LÚ ^{KUR}B/Pu-li-ú-ḫi-e 12, об. 10.

Q

Qilba(ne) *и. с. области*; ^{KUR}Qi-il-ba-ni-ka около Q. 12, 5.

Qudu (*или* Qudunile) *и. с. селения; притяж. прилаг. (?), Loc. Pl.* ^{URU}Qu-du-na 1, 5.

R

Rusa(i) patare (TUR) *и. с. города около с. Бастан около Маку; Abl.?* ^{m}Ru-sa-a URU ^{m}Ar-giš-t[e-ḫ]i-[né] 12, 1.

Rusaḫinele *п. Pl. tant. и. с. города, ныне городище Топрах-кале около Вана; Loc.* ^{m}Ru-sa-a-ḫi-na 12, 5.

Š

Šane-ḫe *название племени или обозначение принадлежности к селению* *Šane?; ^{m}Šá-né-e-[ḫ]i-[n]é 1, 4.

Šupa *и. с. селения или общины*; ^{URU}Šú-pa 13, об. 12, 13, 14.

T

Teišeba(i)-patare(?) *и. с.* „Город Тейшебы“ = Teišebaini (patare)?; Dat. ^{d}IM(!) [1] URU-e 10, 1.

U/W

Urkia *и. с. общины; притяж. прилаг. Ablat.* ^{URU}Ur-ki-a-né 7, 4.

U/W. . . . . *и. с. селения;* ^{URU}Ú-*x*-. . . . 5, *x* + 4.

[1] В тексте ^{d}'A!

ПРИЛОЖЕНИЕ II

СПИСОК СЛОГОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ УРАРТСКИХ, МИТАННИЙСКИХ И СРЕДНЕАССИРИЙСКИХ КЛИНОПИСНЫХ ЗНАКОВ

В списке приводятся слоговые значения урартских клинописных знаков (ср. Приложение III, стлб. 2 и 3), а также слоговые значения клинописных знаков родственных письменностей: митаннийской[1] (XIV в. до н. э.) и среднеассирийской (XVI—XII вв. до н. э.). Хотя хеттское письмо относится к той же аккадо-хеттской группе клинописных письменностей, но значения знаков, распространенные в хеттском, как правило, не приводятся, так как по своей внешней форме эти знаки сильно отличаются от урартских и поэтому не могут рассматриваться как генетически непосредственно с ними связанные.

Приведены все известные нам слоговые значения урартских знаков. В скобках приведены значения знаков, засвидетельствованных пока только в ассироязычных урартских надписях. Слоговые значения, выработавшиеся только в урартском, **выделены**. Приведены также все засвидетельствованные в известных нам урартских текстах и (за одним-двумя исключениями) все[2] засвидетельствованные в известных нам митаннийских текстах знаки, имеющие в этих письменностях только гетерографическое значение (в этих случаях приведено наиболее распространенное шумерское чтение гетерограммы прописными буквами; в некоторых случаях гетерографическое чтение приведено и для знаков, имеющих также и слоговое значение, но менее употребительное, чем гетерографическое; там, где гетерографическое чтение реже слогового, оно не приводится). Для среднеассирийского список применявшихся гетерограмм не является исчерпывающим;[3] см.: A. Deimel. Šumerisches Lexikon. Bd. I, Zeichenlisten, Bd. II—IV, Vollständige Ideogrammensammlung. Roma, 1930 и сл.; любая из приведенных там гетерограмм может теоретически встретиться в любой клинописи; в урартском письме встречаются также аккадские слова, применяемые как гетерограммы; они также не приведены в нашем списке.

Там, где знак получил в новоассирийском письме (IX—VII вв. до н. э.) еще и новые слоговые значения, сверх имевшихся в среднеассирийском, поставлена звездочка. Сами эти новые значения знаков, как правило, не приведены, так как в урартском письме они не встречаются. Это является еще одним доказательством того, что урартское письмо не является производным от новоассирийского.

Из приводимого списка видно, что урартский силлабарий ближе всего к митаннийскому; меньше сходства со среднеассирийским, еще меньше — с новоассирийским. Из списка явствует также, что урартская система клинописи не является упрощением ассирийской, как обычно считалось ранее. Напротив, она во многом сохраняет более старое состояние, чем новоассирийская клинопись, где развилось много новых чтений клинописных знаков. Небольшое сокращение списка употребительных в урартском знаков по сравнению с митаннийским письмом также нельзя рассматривать как принципиальное упрощение системы; употребление тех или иных знаков в разные периоды истории клинописи было вообще подвержено колебаниям в зависимости от обыкновений отдельных писцовых школ, от моды и других причин.

Вполне вероятно, что нам известны не все клинописные знаки и их слоговые значения в урартском (как равно и в митаннийском), хотя значений, появившихся только в новоассирийском письме, в урартском, очевидно, ожидать не приходится. Учитывая возможные пробелы в нашем знании урартских клинописных знаков, допустимо предположить, что сходство между урартским и митаннийским силлабариями было еще бо́льшим, чем можно заключить из публикуемого ниже списка.

---

[1] Только один из дошедших до нас митаннийских текстов написан по-хурритски; возможно, не все приведенные в списке знаки применялись в хурритоязычных митаннийских текстах. Некоторое число митаннийских знаков могло не дойти до нас.

[2] Гетерограммы употребительные, но, — по-видимому, случайно, — не засвидетельствованные в митаннийском, помечены „Не засвид.“.

[3] Опущены также очень редкие слоговые значения среднеассирийских знаков, представляющие чаще всего результат „учености“ писцов, когда редкие гетерографические значения знаков использовались для образования новых слоговых значений, по большей части не привившихся.

№	*Урартские*	*Митаннийские*	*Среднеассирийские*
1.	aš	aš, rum, rú	aš, rum, rù*
2.	ḫal	ḫal	ḫal
3.	ḫa	ḫa	ḫa
4.	zu	zu	zu
5.	su	su	su*
6.	bal, (pal)	bal, pal	bal, pal, bùl, pùl
7.	GÍR	ád/ṭ/t, gír	GÍR*
8.		búl	búl, púl*
9.	tar	tar, ṭar, kud/ṭ/t, ḳud/ṭ/t	tar, ṭar, kud/ṭ/t, ḳud/ṭ/t, ḫaz/ṣ/s*
10.	an; DINGIR	an, ìl; DINGIR	an, ìl; DINGIR
11.	ka	ka	ka
12.		EME	
13.	KÚ	Не засвид.	KÚ
14.	URU	URU	URU
15.	ERÈ	ERÈ	ERÈ
16.	ITUD	ITUD	ITUD
17.	la	la	la
18.	MAḪ	maḫ	maḫ*
19.	tu	tu	tu
20.	li, le	li, le	li, le*
21.	KÚR, PAP	KÚR, PAP	KÚR, PAP*
22.	mu	mu	mu*
23.	ḳa	ḳa	ḳa
24.			ḳád/ṭ/t
25.			ḳàd/ṭ/t
26.		gil, ḳíl	gil, ḳíl, kil
27.	ru	ru	ru, šub/p
28.	be, (bad/ṭ/t)	bè, pè, pì, bad/ṭ/t, til, tel	be, pè, pì, bad/ṭ/t, bíd/ṭ/t, til, tel*
29.	na	na	na
30.		šir	šir, šùr
31.	ḳul, (kul); NUMUN	kul, zir; NUMUN	kul?, zir?; NUMUN*
32.	ti, te$_4$	ti	ti
33.	bar, pár, (maš, mas)	bar, pár	bar, pár, maš
34.	nu	nu	nu
35.	MÁŠ	Не засвид.	MÁŠ
36.			kun
37—38.	ḫu	ḫu	ḫu, pag/ḳ/k*
39.	NÁM	nam	nam*
40.	(ig/ḳ/k)	ig/ḳ/k, eg/ḳ/k	ig/ḳ/k, eg/ḳ/k
41.			mud/ṭ/t
42.		rad/ṭ/t	rad/ṭ/t
43.	zi, ze	zi, ze	zi, ze, ṣí, ṣé
44.	gi, ge, **jì**, **jè**	gi, ge	gi, ge
45.	ri, re, **sar**$_5$	ri, re, tal	ri, re, dal, tal
46.	NUN	nun	nun*
47.	GÙB	gáb/p, ḳab/p, kab/p	kab/p, ḫúb/p*
48.			ḫub/p, ḳúb/p, kúb/p
49.	GAD, KAD	kad/ṭ/t	GAD*
50.	TIM	tim	tim*
51.	(ag/ḳ/k)	ag/ḳ/k	ag/ḳ/k*
52.	MÈ	Не засвид.	MÈ
53.	en	en	en
54.			tàr*
55.	šur	šur	šur*
56.			múš*
57.	**sar**$_5$ = ri		MÙŠ
58.	sa	sa	sa
59.	GÁN	gán	gán*
60.		GÚ(.UN)	GÚ* (.UN)
61.			túr*
62.	gur; ḳur?	gur, ḳur	gur, ḳur
63.	si, se	si, se	si, se, ší, šé
64.		dar	DAR*
65.	SAG, (sag/ḳ/k, šag/ḳ/k)	riš, reš, šag/ḳ/k?; SAG	riš, reš; SAG*

№	*Урартские*	*Митаннийские*	*Среднеассирийские*
66.	ÙZ	Не засвид.	ÙZ
67.		dir	dir*
68.	(tab/p)	tab/p	tab/p, dab/p*
69.	TAG	šum, tag/ḳ/k	šum, TAG*
70.	ab/p	ab/p	ab/p
71.	(nab/p)	nab/p	nab/p
72.			**mul**
73.		ug/ḳ/k	ug/ḳ/k
74.		az/ṣ/s	az/ṣ/s
75.	URUDU	URUDU	URUDU
76.	KÁ	KÁ	KÁ
77.	(um)	um	um
78.	DUB, (ṭub/p)	dub/p, ṭub/p, tub/p	dub/p, ṭub/p, tub/p
79.	ta	ta	ta
80.	i	i	i
81.	ja	ja	ja
82.	(kan)	kám	kám* (в новоасс. также kan).
83.	ḫé	ḫé	
84.	TUR, DUMU	TUR, DUMU	TUR, DUMU, tur
85.	ad/ṭ/t	ad/ṭ/t	ad/ṭ/t
86.	ṣi, ṣe	ṣi, ṣe	ṣi, ṣe
87.	in	in	in
88.			rab/p
89.	LUGAL	LUGAL	LUGAL
90.		šìr, šèr	šìr, šèr, EZEN*
91.	sar, EZEN	sar, šar	sar, šar
92.	**dur**$_8$	Не засвид.	BÀD
93.	SUM, (šúm)	Не засвид.	SUM, šúm
94.	KASKAL	KASKAL	KASKAL
95.		gab/p, ḳab/p,	gab/p, ḳab/p, duḫ, tuḫ,
96.		taḫ	taḫ
97.	am	am	am
98.	UZU	UZU (в близких пошибах, не в мит.)	UZU
99.	tè, de$_x$ ne	be$_8$, ne	tè, ne, pil*
100.	GIBIL	bíl, be$_7$, GIBIL	bíl, píl, GIBIL
101.		šám	šám
102.	ḳu	ḳu	ḳu, ḳum
103.		GAZ	GAZ*
104.		úr	úr
105.	il	il	il
106.	du; tù?	du, ṭù, tù, gub/p	du, ṭù, tù, ḳub/p
107.	tum??	tum, tu$_4$	tum, tu$_4$
108.	ANŠE	ANŠE	ANŠE
109.	EGER	EGER	EGER
110.	GEŠTIN	GEŠTIN	GEŠTIN
111.	uš	uš	uš*
112.	iš, eš$_{15}$	iš	iš, íz/ṣ/s*
113.	bi, bé	bi, bé, pí, pé	bi, bé*
114.		ŠIM	ŠIM*
115.		kib/p	kib/p*
116.	NA$_4$; tàg/ḳ/k??	NA$_4$	NA$_4$
117.	GAG	GAG	GAG*
118.	ni, né	ni, né, lí, ì	ni, né, lí, ì, zal
119.	ir, er	ir, er	ir, er
120.		AMA	AMA
121.			dag/ḳ/k
122.	pa	pa, ḫad/ṭ/t	pa, ḫad/ṭ/t
123.		šab/p	šab/p
124.	SIPA	SIPA	SIPA
125.	giš, iz/ṣ/s	iz/ṣ/s, ez/ṣ/s, néš, GIŠ	iz/ṣ/s, ez/ṣ/s, giš*
126.	GUD	GUD	GUD
127.	al	al	al
128.	ár; ub/p?	ub/p	ub/p, ár
129.		mar	mar
130.	e	e	e
131.	(dug/ḳ/k)	DUG	dug/ḳ/k*

№	*Урартские*	*Митаннийские*	*Среднеассирийские*
132.	UKÙ, (un)	un, UKÙ	un, UKÙ
133.	ke_4 (из шум.)		saḫ*
134.	KIŠIB, ŠID	ŠID, KIŠIB	lag/ḳ/k, mis; ŠID, KIŠIB*
135.	ú	ú, šam	ú, šam, sam
136.	ga, **ja**$_9$	ga	ga*
136a.	ÍL	Не засвид.	ÍL
137.		luḫ	luḫ*
138.	(dan)	kal, dan	kal, dan, ṭan, tan, rib/p*
139.	É, (bid/ṭ/t, pid/ṭ/t)	É	É* (в новоасс. bid/ṭ/t, pid/ṭ/t)
140.			nir
141.	ra	ra	ra
142.	LÚ	LÚ	LÚ
143.		ŠES	ŠES, sis/š, šas*
144.	ZAG		zag/ḳ/k
145.	ḳar	ḳar	ḳar
146.	id/ṭ/t, ed/ṭ/t	id/ṭ/t, ed/ṭ/t	id/ṭ/t, ed/ṭ/t
147.	da; ṭa?	da, ṭa	da, ṭa
148.		lil	lil
149.	áš	áš, tàš	áš
150.	ma	ma	ma
151.	GAL	gal	gal
152.	BÁRA	Не засвид.	BÁRA
153.			gir, ḳir, kir, biš, piš, peš, pis
154.		bur, pur	bur, pur
155.	URI	Не засвид.	URI
155a.			GAŠAN
156.	**GAŠAN**$_x$		SIG$_7$
157.		ša	ša
158.	šu	šu	šu*
159.			kad/ṭ/t$_5$
160.			lib/p*
161.			gúr*
162.	mad/ṭ/t, (lad/ṭ/t), KUR	KUR	kur, mad/ṭ/t, šad/ṭ/t* (в новоасс. также lad/ṭ/t и др.), KUR
163.	še	še	še
164.	bu, pu	bu, pu	bu, pu, sír, šír*
165.		uz/ṣ/s	uz/ṣ/s
166.			šud/ṭ/t*
167.	(ṣir, ṣer)	muš, ṣir, ṣer	muš, ṣir, ṣer
168.	TÍR	tir	tir
169.	te	te	te
170.	kar	kar	kar
171.	liš	liš	liš
172.	tú, U_4	ud/ṭ/t, tú, U_4	ud/ṭ/t, tú, tam, U_4*
173.	pi, pe	wa, we, wi, wu, aw?; je, ji, ju (в близких пошибах, не в мит.)	pi, pe, tál
174.	(lìb/p)	ŠÀ, lìb/p	ŠÀ, lìb/p
175.	ERÉN	ṣab/p, ERÉN	ṣab/p, ERÉN*
176.	ḫi, ḫe, tí, té	ḫi, ḫe	ḫi, ḫe, tí, té, šár, sár
177.	'a, 'e, 'i; 'u?, a'?; e', i'?, u'?	'a, 'e, 'i, 'u, a', e', i', u'	'a, 'e, 'i, 'u, a', e', i', u'
178.		aḫ, eḫ, iḫ, uḫ	aḫ, eḫ, iḫ, uḫ
179.			kam
180.	IŠKUR	im, em, IŠKUR	im, em, IŠKUR
181.			bir
182.	ḫar, (ḫur, ḫír)	ḫar, ḫur, mur, kín	ḫar, ḫur, ḫír, mur, kín
183.		ḪUŠ	ḫuš*
184.	u	u	u
185.	MUḪ	muḫ	muḫ
186.	ÁB	Не засвид.	ÁB*
187.			kír*
188.			kiš/s, ḳiš/s
189.	(mi, mé)	mi, mé, GÍG	mi, mé, GÍG
190.		gul, kúl, sún	gul, kúl*

№	*Урартские*	*Митаннийские*	*Среднеассирийские*
191.		NÁ	NÁ
192.		nim	nim, num, tum$_4$
193.			tùm
194.		lam	lam
195.		ṣur	ṣur, zur
196.	SIZKUR	Не засвид.	SIZKUR
197.	BAN	Не засвид.	BAN
198.			gim, kim
199.	ul	ul	ul
200.	GÌR	GÌR	GÌR
200a.	GÌR^{II}	Не засвид.	GÌR^{II}
201.	ši	ši, lim	ši, lim
202.	ar	ar	ar
203.		ù	ù
204.	di, de	di, de, ṭi, ṭe	di, de, ṭi, ṭe
204a.	**u + e?**		
205.	ki, ke	ki, ke, ḳí, ḳé	ki, ke, ḳí, ḳé
206.	din, TIN	din	din*
207.	KUG, KÙ	KUG, KÙ	KUG, KÙ
208.		šug/ḳ/k	šug/ḳ/k*
209.	man??, (nis), LUGÁL		man, mìn, LUGÁL* (в новоасс. также niš)
210.			eš, sin
211.	diš,^{m}	^{m}	diš, ṭiš,^{m*}
212.		LAL	LAL
213.	(ḫab/p)		ḫab/p, kìr*
214.	GIGIR	GIGIR	GIGIR
215.			ṣar*
216.		BÚ	bú, pú*
217.		SUG	SUG*
218.	me, mì	me, šib/p	me, mì* (в новоасс. также šib/p).
219.	MEŠ	MEŠ	MEŠ*
220.	ib/p, eb/p	ib/p, eb/p	ib/p, eb/p
221.	ku	{ ku	{ ku*
222.	TÚG	{ TÚG	{ TÚG
223.	lu	lu	lu, dib/p, tib/p*
224.	ḳi, ḳe	ḳi,ḳe	ḳi, ḳe*
225.	SÍG = lu?	SÍG (в хетт.)	SÍG*
226.	šú		šú*
227.	ÉN	Не засвид.	ÉN
228.	ḪÚL	Не засвид,	ḪÚL
229.	GIBÍL	Не засвид.	GIBÍL
230.	MÍ(N), SAL	šal, sal, MÍ(N), SAL	šal, sal, rag/ḳ/k, mim, mám, MÍ(N), SAL
231.	ṣu	ṣu (rik в хетт.)	ṣu, rig/ḳ/k
232.		DAM	dam, ṭam, DAM
233.	gu, **jù**, ḳù?	gu	gu
234.			nig/ḳ/k
235.	el	el	el
236.		lum (в близких пошибах, не в мит.)	lum
237.		SIG$_4$	SIG$_4$
238.	TUK	tug/ḳ/k	tug/ḳ/k, dúg/ḳ/k,
239.	ur, (lig/ḳ/k)	ur, lig/ḳ/k	ur, lig/ḳ/k, taš, tas
240.	a	a	a
241.	ÍD	Не засвид.	ÍD
242.	za, ṣa	za, ṣa	za, ṣa
243.	ḫa	ḫa	ḫa
244.		gug	*
245.	ṭu	ṭu	ṭu
246.	šá, NÍG, GAR	šá, NÍG (GAR не засвид.)	šá, NÍG, GAR

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ТАБЛИЦЫ ЗНАКОВ

В данной таблице приведены знаки, в настоящее время засвидетельствованные в урартском курсивном и эпиграфическом письме, а также их соответствия в новоассирийском, среднеассирийском и митаннийском пошибах.

Светлые знаки — курсивные, черные — эпиграфические (для новоассирийского и среднеассирийского приведены только те формы эпиграфических знаков, которые отличаются от курсивных, преимущественно архаизирующие).

В столбце 1 приведены новоассирийские знаки VIII—VII вв. до н. э. и в отдельных случаях — IX в. до н. э. Не отмечены встречающиеся в ассирийских надписях X—IX вв. отдельные случаи написания знаков с разделением горизонтального клина, пересекаемого вертикальными, на два клина; это особенность, более распространенная в урартской эпиграфике и очень характерная для нее.

В стлб. 2 приведены урартские эпиграфические знаки, из них засвидетельствованные только в ассироязычных урартских надписях помечены крестиком. В урартском наблюдается наличие двух эпиграфических школ, одна из которых предпочитала знаки, более близкие к исходным формам (так называемые „ассиризирующие“ знаки), другая — более своеобразные, в частности, с характерным разделением пересекаемых горизонтальных клиньев на два клина. Это различие эпиграфических школ в списке не отражено, и формы знаков, типичные для обеих, приведены вместе.

В стлб. 3 приведены урартские курсивные знаки (из текстов на глине).

В стлб. 4 приведены среднеассирийские знаки XVI—XII вв. до н. э., в том числе некоторые из редких эпиграфических форм.

В стлб. 5 приведены митаннийские знаки и в отдельных случаях — знаки других, параллельных сиропалестинских пошибов аккадо-хеттской группы того же времени (XV—XIV вв. до н. э.; помечены буквой П).

Из таблицы, по-видимому, следует, что урартские формы знаков являются развитием форм, занимавших промежуточное место между митаннийскими, с одной стороны, и среднеассирийскими и более архаичными из новоассирийских, с другой (ближе к митаннийским). Некоторые случаи расхождения с митаннийскими формами и сходства с новоассирийскими в большинстве следует отнести к тому обстоятельству, что нам известны формы знаков митаннийского типа только для XIV в., в дальнейшем же они несомненно претерпевали развитие в том же направлении, что и ассирийское письмо. При этом культурно и территориально близкие между собой клинописные системы безусловно оказывали влияние друг на друга.

(Нумерация знаков соответствует нумерации в Приложении II).[1]

---

[1] Во всех случаях, когда в ураратском данный знак не засвидетельствован, соответствующий № в таблице опущен.

Таблица знаков

Новоассир. знаки VIII—VII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
					1
					2
					3
					4
					5
					6
					7
			и др.		9
					10

Новоассир. знаки VIII—VII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
					11
					13
					14
					14 a
				(П)	15
					16
					17
					18
					19
					20

Новоассир. знаки VIII—VII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
,	,			П	21
					21а
	, ,	,	;	,	22
,			; ,	; П	23
,	,		, ; ,	, ; (П)	27
			;		28
,			, , ;	;	29
,		,	; ,		31
,	,	, ,	; , ,		32
	,		,		33

Новоассир. знаки VIII—VII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.		Митанниские знаки	
						34
						35
						37
						39
						40
						43
						44
						45
					(П)	46
					(хетт.)	47

Новоассир. знаки VIII—VII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
		?,	, , ,	,	49
			,	, (П)	50
, , ,	+		, , ,		51
			,		52
	, , ,		,		53
			, ,	(П)	55
. см. также			,		57
	,	,	, ,		58
					59
			, , ,		62

Новоассир. знаки VIII—VII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
					63
					65
					66
					68
					69
					70
	+				71
				(П)	75
				(П)	76
	+				77

Новоассир. знаки VIII—VII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
					78
					79
					80
					81
					82
					83
					84
					85
					86
					87

Новоассир. знаки VIII—VII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
, ,	, ,	, , (!)	,		89
			; ,		90
,	,		, ,		91
			, ,		92
	,		,		93
			,	П	94
			,	,	97
,					98
	,		, ,	; (П)	99
				,	100

Новоассир. знаки VIII—VII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
					102
					105
					106
	?				107
					108
					109
				(П)	110
					111
					112
					113

Новоассир. знаки VIII—VII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
				(П)	116
				(П)	117
					118
					119
					122
				(П)	124
					125
				(П)	126
				(П)	127
				(П)	128

Новоассир. знаки VIII—VII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
				(П)	130
					131
				(П)	132
					133
					134
					135
					136
					136 а
					138
					139

Новоассир. знаки VIII—VII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
					141
				(П)	142
					144
					145
					146
					147
		?			149
					150
					151
					152

Новоассир. знаки VIII—VII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
			;		154
			,		154 а
, ,			,		156
,		,			157
	; ?				158
					158 а
					162
	,	, ,	,		163
,	,	,	, ,		164
	+		. ,		167

Новоассир. знаки VIII—VII. вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассирские знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
			;		168
	,	,	;	; (П)	169
•			,		170
			,		171
		,	; ,		172
			, ,		173
	+		,	,	174
		?	; ,		175
		,	, ;	; (П)	176
	,	,	,		177

Новоассир. знаки VII—VIII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
	,		, ,		180
	,		;	, ; (П)	182
					184
			,	(П)	184а
			,		185
			;		186
;	+		,		189
					196
					197
,			:		199

Новоассир. знаки VIII—VII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
			;		200
					200 а
		, ,			201
		,			202
	,	,	;		204
	?				204 а
		,	, ;	,	205
					206
					207
					209

Новоассир. знаки VIII—VII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
					211
	+				213
					214
					218
				П	219
					220
					221
				(П)	222
		?			223
					224

Новоассир. знаки VIII—VII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
		, ?	;		225
	,		;		226
					227
					228
			, ,		229
	,		,		230
	, ,		;		231
	,	, , ,	;		233
	, ,			,	235
			;	,	238

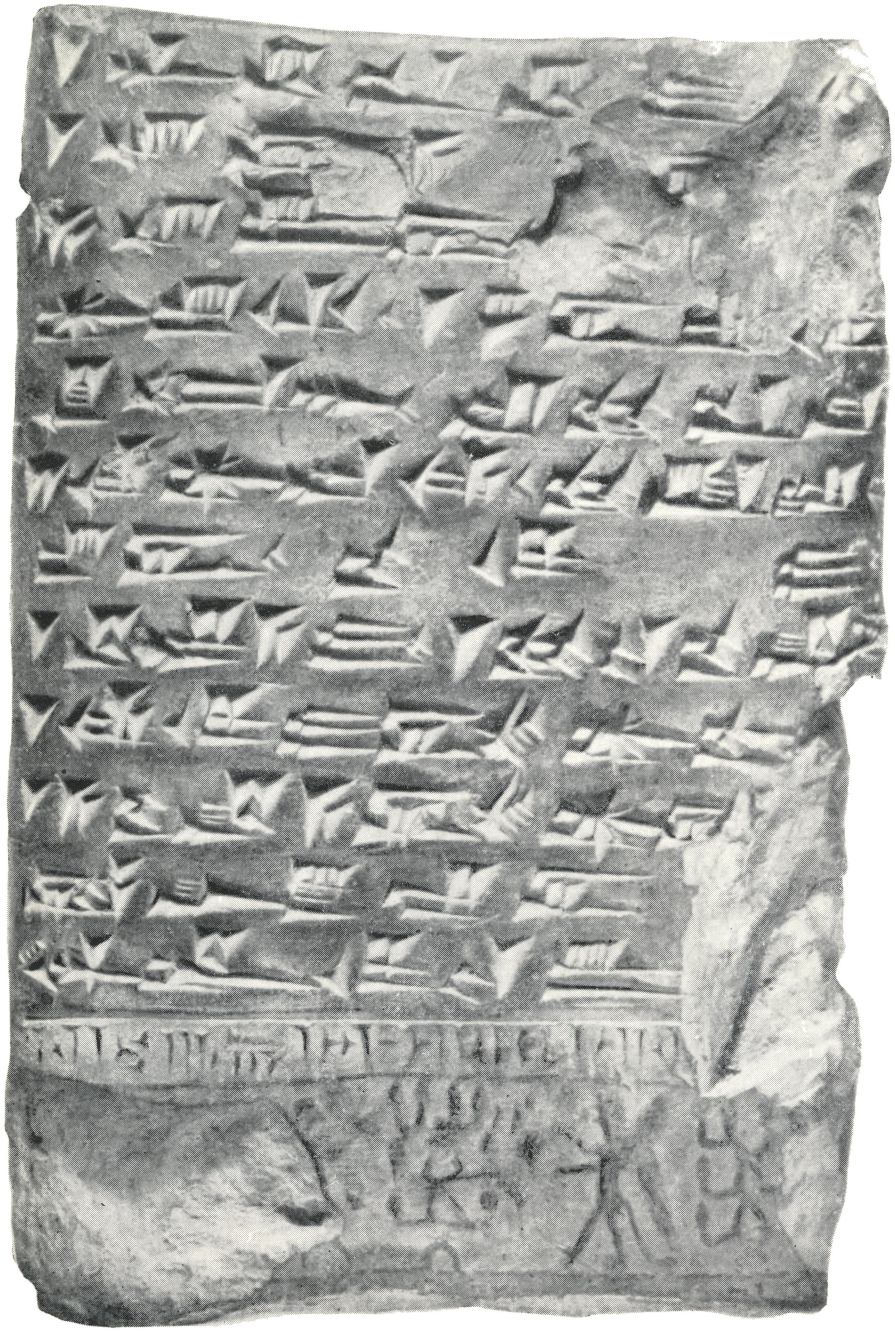
Новоассир. знаки VIII—VII вв. до н. э.	Урартские эпиграфические знаки	Урартские курсивные знаки	Среднеассир. знаки XVI—XII вв. до н. э.	Митаннийские знаки	
		, ?			239
		,			240
					241
					242
			,		243
	,		;	,	245
		, , ,			246
,					247

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ТЕКСТОВ

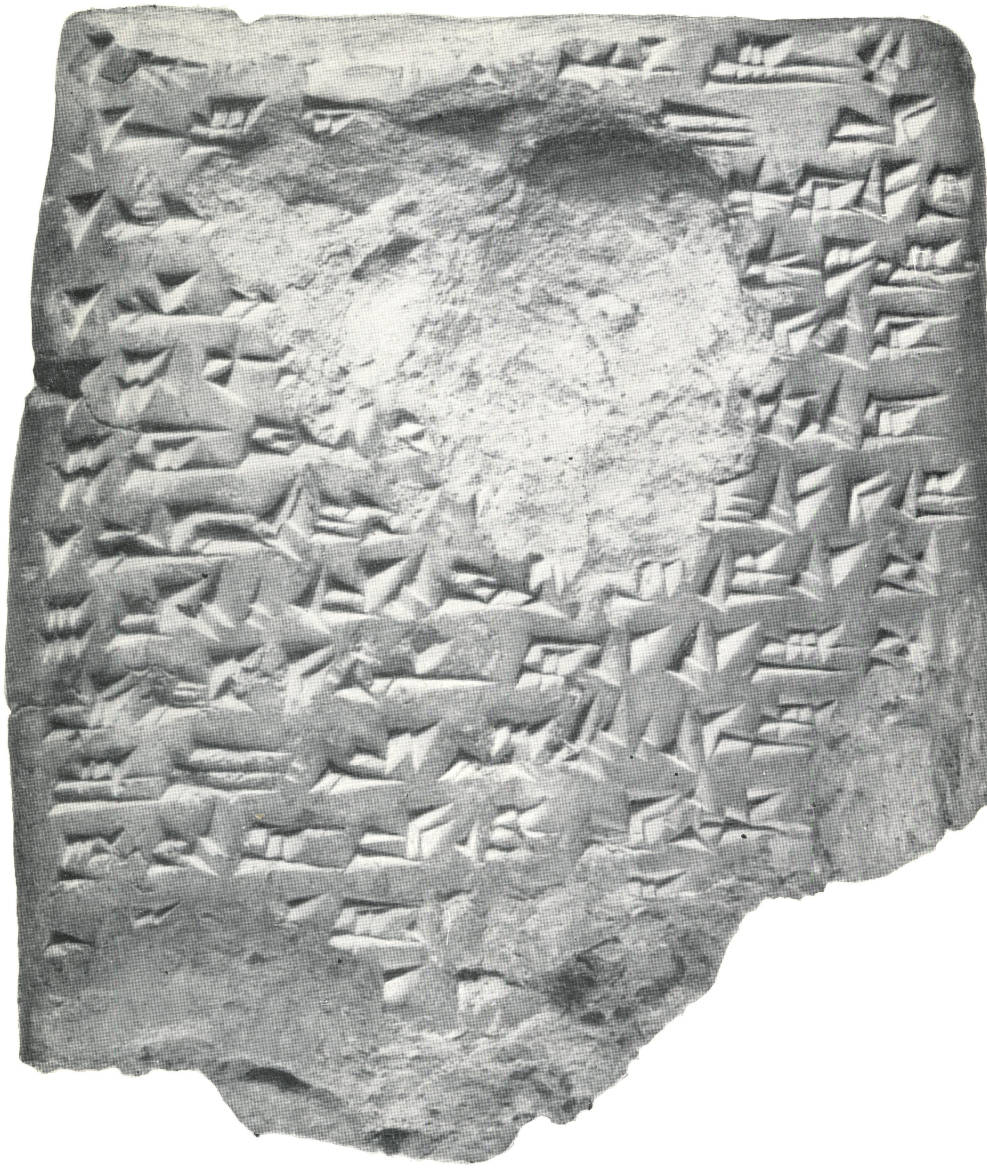
(№№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10 и 12)

Все фотографии текстов, кроме № 12, увеличены в полтора раза (№ 6 — в два раза)



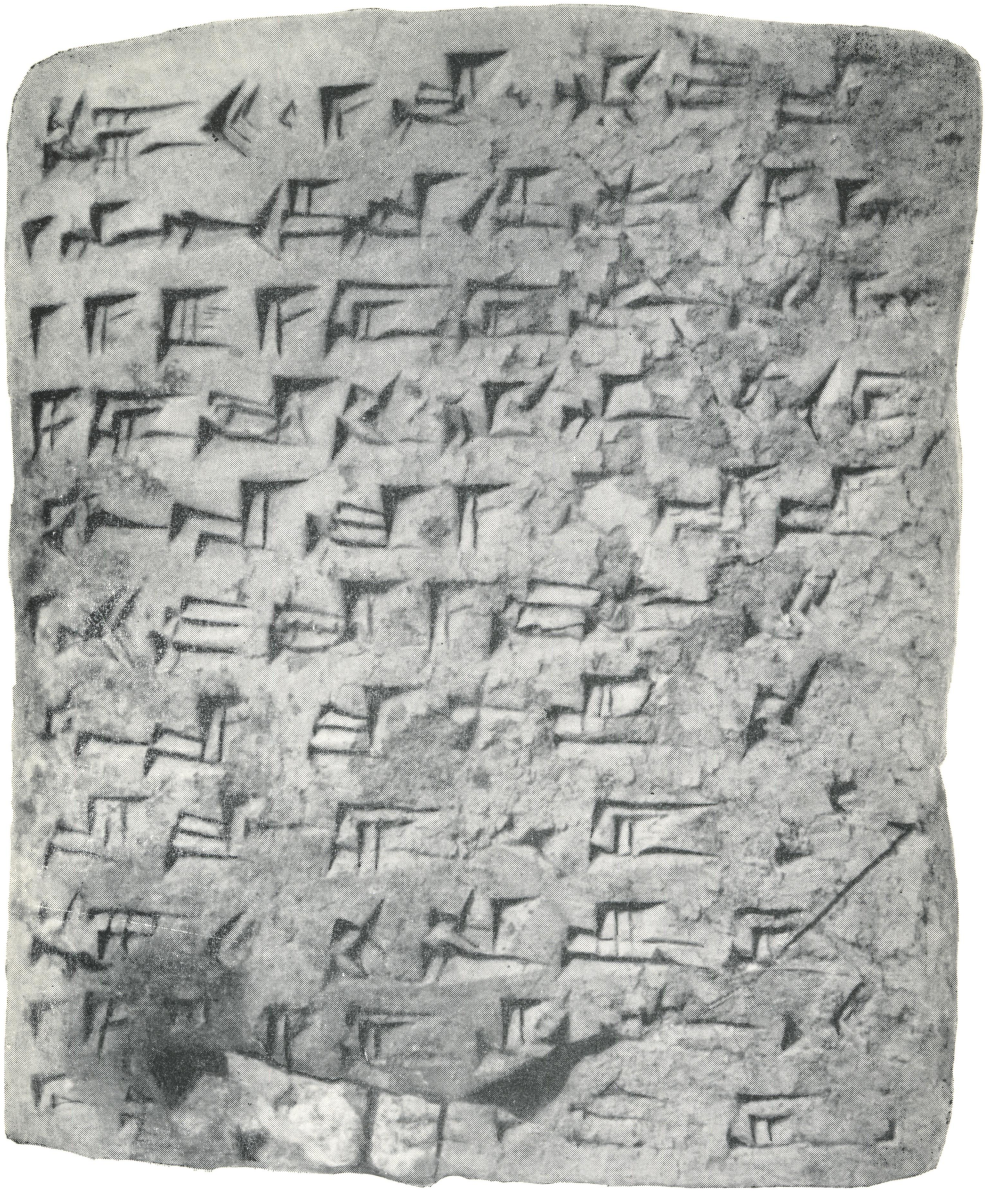
Текст № 1, лицевая сторона.

Текст № 1, оборотная сторона.



Текст № 2, лицевая сторона.

Текст № 2, оборотная сторона.



Текст № 3, лицевая сторона.

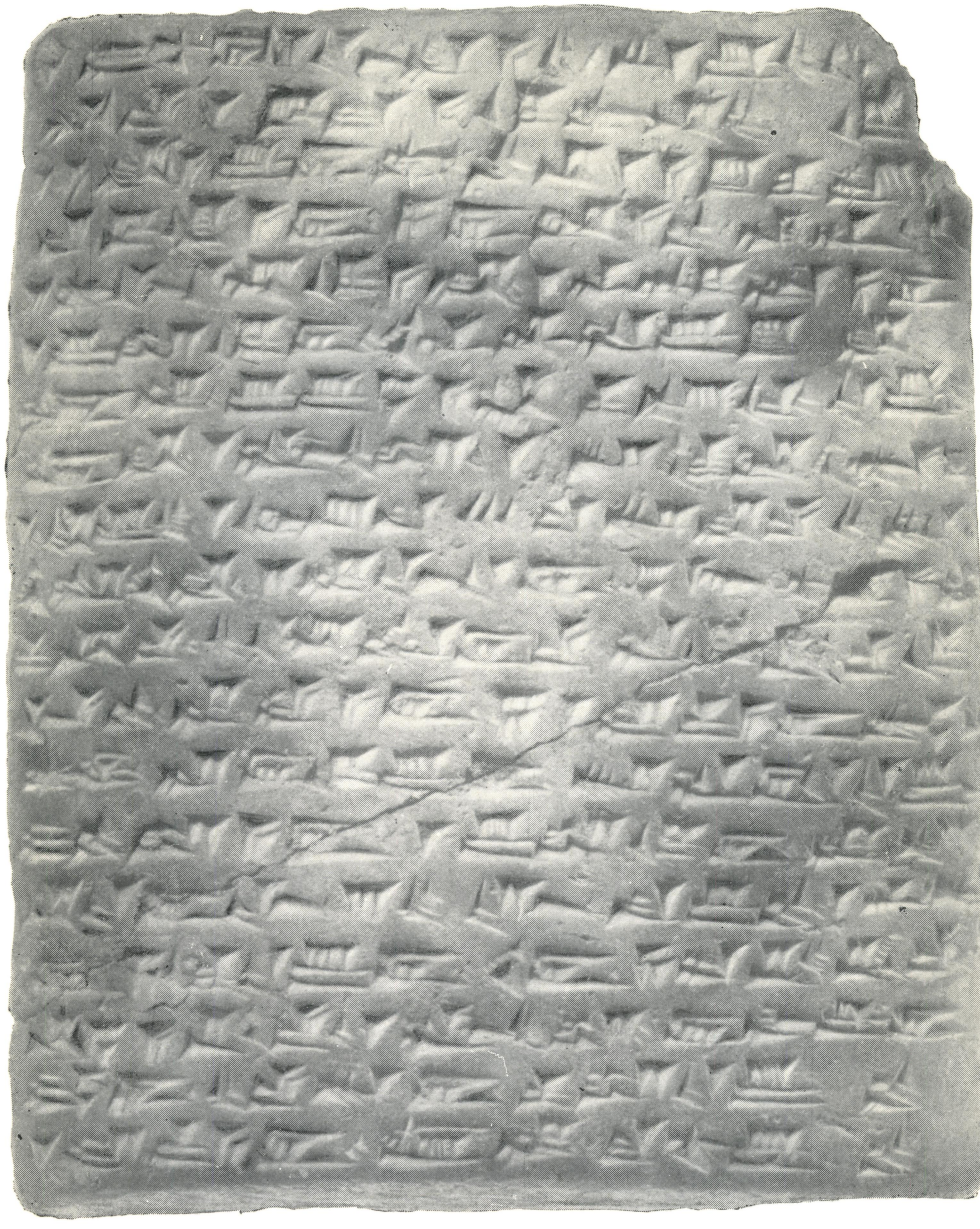
Текст № 3, оборотная сторона.

Текст № 4, лицевая сторона.

Текст № 5, лицевая сторона.

Текст № 5, оборотная сторона.

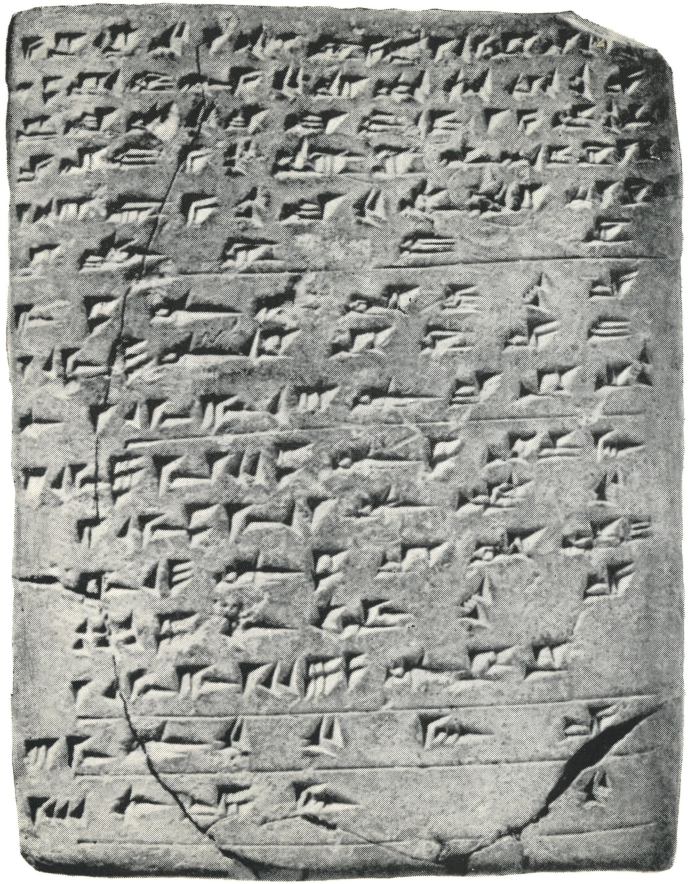
Текст № 6, лицевая сторона.



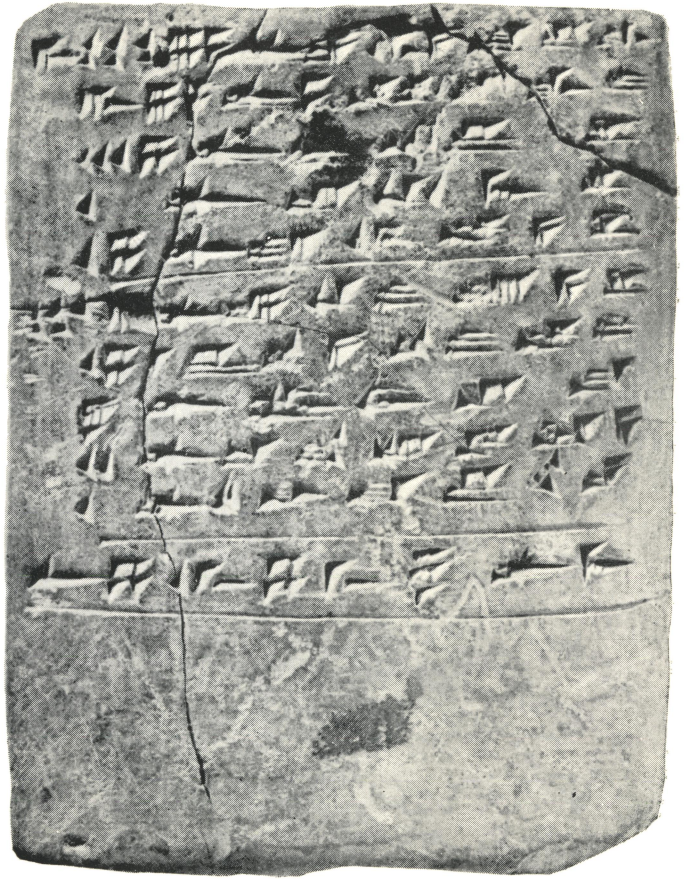
Текст № 7, лицевая сторона.

Текст № 7, оборотная сторона.

Текст № 10, лицевая сторона.



Текст № 12, лицевая сторона.



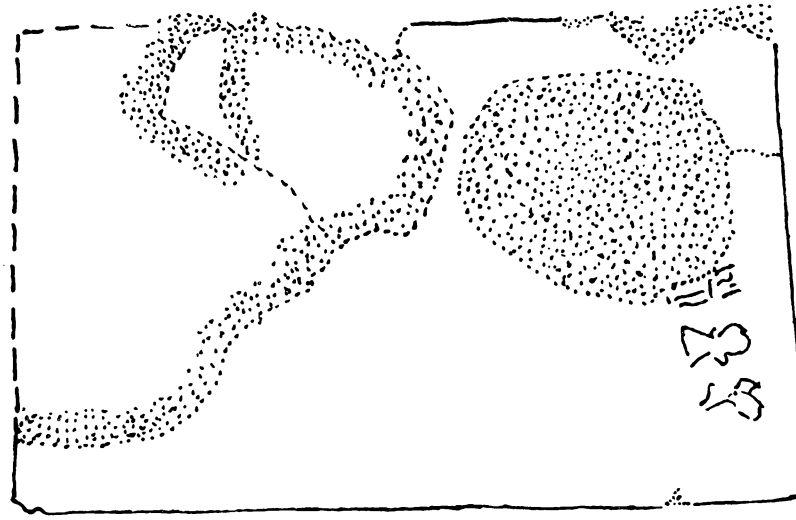
Текст № 12, оборотная сторона.

ПРИЛОЖЕНИЕ V

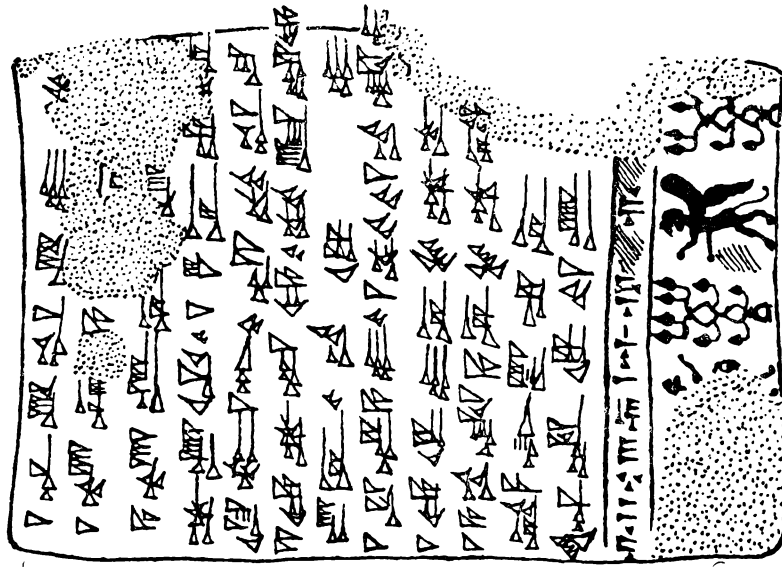
АВТОГРАФИЧЕСКИЕ КОПИИ ТЕКСТОВ

(№№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 14 и 15)

Все прорисовки даны в натуральную величину



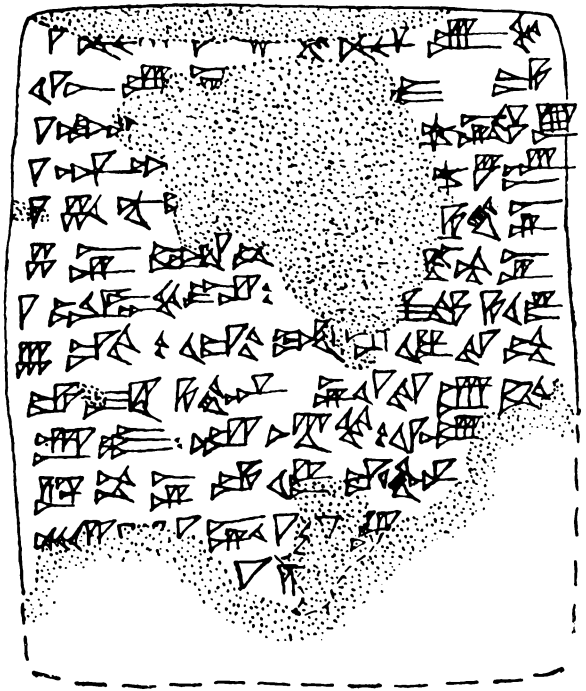
б



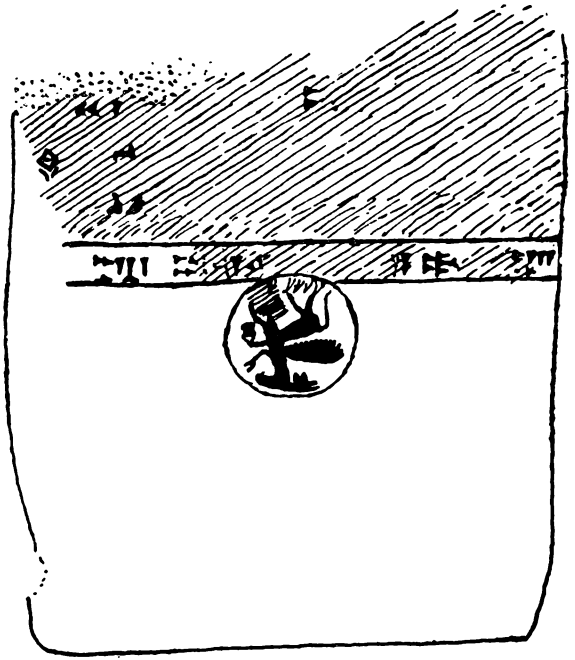
а

Текст № 1, *а* — лицевая сторона, *б* — оборотная сторона.

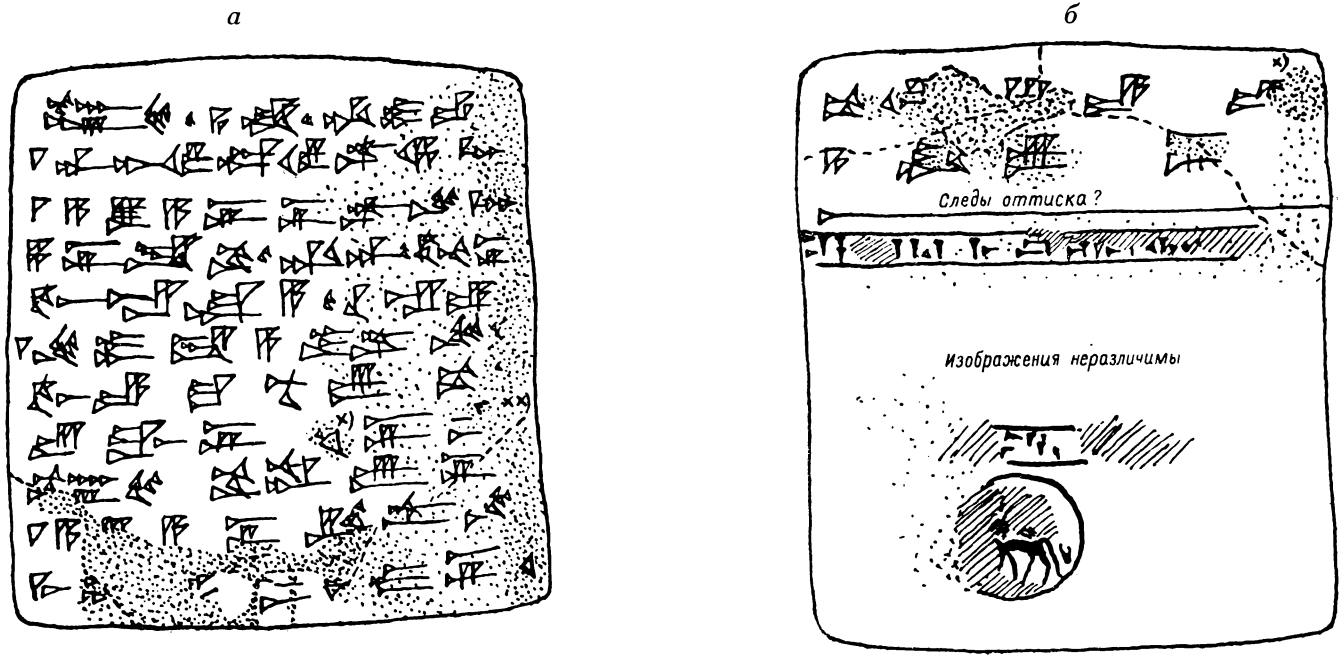
а



б



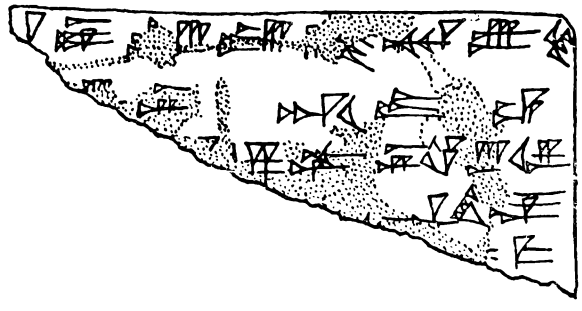
Текст № 2, *а* — лицевая сторона, *б* — оборотная сторона.



Текст № 3, *а* — лицевая сторона, *б* — оборотная сторона.

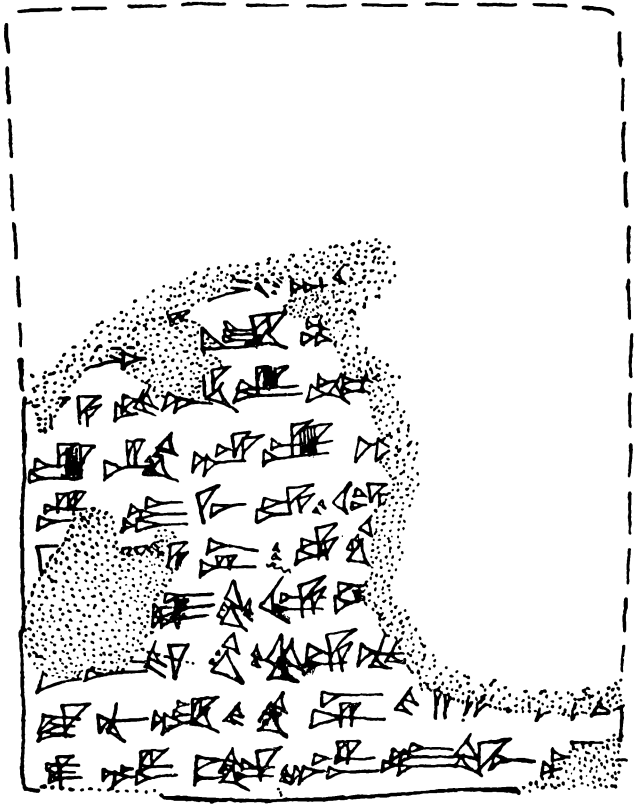
Текст № 4, лицевая сторона. (Оборот без текста).

Текст № 5 см. на следующей стр.

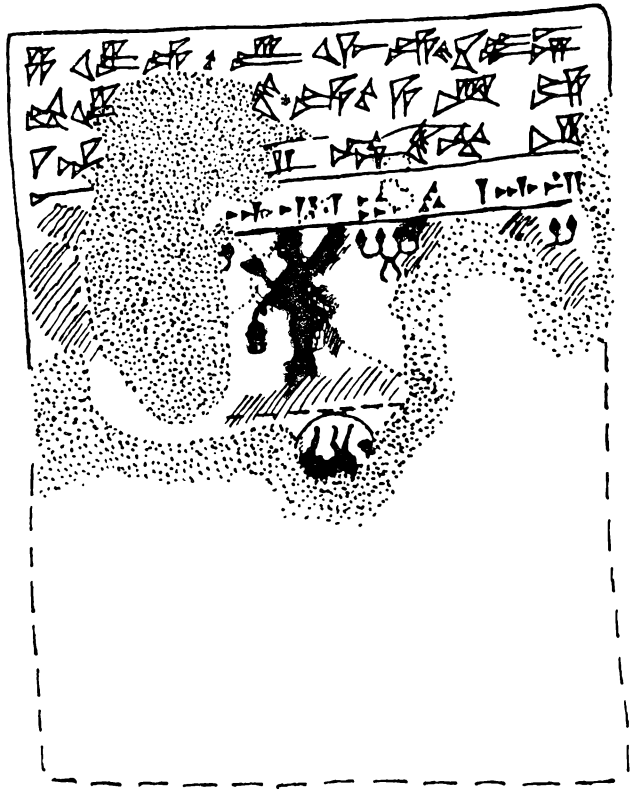


Текст № 6, лицевая сторона. (Оборот без текста).

а

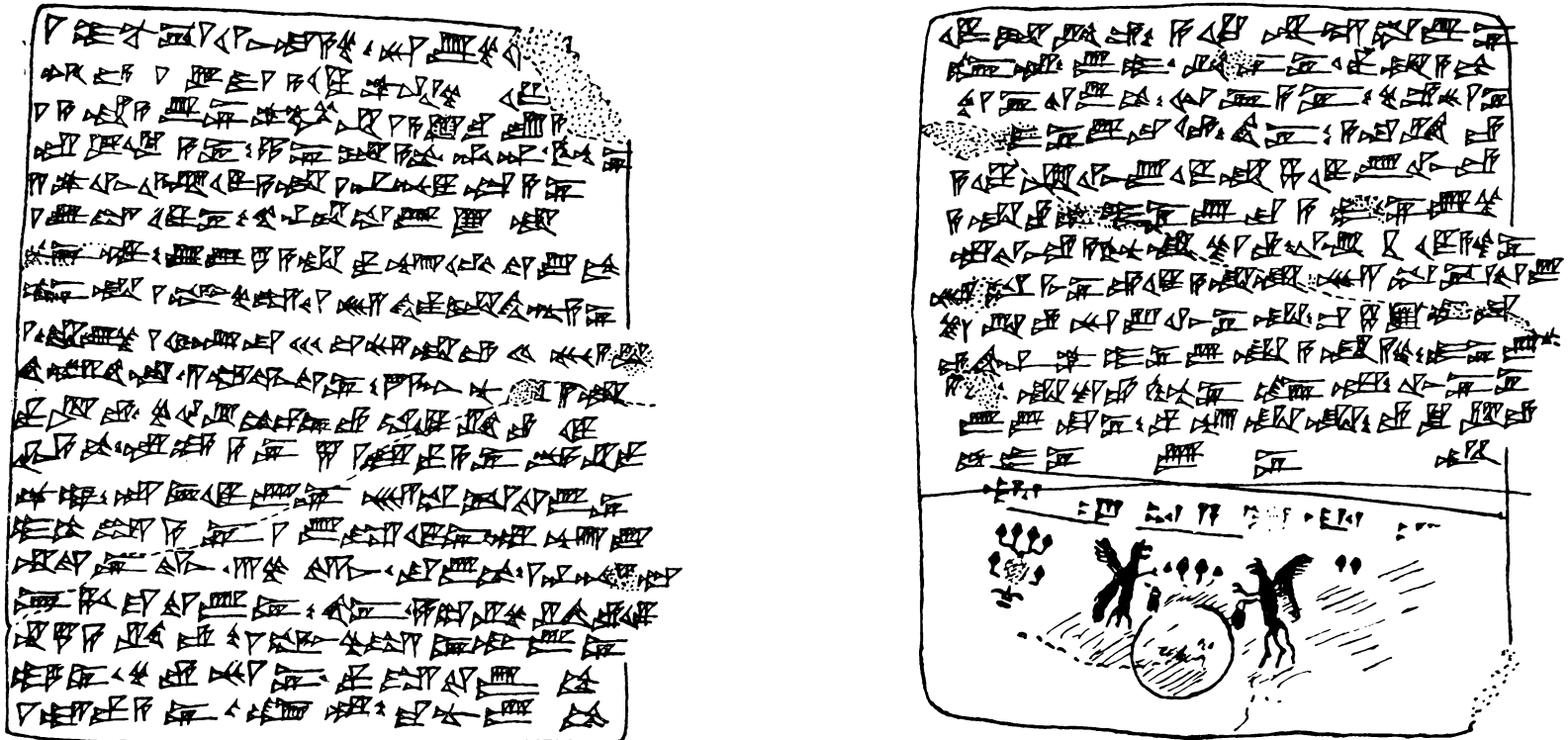


б



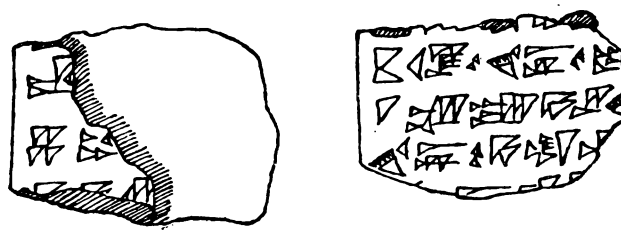
Текст № 5, *а* — лицевая сторона, *б* — оборотная сторона.

а *б*



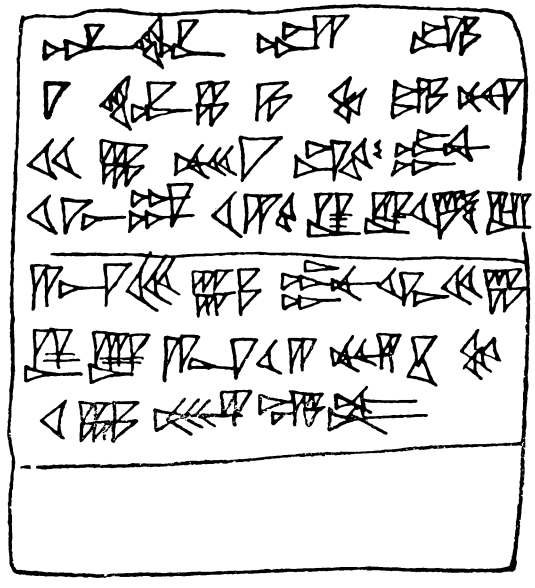
Текст № 7, *а* — лицевая сторона, *б* — оборотная сторона (прорисовка).

а *б*



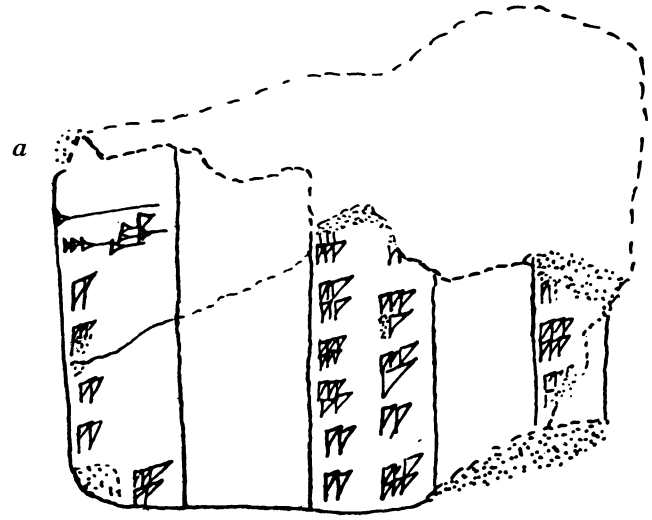
Текст № 8, *а* — лицевая сторона, *б* — оборотная сторона.

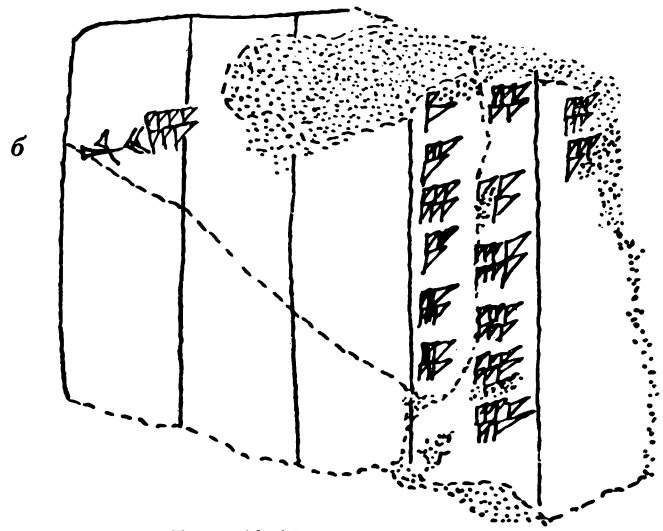
Текст № 9, оборотная сторона.



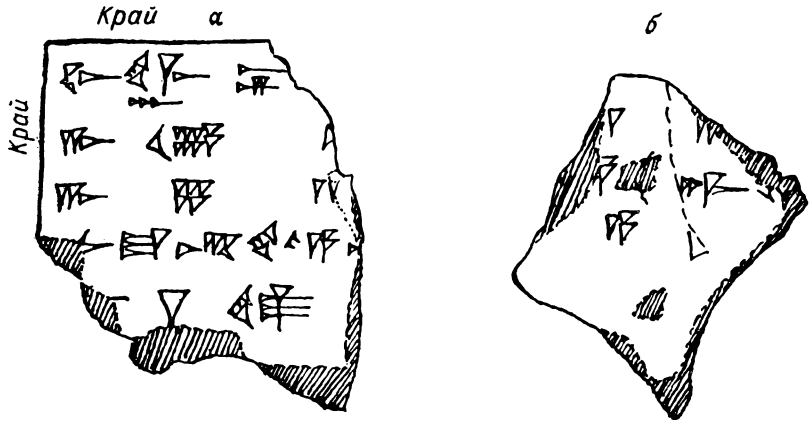
Текст № 10, лицевая сторона.

Текст № 11, лицевая сторона





Текст № 14, *а* — лицевая сторона,
б — оборотная сторона



Текст № 15, *а* — лицевая сторона, *б* — оборотная сторона

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВИУ — И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, №№ 2, 3, 4.
ВДИ — Вестник древней истории.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ОГСД—Шумер — И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.
ПС — Палестинский сборник.
РЗОА — И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949.
СА — Советская археология.
САЗ — Среднеассирийские законы.
СВ — Советское востоковедение.
УКН — Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. 2-е изд., М., 1960.
ЭВ — Эпиграфика востока.
Abh. Ges. Wiss. Gött. — Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen.
HABL — R. F. Harper. Assyrian and Babylonian Letters, I—XII. London, 1892, sq. = L. Waterman. Royal Correspondence of the Assyrian Empire, I—IV. Ann Arbor, 1930 sq.
HCI — F. W. König. Handbuch der chaldischen Inschriften, I—II. Graz, 1955—57.
HSS — Harvard Semitic Series.
ItH — E. A. Speiser. Introduction to Hurrian. The Annals of the American Schools of Oriental Research, XX. New Haven, 1941.
JCS — Journal of Cuneiform Studies.
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain.
MVAG — Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft.
PRU — Le Palais Royal d'Ugarit (C. F.-A. Schaeffer, ed.), III, Paris, 1955; IV, Paris, 1956.
RAss — Révue d'Assyriologie et d'archéologie orientale.
RLA — Reallexikon der Assyriologie, herausg. v. E. Ebeling und B. Meissner, Berlin—Leipzig, 1932 ff.
ZA NF — Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete, Neue Folge.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Б. Б. Пиотровский. Урартские надписи из раскопок Кармир-блура. (Вместо предисловия) 3

УРАРТСКИЕ ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

Введение 17
- Общие замечания 17
- Графические особенности 18
- Формуляры документов и канцелярская практика 21
- Исторические данные 25
- Вопросы транслитерации и транскрипции 29

Тексты и переводы 32

Комментарии 42

Приложения 86
- Приложение I. Глоссарии 86
- Приложение II. Список слоговых значений урартских, митаннийских и среднеассирийских клинописных знаков 96
- Приложение III. Таблицы знаков 101
- Приложение IV. Фотографические воспроизведения текстов 121
- Приложение V. Автографические копии текстов (прорисовка) 135

Список сокращений 143

Игорь Михайлович Дьяконов
УРАРТСКИЕ ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

Утверждено к печати
Институтом Археологии
Академии наук СССР

Редактор Издательства *С. М. Кочетова*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *Г. М. Гельфер, Ж. Д. Панкратова*
и *В. А. Пузиков*

Сдано в набор 26/I 1963 г. Подписано к печати 6/VI 1963 г.
РИСО АН СССР № 111—12 В. Формат бумаги $70\times108^{1}/_{16}$.
Бум. л. $4^{9}/_{16}$. Печ. л. $9^{1}/_{8}$=12,5 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 12,95.
Изд. № 1854. Тип. зак. № 39. Тираж 1300.
Цена 78 к.

Ленинградское отделение Издательства АН СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ „АКАДЕМКНИГА“
ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

Андреев М. С. и **Пещерева Е. М. Ягнобские тексты, с приложением ягнобско-русского словаря.** 1957. 392 стр. Цена 1 р. 94 к.

Тексты ягнобских сказок, загадок, образцов поэтического творчества, записанных в различных селениях, лежащих в районе одного из левых притоков Зеравшана.

Бакаев Ч. Х. Говор курдов Туркмении. (Фонетика, грамматика, тексты и словарь). 1962. 270 стр. Цена 1 р. 32 к.

Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя. 1963. 663 стр. Цена 3 р. 62 к.

В книгу вошли тексты колониального периода, очерк грамматики языка майя, краткий словарь старого языка и каталог графем. Основную часть книги составляют репродукции иероглифических текстов.

Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. 1960. 504 стр. Цена 2 р. 77 к.

Мещанинов И. И. Грамматический строй урартского языка. Часть 2. Структура глагола. 1962. 86 стр. Цена 53 к.

Ваши заказы на книги просим направлять по адресу:
Москва, К-12, Б. Черкасский пер., 2/10,
Контора „Академкнига“, отдел „Книга—почтой“
или в ближайший магазин „Академкнига“

Адреса магазинов „Академкнига: *Москва, ул. Горького, 6* (магазин № 1); *1-й Академический проезд, 55/5* (магазин № 2); *Ленинград, Литейный просп., 57; Свердловск, ул. Белинского, 71в; Новосибирск, Красный просп., 51; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29; Баку, ул. Джапаридзе, 13.*

При получении заказа книги, как имеющиеся в наличии, так и печатающиеся (по поступлении в продажу), будут направлены в Ваш адрес наложенным платежом. Пересылка за счет заказчика.

Предварительные заказы на книги принимаются также местными магазинами книготоргов и потребительской кооперации.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
35	левый стлб., прим. 2	Или „чужие“.	Или „чужое“.
36	левый стлб., 10 снизу	te-'i	e-'i
46	19 снизу	'благоденствовать',	'благодетельствовать',
60	23 „	хозяину (?) пусть	хозяину (?); пусть
62	18 „	^{m}A.bi-li-u-qu-[né(?)],	^{m}A-bi-li-ú-qu[-né(?)],
63	19 сверху	'вот каких	'вот какие
81	14 снизу	(LÚ*ŠÁ.RĒŠ*J^{meš}),	(LÚ*ŠÁ.RĒŠI*^{meš}),
82	16 сверху	дали мне	сделали мне
92	3 сверху прав. стлб.	*Ablat.* uš-jì-né	*Ablat.* uš-jì-né по его просьбе

И. М. Дьяконов.

1-ТИПОГРАФИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВА АКАДЕМИИ НАУК СССР
Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

КОНТРОЛЕР № 5

При обнаружении недостатков в книге просим возвратить книгу вместе с этим ярлыком для обмена

78 коп.

= 70
0-45 301/
369

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР